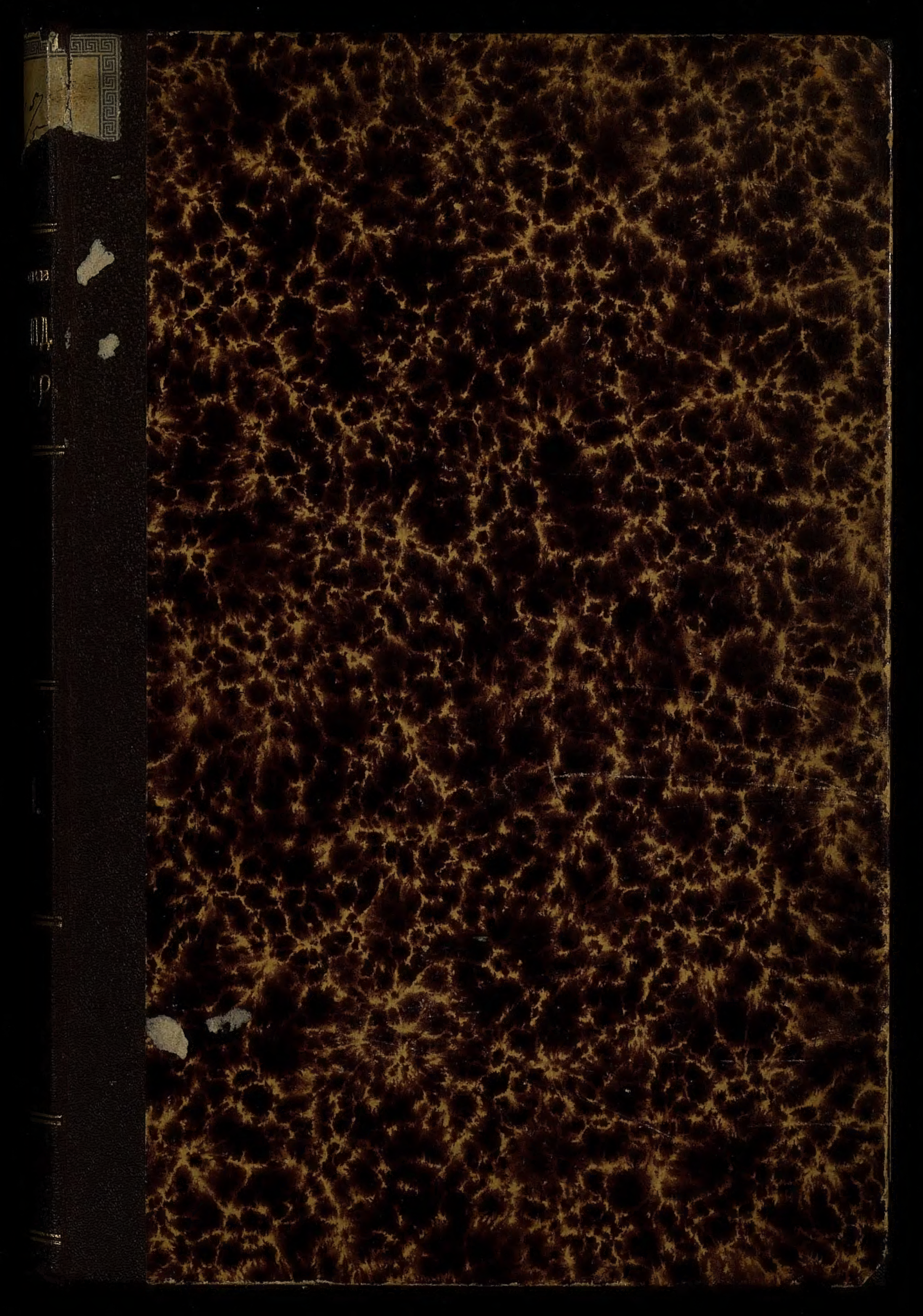
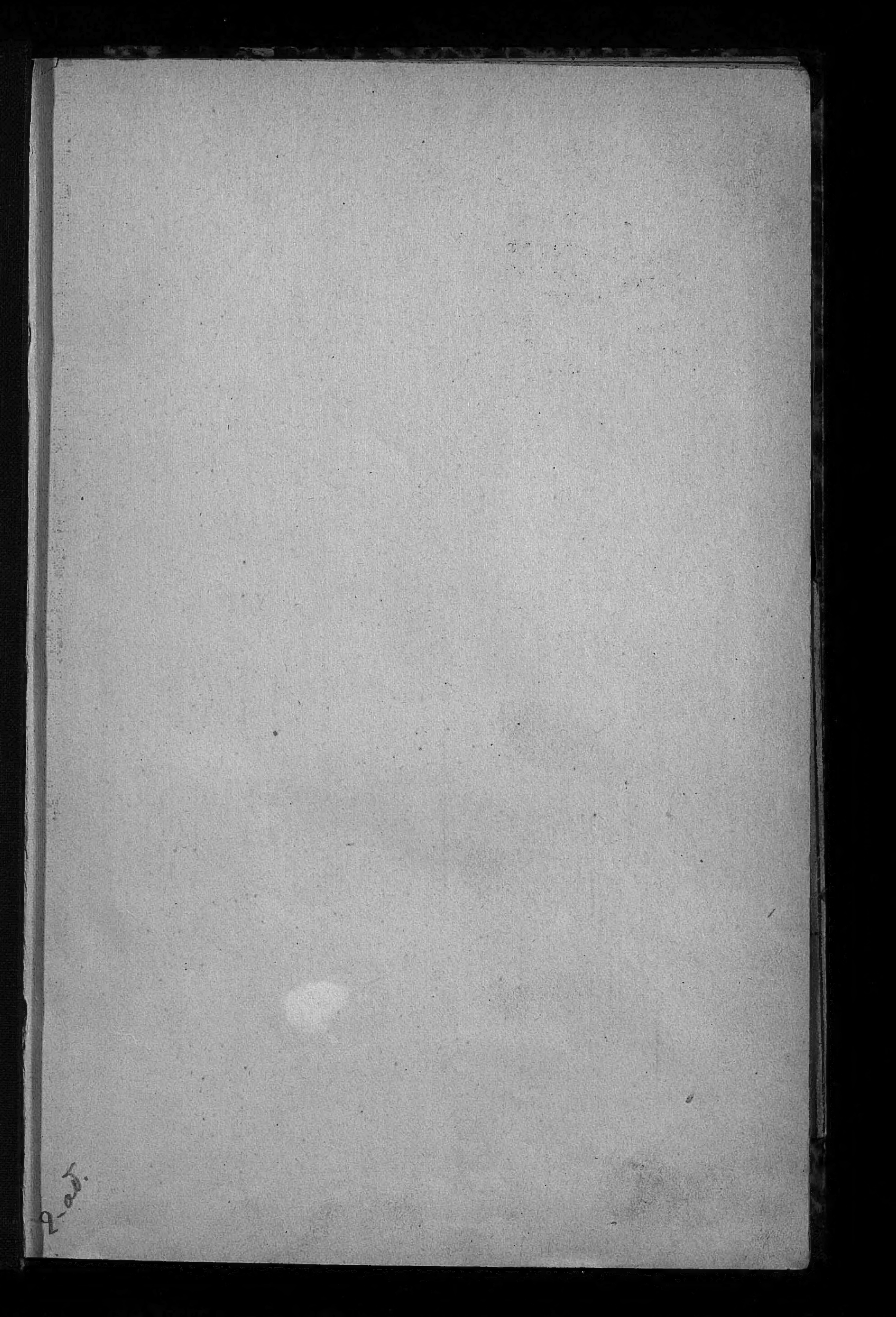

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ
Шкафъ
Полка
№

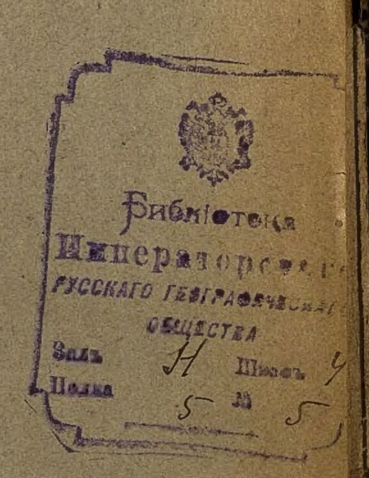
ЗАПИСКИ

ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Т. VI вып. I.

А. Сильницкій. Поѣздка въ сѣверные округи Приморской области.

Г. ХАБАРОВСКЪ
Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора
1902.

Печатано по постановленію совѣта приамурскаго отдѣла и. р. г. о.

ЗАПИСКИ
ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Т. VI вып. I.

А. Сильницкій. Поѣздка въ сѣверныя округи Приморской области.

Г. ХАБАРОВСКЪ
Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора
1902.

Печатано по постановленію совѣта приамурскаго отдѣла и. р. г. о.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ іюня 1901 г., военный губернаторъ Приморской области, генералъ-лейтенантъ Чичаговъ, обратился къ приамурскому генералъ-губернатору съ представленіемъ о командированіи меня въ его, губернатора, распоряженіе, на что главный начальникъ края изъявилъ свое согласіе.

13-го іюня я прибылъ въ г. Владивостокъ, гдѣ и получилъ отъ генерала Чичагова порученіе отправиться въ сѣверныя округи Приморской области: Петропавловскую, Гижигинскую и Охотскую, при чемъ, помимо дѣлъ административно-канцелярскаго характера, мнѣ поручено представить описаніе своей поѣздки.

Поѣздка въ сѣверныя округи Приморской области.

ГЛАВА I.

От Владивостока до Петропавловска.—Прибытіе въ Петропавловскъ.

Прибывши въ г. Владивостокъ 13-го іюня, 14-го іюня я получилъ всѣ нужныя бумаги и путевое довольствіе, и 15-го, съ разсвѣтомъ, думалъ уже выѣхать въ сѣверные порты на пароходѣ в. к. ж. д. „Гиринъ", но „Гиринъ" 15-го не ушелъ, такъ какъ портовая комиссія, осматривавшая механизмы этого парохода, нашла его котлы въ чемъ-то неисправными, и пароходъ, несмотря на развѣшанныя по городу объявленія объ отходѣ его 15-го числа, съ разсвѣтомъ, снялся съ якоря только 16-го, въ 12 часовъ дня.

Въ моментъ выстрѣла крѣпостной полуденной пушки, на „Гиринѣ" заработала паровая лебедка, тащившая якорь, и пароходъ тронулся.

Погода въ этотъ день стояла ясная, тихая и мы, пассажиры „Гирина", имѣли возможность любоваться съ палубы парохода дивною панорамою Владивостока съ моря. Мы и не замѣтили, какъ дошли до Скриплева, а потомъ уже показался дикій, скалистый Аскольдъ, а за Аскольдомъ и безбрежное, безграничное море, тихое зеркальное.

Пассажирскихъ помѣщеній на „Гиринѣ“, собственно говоря, нѣтъ; въ кормовой части парохода, подъ палубой, отведена небольшая клѣтушка, разгороженная перегородками на три каюты: капитанскую, двѣ пассажирскихъ, между которыми крохотная каютъ-компанія, гдѣ трудно и повернуться. На этотъ разъ на „Гиринѣ“ было четверо пассажировъ: завѣдывающій рыбными промыслами Приамурскаго края, Н. Я. Д., двѣ акушерки: одна ѣхала въ Камчатку, а другая на Командорскіе острова; четвертымъ пассажиромъ былъ я.

Мы, пользуясь хорошей погодой, всѣ сидѣли на палубѣ, хвалили море, любовались стадомъ дельфиновъ, рѣзвившихся недалеко отъ кормы, въ волнѣ, которую оставлялъ за собою винтъ „Гирина“.

Наши пассажирки, ѣхавшія на дальній сѣверъ служить, имѣли смутное представленіе о той странѣ. Одна изъ нихъ, молодая, интеллигентная, ѣхала на Командорскіе острова прямо изъ Петербурга, представляя себѣ эти острова поэтическимъ уголкомъ, гдѣ слышенъ убаюкивающій плескъ волны, гдѣ шумятъ зеленыя рощи и гдѣ можно отдохнуть отъ петербургской суеты. Дикій островъ, да еще въ далекомъ морѣ, былъ въ представленіи молоденькой барышни настолько заманчивымъ, что она мирилась и съ его безлюдьемъ, и съ полной отрѣзанностью острова, въ осенніе и зимніе мѣсяцы, отъ всего міра.

Жаль, что ѣдутъ въ такія палестины, какъ Командорскіе острова, не узнавши, что острова эти—не болѣе, какъ голыя скалы, вѣчно окутанныя туманами, что на скалахъ этихъ не растетъ даже тощее дерево, не грѣетъ тамъ солнце, а вѣчно, почти круглый годъ, дуютъ пронизывающіе вѣтры, а море не „плещетъ, не

убаюкиваетъ своей волной", а „реветъ и стонетъ", и этотъ яростный ревъ моря, густые туманы, холодъ да вѣтры встрѣтятъ и проводятъ всякаго насельника того суровѣйшаго уголка. Собираясь жить на Командорскихъ островахъ, нужно это знать и быть къ этому готовымъ, тогда, пожалуй, легче будетъ и жить тамъ.

Въ 6 час. вечера, когда мы уже прошли Аскольдъ, позвонили къ обѣду. Обѣдъ и, вообще, всякая ѣда, при однообразіи морскаго путешествія, играетъ въ пароходной жизни столь крупную роль, что считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ продовольствіи на „Гиринѣ". Обѣдъ сервировался въ каютъ-компаніи на 8 приборовъ: 4 прибора для пассажировъ, 3 прибора для капитана, старшаго его помощника и старшаго механика, а 8-й приборъ для жены капитана, прибалтійской латышки, ни слова не говорившей по-русски.

На столъ подавалось множество тарелочекъ съ закусками: селеной рыбой, кусочками колбасы, сыру, холоднаго мяса и проч.; тарелочекъ счетомъ много, но, собственно, закуски на каждой изъ нихъ мало. Лишь только мы прожевывали два—три кусочка какой-либо закуски, какъ услужливые бойки уже появлялись съ тарелкою супу, еле прикрывающаго дно тарелки, холодноватаго, безъ кусочка мяса; супъ всегда безвкусный; 5—6 ложекъ супу—и китайцы несутъ уже второе блюдо, какую нибудь разварную рыбу, чаще кэту или камбалу, непремѣнно съ картофелемъ, подаваемымъ на особой тарелкѣ, и всегда однимъ и тѣмъ-же китайцемъ, у котораго, кажется, и нѣтъ другого дѣла, какъ подавать картофель. Рыбу смѣняли мясныя жаркія, два подъ рядъ, и тоже съ неизмѣннымъ картофелемъ; послѣ жаркихъ подавалось какое нибудь сладкое, а затѣмъ, въ заключе-

ніе, подавался стаканъ чаю, банка фруктовъ и орѣхи.— По такой картѣ ѣли два раза въ день: въ $12^{1}/_{2}$ час. дня и въ 6 час. вечера, а въ 8 час. утра подавался мясной горячій завтракъ.

Кушаній счетомъ много, но все подавалось въ такихъ маленькихъ дозахъ, что, выйдя изъ за стола, можно-бы съ неменьшимъ аппетитомъ пообѣдать или позавтракать и вторично. За продовольствіе взималось въ пользу ресторатора 2 руб. 50 коп. въ день; на амурскихъ пароходахъ берутъ по 2 руб. въ день, кушаній даютъ меньше счетомъ, кормятъ рѣже, но столъ на амурскихъ рѣчныхъ пароходахъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ на морскомъ пароходѣ общества восточной китайской желѣзной дороги.

Особенно дурно подавался чай; воду на „Гиринѣ", какъ и на всякомъ морскомъ пароходѣ, держатъ въ особыхъ цистернахъ; на другихъ пароходахъ эти цистерны, быть можетъ, держатъ болѣе чисто, и тамъ, поэтому, и вода чище, но на „Гиринѣ" цистерну цементировали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и стѣнки цистерны стали ржавѣть; прѣсная вода, наливаемая въ цистерну помпой, прямо со шлюпки, въ которой, случается, плаваютъ, и дно которой попираютъ ногами, но никогда не моютъ, грязна сама по себѣ, а попадая въ грязную цистерну, она уже дѣлается помоями. Когда нѣтъ качки, то вода въ цистернахъ хоть немного отстаивается, но эта-же вода, во время качки, до такой степени грязна, что нужно особое мужество, чтобы рѣшиться выпить на „Гиринѣ" стаканъ чаю да еще приготовленнаго китайцами, которые засыпаютъ чай прямо въ холодную воду и ставятъ его кипятить вмѣстѣ съ водою; чай, заваренный такимъ образомъ рано утромъ, стоитъ на плитѣ цѣлый

день и, понятно, онъ теряетъ всякій вкусъ, всякое подобіе того чая, къ которому привыкъ русскій человѣкъ.

На „Гиринѣ“ вся команда, исключая командира, штурмановъ и механика, состояла изъ китайцевъ и корейцевъ; командиръ и его ближайшіе сотрудники, правда, русскіе подданные, но хорошо говорятъ по-русски только трое, да и тѣ англоманствуютъ, ругаютъ все русское и хвалятъ, хотя больше по наслышкѣ, все англійское.

Не скажу, что бы на этомъ русскомъ пароходѣ было хоть что нибудь русское; одинъ флагъ развѣ русскій да образъ святителя Николая въ каютъ-компаніи, передъ которымъ, наканунѣ праздниковъ, китаецъ, срывавшій листки отрывнаго календаря и отличавшій праздники отъ будней по краснымъ и чернымъ числамъ, неизмѣнно зажигалъ лампадку, говоря, что этотъ „русскій Богъ—хорошій Богъ: огонь гори—шторма нѣтъ, пароходъ качай нѣтъ“.

Зажегъ китаецъ лампаду передъ образомъ и 16 числа, въ субботу, но на этотъ разъ лампада не помогла: съ 11 часовъ ночи погода стала свѣжѣть, началась легкая качка и послышался заунывный свистокъ „Гирина“, попавшаго въ полосу тумана. Качка все больше и больше, свистки все чаще и чаще, и въ крохотномъ пассажирскомъ помѣщеніи послышались легкіе охи. Пароходъ покрениваетъ уже такъ, что багажъ, кое какъ сложенный, еще не прикрѣпленный, сталъ ѣздить по каютамъ, а тамъ звякнулъ объ полъ и неубранный во время стаканъ.

Море вступало въ свои права.

Цѣлую ночь маялись пассажирки, не привыкшія къ качкѣ; и охали, и стонали, и требовали мятныя капли

и натирали виски мигреннымъ карандашемъ, но это, видимо, помогало мало; позвали боя, потребовали коньяку съ лимономъ, этого радикальнаго средства отъ морской болѣзни, но и коньякъ не помогъ. Вѣтеръ все свѣжѣй, волна больше и винтъ, отъ времени до времени, сталъ работать въ воздухѣ, заставляя дрожать весь корпусъ и наполняя ужасомъ сердца незнакомыхъ съ морскими штормами.

Прошла ночь; утромъ тумана не было, но небо заволокло тучами и надъ моремъ нависла какая то мгла. Качаетъ, но слабѣе. 18-го іюня, рано утромъ, вошли въ Сангарскій проливъ, отдѣляющій Мацмай отъ Іезо. Показались японскіе острова. Около 4 часовъ вечера показался Хакодате. По всѣмъ направленіямъ снуютъ японскія суда и парусныя, и паровыя. Жаль, что идемъ мимо Хакодате: очень хотѣлось бы побывать въ этомъ большомъ торговомъ японскомъ городѣ, и познакомиться съ жизнью здѣшнихъ японцевъ, которые сохранили еще свою самобытность и живутъ по завѣтамъ старины. Но мы идемъ мимо и поварачивая все болѣе болѣе на сѣверо-западъ, выходимъ изъ Сангарскаго пролива и попадаемъ въ безпредѣльный океанъ.

Непривѣтливо онъ встрѣтилъ насъ; свѣжаго вѣтра не было, но по океану ходила мертвая зыбь, не страшная, если она идетъ прямо на носъ судна, но страшная, если она хлещетъ о борты; мы попали какъ разъ въ бортовую зыбь, и она дала себя знать. Вспомнили мы штормикъ въ ночь на 17-е, пожалѣли о немъ и желали скорѣе вѣтерка, да посвѣжѣй.

19-е и 20-е мы шли къ сѣверу, вдоль японскихъ островов, и чѣмъ дальше мы подвигались къ сѣверу, тѣмъ море дѣлалось оживленнѣй. Въ разныхъ направле-

ніяхъ видны стайки морскихъ птицъ; то подлетитъ къ пароходу, то отлетитъ отъ него какая либо птичка, понадѣявшаяся на свои силы и залетѣвшая въ море дальше, чѣмъ слѣдовало.

Удивительно довѣрчива птица, пріютившаяся на отдыхъ въ какомъ либо уголкѣ парохода; ее, видимо, совсѣмъ не смущаетъ ни движеніе людей по палубѣ, ни стукъ машины, ни скрипъ всего корпуса парохода, борющагося съ морскою зыбью. И птица не даромъ вѣритъ людямъ: трогать отдыхающую птицу моряки, какой бы они націи ни были, считаютъ грѣхомъ. Первое время насъ занимало, когда къ пароходу подлетаетъ стайка птицъ; долго она кружится около парохода, то улетая отъ него, то подлетая вновь, пока, наконецъ, вся птичья компанія, набравшись духу, рѣшается залетѣть на пароходъ. Идя вдоль японскихъ острововъ, мы привыкли къ пернатымъ пассажирамъ и насъ ничуть не интересовало сидятъ ли птицы на мачтѣ, сидятъ ли онѣ на веревкахъ, у борта. Другое дѣло, если залетитъ на пароходъ молодая утка, какъ это часто случалось на возвратномъ пути, въ концѣ августа и началѣ сентября; утка не можетъ сидѣть ни на мачтѣ, ни на веревкахъ, а сядетъ на палубѣ, на самой дорогѣ, и никому не хочетъ уступать своего мѣста. Сидитъ молодой топорокъ: идешь мимо него, а онъ уже шипитъ, хочешь взять его въ руки, а онъ лѣзетъ въ драку; и забавляешься съ нимъ отъ скуки, пока надоѣстъ, а затѣмъ выбросишь глупую птицу за бортъ и любуешься, какъ она удираетъ, поминутно ныряя.

Морская пучина тоже не безъ жизни; то тамъ, то здѣсь всплеснетъ какая то рыба, то проплывутъ, направляясь къ сѣверу, два—три морскихъ котика; коти-

ки, совершая свои путешествія, держатся почти всегда на самой поверхности воды, и когда они спятъ, то они ложатся на спину, а головы закрываютъ ластами и хвостомъ, такъ что спящій на волнѣ морской котикъ похожъ на конвертъ. Мы, идя вдоль Японскихъ острововъ и Курильской гряды, видѣли много котиковъ, направлявшихся, видимо, на лежбища.

20-го іюня показались скалистые острова Курильской гряды, дикіе, мертвые, покрытые, несмотря на вторую половину іюня, снѣгомъ. Было холодно въ каютахъ; а на палубѣ даже мерзли ноги. Въ каюты пустили паровое отопленіе, но новыя трубы, проводившія текучій паръ въ каюты, раскалившись, наполняли ихъ какимъ то одуряющимъ смрадомъ, и вмѣсто холода въ каютахъ становилось такъ душно, что хотя-нехотя, приходилось выходить на палубу и мерзнуть на пронизывающемъ сѣверномъ вѣтрѣ. На палубѣ можно было и простудиться, а могло обойтись и благополучно, но оставаться въ каютѣ—это обречь себя на вѣрную головную боль [illegible]

Шестыя сутки мы были въ морѣ. И чѣмъ больше плыли, тѣмъ больше хотѣли скорѣе добраться до Петропавловска. Острова, наконецъ, не стали видны; чѣмъ больше мы удалялись отъ острововъ, тѣмъ меньше было жизни въ морѣ: не залетали уже къ намъ птицы, не видны были всплески рыбъ. Кругомъ, какъ видитъ глазъ, море,—сѣрое, соленое, скучное; все время качаетъ, все время холодно и все время шипитъ въ трубахъ текучій паръ, дѣлая невыносимымъ, по крайней мѣрѣ для меня, пребываніе въ каютѣ.

22 іюня, къ вечеру, вѣтеръ сталъ свѣжѣть, а 23-го іюня, съ 4-хъ часовъ вечера, когда мы были миляхъ въ

ста отъ мыса Лопатки, мы попали въ жестокій штормъ. По морю ходили не волны, а цѣлыя горы, между которыми зіяли пропасти; бѣдный пароходъ, вздрагивая, то подымался на гребень волны, то стремительно летѣлъ внизъ, черпая воду и носомъ, и бортами, а винтъ, все почти время работая въ воздухѣ, не только не давалъ ходу, но первое время пароходъ держался почти на нулѣ, а затѣмъ, 24-го іюня, съ 10 часовъ утра и до 5 вечера, когда штормъ наиболѣе окрѣпъ, мы получили скорость, при полной работѣ машины, минусъ 2 мили въ часъ, т. е., мы шли не впередъ, а разбушевавшееся море гнало насъ назадъ.

Насъ трепало двое сутокъ; насколько силенъ былъ штормъ, заставшій „Гиринъ“ вблизи Лопатки, видно изъ того, что командиръ военнаго транспорта „Якутъ“, стоявшаго на якорѣ въ Петропавловской бухтѣ, опасаясь, чтобы судно не выбросило бурею на берегъ, принялъ особыя мѣры, рекомендуемыя морскимъ уставомъ для якорныхъ стоянокъ во время особо сильныхъ штормовъ. А мы вѣдь были въ открытомъ морѣ.

Но всему бываетъ конецъ, и свирѣпый штормъ, въ 7 часовъ вечера 24-го іюня, стихъ; мы пошли впередъ, а 25-го, къ разсвѣту, пришли на высоту Авачинской губы, и взошедшее солнце освѣтило намъ чудныя снѣговыя вершины камчатскихъ красавицъ—сопокъ: Авачинской и Коряцкой.

Кончились наши страданія и мы радостно входимъ въ Авачинскую губу; справа отъ насъ петропавловскій маякъ, а тамъ показались, за створами бухты, и камни: „Три брата“, и „Монахъ“, и „Бабушка“. Показалась Сигнальная гора. Ходъ все меньше и меньше. Мы вошли въ петропавловскую бухту. Вотъ и якорь отдали.

Въ Петропавловскѣ ожидали, что на „Гиринѣ“ прибудетъ военный губернаторъ, генералъ Чичаговъ, и къ пароходу, лишь сталъ онъ на якорь, подходили шлюпки, на которыхъ возсѣдали: мѣстныя власти, купечество и даже простые обыватели; причалилъ къ „Гирину“ и паровой катеръ, на которомъ сидѣли: командиръ „Якута“, капитанъ 2-го ранга Н., и старшій офицеръ, капитанъ 2 ранга Е.

Въ Петропавловскѣ, какъ и всюду въ сѣверныхъ округахъ Приморской области, ждутъ пароходъ съ нетерпѣніемъ: пароходъ привозитъ и новости, и почту, и различные запасы, выписываемые изъ Владивостока. Лишь покажется пароходъ въ створахъ Авачинской губы, какъ въ Петропавловскѣ всѣ мальчишки кричатъ во все горло: „пароходъ идетъ!“ и бьютъ при этомъ въ сковороды и мѣдные тазы. Всѣ волнуются, всѣ ждутъ отъ парохода чего нибудь особеннаго, и это понятно, если принять во вниманіе, что въ тѣхъ краяхъ нѣтъ телеграфа, нѣтъ иного сообщенія съ остальнымъ міромъ, какъ на пароходахъ.

На палубу „Гирина“, одинъ по одному, стали подыматься петропавловцы, а мы встрѣчали ихъ; начались взаимныя привѣтствія, разспросы о томъ, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ, что дѣлается во Владивостокѣ, Хабаровскѣ и т. д. „Гиринъ“ не привезъ сенсаціонныхъ новостей, рѣдко привозятъ ихъ и другіе пароходы, но, при всякомъ новомъ пароходѣ, камчатскій обыватель неизмѣнно ждетъ чего нибудь особеннаго.

И прибывшіе, и встрѣчавшіе прошли въ каютъ-компанію поздравить пароходъ съ прибытіемъ: таковъ ужъ обычай. Въ каютъ-компаніи, за легкой холодной закуской, происходитъ первое знакомства съ мѣстны-

ми жителями, а затѣмъ, если пароходъ прибылъ до заката солнца, то вновь прибывшій въ этотъ-же день дѣлаетъ визиты ко всѣмъ тѣмъ, съ которыми познакомился на пароходѣ. Визиты въ Петропавловскѣ, да и вездѣ въ сѣверныхъ округахъ, оригинальны.

Пришли вы къ А., вамъ сейчасъ-же предлагаютъ обильное угощеніе и вы обязаны попробовать и того, и другого; предлагаютъ угощеніе такъ радушно, да и самое угощеніе такое вкусное, что хочешь—не хочешь, отвѣдаешь и того и другого. Отъ А. вы идете къ Б., но уже не одинъ, а въ компаніи съ А.; у Б. тоже угощеніе и такое упрашиваніе гостя „покушать", что кушаешь и у Б., а затѣмъ идешь къ В., но уже въ компаніи съ А. и Б., и вездѣ угощаютъ. Въ концѣ концовъ, вы дѣлаете послѣдній визитъ, и въ вашей компаніи вы видите представителей всего петропавловскаго общества.

ГЛАВА II.

Рыбные промыслы на Камчаткѣ и способы заготовки рыбы въ прокъ жителями этой страны.

Я недолго оставался въ Петропавловскѣ, ибо не могъ упустить случая отправиться на „Якутѣ“ къ мысу Лопаткѣ, а затѣмъ на западный берегъ Камчатки, рыбныя богатства которой все болѣе и болѣе привлекаютъ вниманіе японскихъ рыбопромышленниковъ, ежегодно снаряжающихъ къ берегамъ этой страны цѣлыя флотиліи парусныхъ шхунъ.

Говоря объ этой поѣздкѣ, я долженъ коснуться вопроса о рыбныхъ и, вообще, морскихъ богатствахъ Камчатки и о положеніи дѣла эксплоатаціи ихъ. Этотъ вопросъ, конечно, болѣе основательно будетъ разсмотрѣнъ моимъ спутникомъ по путешествію на „Гиринѣ“ и „Якутѣ“, Н. Я. Домашневымъ, спеціалистомъ рыбнаго дѣла, но это едва ли лишаетъ меня права также высказаться объ этомъ предметѣ. Затрогивая положеніе рыбнаго промысла въ Камчаткѣ, я далекъ отъ мысли предрѣшать этотъ важный вопросъ, а я просто разскажу то, что видѣлъ, что слышалъ.

Въ моихъ разсказахъ, быть можетъ, встрѣтятся факты, несогласные съ тѣми, которые, составляя достояніе литературы со временъ Крашенинникова, подтверждены позднѣйшими учеными изслѣдователями. Я не за-

даюсь цѣлью опровергать что бы то ни было, а я задаюсь цѣлью сказать въ этой статьѣ только то, что я или наблюдалъ своими собственными глазами, или слышалъ непосредственно отъ жителей Камчатки.

Наблюдая то или другое явленіе непосредственно, я могъ его понять не такъ, какъ слѣдовало, а разсказы жителей могли и не соотвѣтствовать истинѣ, и свое сообщеніе я не выдаю, поэтому, за непреложную истину, хотя и полагаю, что оно близко къ ней.

Въ недавно изданной министерствомъ финансовъ книгѣ Слюнина, подъ названіемъ «Охотско-Камчатскій край", а равно и въ книгѣ Маргаритова, изданной нашимъ отдѣломъ, перечислены всѣ породы камчатскихъ рыбъ, какъ обитающихъ въ камчатскихъ рѣкахъ, такъ и рыбъ ходовыхъ, появляющихся въ рѣкахъ въ извѣстные періоды для метанія икры, при чемъ для этой послѣдней рыбы въ сказанныхъ книгахъ указаны даже сроки пребыванія ихъ въ прѣсныхъ водахъ.

Рекомендуя интересующемуся эти книги, я прямо перейду къ описанію рыбнаго промысла въ Камчаткѣ.

Рыболовные снаряды, употребляемые камчатскими инородцами, суть деревянные запоры, самаго примитивнаго устройства. Запоры дѣлаются изъ деревянныхъ пластинъ, шириною въ вершокъ, толщиною 1/4 вершка, высотою около сажени; эти пластины вдѣлываются въ четырехугольныя рамы, длиною отъ 1 1/2 до 2 саженъ. Такихъ рамъ дѣлается 4; двѣ изъ нихъ ставятся параллельно, а къ одной изъ нихъ привязывается третья рама такъ, что свободный конецъ рамы лежитъ по линіи другой, параллельно поставленной. Къ свободному концу 3-й рамы привязывается, подъ острымъ угломъ, 4-я рама съ такимъ разсчетомъ, чтобы конецъ ея проходилъ

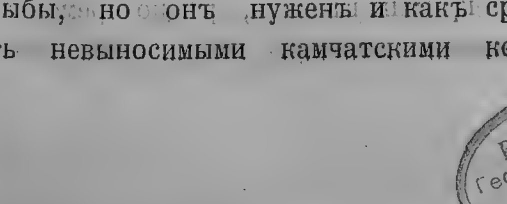
немного дальше и въ сторону отъ параллельной рамы, образуя небольшой коридоръ. Къ другимъ концамъ параллельныхъ рамъ прикрѣплена дверь, закрывающая входъ; около этого входа, по обѣ стороны концовъ рамы, вбиваются колья, между которыми вкладывается, открытымъ концомъ къ двери, сдѣланное изъ деревянныхъ же пластинъ, отстоящихъ одна отъ другой на 1 вершокъ разстоянія, подобіе бочки, продолговатой формы, діаметромъ около $^{3}/_{4}$ аршина, а длиною около 2 саж.; одинъ конецъ бочки задѣланъ такими же пластинами, изъ которыхъ устроены всѣ части запора. Описываемая бочка предназначается для входа туда, чрезъ открытыя двери, рыбы; въ верхней части, около закрытаго конца, бочка имѣетъ отверстіе, закрываемое доскою; отверстіе служитъ для выбрасыванія попавшей рыбы. Для постановки запора, въ дно рѣки, въ удобныхъ мѣстахъ, вбиваютъ колья, переплетаютъ ихъ тальникомъ, а на глубинѣ 2 аршинъ привязываютъ ко вбитымъ кольямъ рамы запора и обращаютъ входъ въ коридоръ по теченію рѣки; съ другой стороны запора опять идетъ небольшой промежутокъ, задѣланный тальникомъ до дна рѣки, а затѣмъ ставится слѣдующій запоръ. Количество запоровъ зависитъ отъ ширины рѣки и рѣка, такимъ образомъ, перегораживается съ одного берега до другого.

Рыба, стремясь вверхъ рѣки для метанія икры, встрѣчая на пути своемъ преграду, ищетъ прохода и, вплывая въ довольно узкій коридоръ между рамами, не имѣетъ возможности повернуться, чтобы идти назадъ и, доходя до конца параллельно стоящей рамы, повертывается внизъ по теченію рѣки; между параллельно стоящими рамами попадаетъ она, чрезъ открытую дверь,

въ продолговатую бочку. Когда бочка наполнится рыбою, то инородецъ подплываетъ на лодкѣ къ запору, закрываетъ дверь и приподнимаетъ бочку между кольевъ вверхъ, а затѣмъ, открывъ верхнее отверстіе, достаетъ оттуда всю попавшую рыбу. Большія воды часто сносятъ одинъ или нѣсколько запоровъ. Рыба, имѣя свободный проходъ, не идетъ уже въ коридоры другихъ запоровъ; случается, что прибылая вода сноситъ всѣ запоры, и въ большія воды приходится ловить рыбу неводами или сѣтями, или ожидать спада водъ.

Въ узкихъ рѣчкахъ запоръ еще проще; это ни болѣе, какъ бревенчатый ящикъ, двѣ стороны котораго могутъ быть закрываемы или открываемы при помощи такъ называваемаго плетня. Въ такой ящикъ, съ началомъ рыбнаго хода, попадаетъ такъ много рыбы, что жители прямо не знаютъ, куда и дѣвать ее.

Пункты, гдѣ устроены такіе запоры, называются лѣтниками, и туда выѣзжаетъ на лѣтніе мѣсяцы все сосѣднее населеніе со всѣмъ своимъ скарбомъ; здѣсь строятъ изъ тополеваго лѣса дома, не болѣе 4 арш. ширины и длины, всегда безъ потолка. Возлѣ стѣнъ такого дома расположены нары, а посрединѣ устроенъ очагъ, надъ которымъ сдѣлано въ крышѣ отверстіе. Все пространство между крышей и верхнимъ вѣнцомъ сруба наполнено балыками, брюшками, которые день и ночь коптятся дымомъ отъ очаговаго огня, при чемъ топливомъ служатъ, исключительно, гнилушки, къ которымъ, отъ времени до времени, подбрасываются можжевеловыя вѣтки, дающія дымъ пріятнаго запаха, прекрасно коптящій балыки и брюшки. Дымъ въ лѣтней хаткѣ нуженъ не только для копченія рыбы, но онъ нуженъ и какъ средство для борьбы съ невыносимыми камчатскими комарами и мошкой.

На околицѣ такого лѣтника проводятъ лѣтніе мѣсяцы и ѣздовыя собаки, привязанныя къ кольямъ, вбиваемымъ для каждой собаки въ отдѣльности. Подъѣзжая къ лѣтнику, версты за двѣ уже слышишь невыносимую вонь разлагающейся рыбы, и чѣмъ ближе подходишь къ нему, тѣмъ запахъ все рѣзче и отвратительнѣй; дышешь ртомъ, но и это помогаетъ мало.

При въѣздѣ въ лѣтникъ, васъ встрѣчаетъ адскій лай сотенъ собакъ; привязанныя собаки лишь завидѣли посторонняго, начинаютъ рваться и, сорвись онѣ, не сдобровать—ихъ нѣсколько сотъ, а злы онѣ непомѣрно.

Собачій яростный лай, смѣняющійся затѣмъ жалобнымъ воемъ, дѣйствуетъ на нервы отвратительно, а тутъ вонь, а тутъ и камчадалы, потрошившіе рыбу нѣсколько недѣль подъ рядъ, но ни разу за это время не мѣнявшіе бѣлья и одежды и не мывшіеся теплой водой.

Самое видное мѣсто на лѣтникахъ занимаютъ рыбныя вѣшала, простые навѣсы, крытые травою или корьемъ; въ призматическомъ пространствѣ крыши камчатскихъ вѣшалъ устроены параллельные ряды жердей, на которыхъ вѣшается для сушки рыба, разрѣзанная вдоль спиннаго хребта на двѣ пластины, при чемъ самая кость и голова при ней вѣшается отдѣльно, а мясо рыбы, разрѣзанное до хвоста, вѣшается отдѣльно; голова и кости есть лучшій кормъ для собакъ во время зимнихъ поѣздокъ, а рыбьи бока, до хвоста включительно, если удается хорошо засушить ихъ,—и есть знаменитая юкала, главное продовольствіе всего населенія сѣверныхъ округъ.

Но хорошо просушить юкалу удается не часто; травяныя и корьевыя крыши вѣшалъ, рѣдко ремонтируемыя, плохо защищаютъ висящую подъ ними рыбу

отъ дождя, и если, какъ это часто случается въ Камчаткѣ, зарядитъ на нѣсколько дней дождь, то рыба, подмоченная дождемъ, начинаетъ гнить, и хвостовыя связки, подгнивши, не могутъ выдерживать тяжесть рыбьей туши и юкала валится на землю и пропадаетъ окончательно.

Человѣку брезгливому не слѣдуетъ входить въ вѣшала. Одновременно съ рыбой, появляется въ Камчаткѣ множество комаровъ и прочей насѣкомой твари. Вся юкала сплошь покрыта насѣкомыми; они и питаются соками подвѣшенной рыбы, и кладутъ на рыбу свои яички и вы, вглядѣвшись въ любую рыбину, видите ее покрытою неисчислимымъ множествомъ бѣлыхъ червей съ черными головками. Черви падаютъ на землю и покрываютъ бѣлымъ слоемъ весь полъ вѣшала, и вы не можете и шагу ступить подъ его крышей, чтобы не давить массы червей. Съ непрывычки можетъ стошнить не на шутку.

Рыбу вынимаютъ изъ запора нѣсколько разъ въ день, лишь только запоръ заполняется ею отъ края до края. Вынимаютъ рыбу особыми крючками, а когда вынутъ, то считаютъ ее и дѣлятъ на паи. Единицею пая служитъ взрослый работникъ, каюрная душа, какъ говорятъ въ Камчаткѣ, а дѣти и женщины принимаются за половину каюрной души. Рыбу обдѣлываютъ тутъже, у самаго берега, и вся обдѣлка сводится, собственно, къ потрошенію рыбы и срѣзкѣ ея мягкихъ частей отъ головы до хвоста, оставляя послѣдній, какъ связку обѣихъ пластинъ рыбы. Внутренности и икра бросаются тутъ-же, на берегу рѣчки. Мелкая порода рыбы, такъ называемая горбуша, не болѣе 3 ф. вѣсомъ, прямо цѣликомъ бросается въ особыя ямы, въ которыхъ

она, будучи затѣмъ засыпана землей, загниваетъ; загнившая и превратившаяся въ невѣроятно смрадную кашицу, она служитъ кормомъ для собакъ, при чемъ рыба въ ямахъ, если онѣ не раскрыты, можетъ быть годна для собакъ и по истеченіи 2—3 лѣтъ.

Сколько-же попадаетъ въ описываемой запоръ рыбы за весь періодъ ея хода? Трудно сказать это и всякая статистика этого вопроса—праздная попытка. Идетъ въ такой запоръ столько рыбы, что, сколько бы ее ни портили, сколько бы ее ни сваливали въ ямы, сколько бы ее ни падало съ вѣшалъ, ее всегда будетъ достаточно для населенія данной рѣчки и, думаемъ мы, было бы достаточно и для населенія, въ нѣсколько разъ большаго, чѣмъ теперешнее. Случается годами, что рыбы, вообще, идетъ мало, но такіе годы рѣдки.

Камчадалы, хотя и избалованы обиліемъ рыбы, но заботятся о ея размноженіи. Рыбу, какъ мы сказали выше, выбираютъ ежедневно и по нѣскольку разъ въ день, но во всѣ праздничные дни, безъ малѣйшаго исключенія, рыбѣ дается свободный ходъ; въ воскресные и праздничные дни запоры по всѣмъ камчатскимъ рѣкамъ подымаются и рыбѣ ничто не мѣшаетъ въ ея стихійномъ стремленіи идти вверхъ по рѣкѣ; мало того, ни одинъ камчадалъ въ праздникъ не станетъ чѣмъ-бы то ни было ловить рыбу.

Кромѣ запоровъ, ловятъ на Камчаткѣ рыбу: неводами, сѣтями и на крючекъ. Неводовъ мало. Ловъ рыбы неводами производится такъ: неводъ или связанныя сѣти ставятся въ извѣстномъ мѣстѣ рѣки или моря, саженяхъ въ десяти отъ берега; мѣсто выбираютъ глубокое. Концы веревокъ отъ невода держатся на берегу. Когда рыба войдетъ въ пространство между неводомъ

и берегомъ, тогда неводъ вытягивается. Промыселъ рыбы чавычи производится, исключительно, сѣткой. Сѣти дѣлаются съ восемью крупными ячеями. Сѣть берется въ батъ, который, вмѣстѣ съ другимъ батомъ, заводится вверхъ по рѣкѣ и тамъ, растянувъ сѣть поперекъ рѣки, между батами, плывутъ на батахъ по теченію рѣки и тянутъ сѣть. Чавыча, идя вверхъ по теченію рѣки, попадаетъ въ сѣть и запутывается въ ней, тогда промыленники, вынувъ изъ сѣти рыбу, вновь растягиваютъ сѣть между батами и плывутъ дальше; затѣмъ опять заводятъ сѣть вверхъ по рѣкѣ и повторяютъ тѣже пріемы.

По берегамъ рѣчекъ, въ мѣстахъ осенняго промысла, уже покрытыхъ толстымъ слоемъ снѣга, выкапываютъ до земли ямы, бока которыхъ обставляетъ тальникомъ и туда складываютъ всю добытую рыбу; закрывъ яму сверху жердями, засыпаютъ ее снѣгомъ.

Рыба, такимъ образомъ, сохраняется свѣжею до таянія снѣга. Если снѣга еще не глубоки, то дѣлаютъ изъ деревянныхъ жердей небольшіе срубы, сайбы, и туда складываютъ до весны мерзлую рыбу. Съ наступленіемъ теплаго времени, эта рыба портится и имѣетъ очень сильный, острый запахъ, но камчадалъ употребляетъ такую рыбу въ пищу, и только при совершенномъ ея разложеніи она идетъ для прокорма собакъ.

Таковы способы ловли рыбы камчадалами. Они примитивны, какъ примитивна и вся, вообще, жизнь въ этой странѣ. Огромныя, можно сказать, несмѣтныя рыбныя богатства лежатъ здѣсь втунѣ, служа для мѣстнаго населенія и его ѣздовыхъ собакъ лишь кормомъ, тогда какъ таже рыба, будь она въ рукахъ болѣе развитаго населенія, могла бы служить средствомъ его обогащенія.

Проведеніе великаго сибирскаго рельсоваго пути внесло живую струю и въ жизнь Камчатки; явились тамъ предприниматели, которые пробуютъ извлечь должную пользу изъ камчатской рыбы. Мысль о приготовленіи камчатской рыбы къ экспорту принадлежитъ теперешнему камчатскому окружному начальнику, статскому совѣтнику Ошуркову, и зерно, имъ брошенное, выросло теперь въ солидное фабрично-заводское предпріятіе, рѣчь о которомъ ниже.

Трудно предрѣшить будущность новаго камчатскаго завода, только что открывшаго свои операціи, но предпріятіе это, даже и въ лѣто сего года, съ первыхъ своихъ шаговъ, предвѣщаетъ произвести радикальный переломъ въ экономическомъ строѣ Камчатки, ибо паровой рыбно-консервный заводъ, построенный на берегу Тарьинской бухты, въ 18 верстахъ отъ Петропавловска, и пущенный въ ходъ 8-го іюля минувшаго 1901 года, немедленно, съ первымъ-же оборотомъ своихъ многочисленныхъ машинъ, далъ извѣстную цѣну каждой мѣстной рыбѣ, такъ что бросать ее, какъ то дѣлалось въ Камчаткѣ до открытія завода, стало невыгоднымъ, ибо рыба, съ открытіемъ завода, пріобрѣла извѣстную и притомъ постоянную рыночную цѣнность, а это, если заводъ будетъ дѣйствовать и впредь, перевернетъ вверхъ дномъ весь жизненный обиходъ камчадала, рѣшительно не знавшаго до сего времени куда дѣвать ту массу рыбы, которую ежегодно посылалъ Богъ въ камчатскія рѣки, а потому, какъ видѣли мы выше, и ловившаго, и засолкой заготовлявшаго рыбу впрокъ такъ же, какъ ловятъ и заготовляютъ ее аборигены того края, первобытнѣйшіе сѣверные инородцы.

ГЛАВА III.

Развитіе на Камчаткѣ рыбнаго промысла.—Русскіе и японскіе предприниматели.

Исторія развитія въ Камчаткѣ рыбнаго промысла весьма поучительна; она, прежде всего, указываетъ, что рыбныя богатства этой страны всего болѣе переходятъ въ руки японцевъ, что мы не принимаемъ ровно никакихъ мѣръ къ охранѣ нашихъ богатствъ отъ японцевъ и, въ то же время, не содѣйствуемъ развитію на Камчаткѣ, собственно, русскаго рыбнаго промысла.

Въ 1895 году, когда прибылъ на Камчатку довѣренный русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ, г. Гринвальдъ, начальникъ округи сталъ убѣждать его заняться, помимо торговли, и рыбнымъ промысломъ. Весною 1896 года Ошурковъ отправился вмѣстѣ съ Гринвальдомъ, на пароходѣ „Котикъ", на устье рѣки Камчатки, гдѣ и отвелъ въ пользованіе товарищества рыболовный участокъ, обложивши упромышленную рыбу пошлиной, установленной временными правилами, утвержденными приамурскимъ генералъ-губернаторомъ 2-го декабря 1894 года. Въ эту навигацію Гринвальдомъ было доставлено 900 пудовъ соли и соотвѣтствующее количество бочекъ, при чемъ на усть-камчатскую рыбалку русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ былъ привезенъ Зубковъ, архангельскій поморъ, спеціалистъ-засольщикъ и бондарь и, какъ оказалось, больше на словахъ.

Въ сезонъ 1896 года на устьѣ рѣки Камчатки Гринвальдомъ было упромышлено и засолено всего 87 бочекъ чавычи, 34 бочки разной прочей рыбы лососевыхъ породъ, всего вѣсомъ—1218 пудовъ.

Для обученія искусству солить рыбу и дѣлать бочки, Ошурковъ командировалъ къ Зубкову двухъ казаковъ. Къ сожалѣнію, первый засолъ камчатской рыбы по архангельскому способу оказался плохимъ и рыбу, отправленную черезъ С.-Франциско въ Петербургъ, пришлось выбросить въ море еще не доѣзжая С.-Франциско, а 9 бочекъ, оставленныхъ въ Усть-Камчатскѣ, для отправленія ихъ, съ навигаціей 1897 г., въ г. Владивостокъ, испортились настолько, что усть-камчатскій частный командиръ, даже привыкшій къ запаху тухлой рыбы, нашелъ невозможнымъ не уничтожить эти 9 бочекъ и, 20 іюня 1897 г., составилъ актъ о полной негодности рыбы, засоленной Зубковымъ, и выбросилъ ее въ море.

Гринвальдъ, не ожидая такихъ печальныхъ слѣдствій своего новаго предпріятіи, еще съ осени 1896 г., заказалъ для дальнѣйшей засолки рыбы 500 бочекъ и 2500 пуд. отборной соли, и этотъ заказъ бочекъ и соли, хотя и пришелъ въ Петропавловскъ своевременно, но уже тогда, когда обнаружилось полное незнаніе Зубковымъ того дѣла, за которое онъ взялся, замѣнить же Зубкова было некѣмъ.

На неудачномъ опытѣ 1896 года кончилась попытка солить камчатскую чавычу по образцу двинской семги и снабжать ею не только петербургскій и московскій рынки, но и рынки заграничные.

Въ то время, когда Гринвальдъ прогаралъ на своемъ предпріятіи, на Амурѣ энергично вводились новыя

правила о рыбныхъ промыслахъ, и японцы, вмѣсто устья Амура и рѣчекъ, впадающихъ въ Императорскую гавань и въ другіе заливы нашего побережья, обратили вниманіе на привольную Камчатку и не замедлили показать здѣсь свое искусство заготовлять рыбу впрокъ по особому способу, который не требовалъ ни бочекъ, ни отборной соли, ни какого то бы ни было искусства.

Этотъ способъ, такъ называемый японскій сухой, понравился и Гринвальду и онъ, еще въ 1896 году, выпросилъ себѣ рыболовный участокъ у устья рѣки Столбовой, впадающей въ бухту того же имени, расположенную въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Камчатскаго мыса, и, потерпѣвши полное фіаско въ архангельскомъ способѣ, въ 1897 г., вмѣсто продолженія своихъ неудачныхъ попытокъ, послалъ на рѣку Столбовую 48 человѣкъ японцевъ ловить тамъ рыбу и солить ее сухимъ способомъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что рыбу, только что пойманную, потрошатъ, пластуютъ, складываютъ рядами на циновку, обильно пересыпаютъ каждый рядъ сухою солью, а затѣмъ покрываютъ извѣстное количество рядовъ такой рыбы простою циновкою и оставляютъ, затѣмъ, рыбу на произволъ судьбы до того времени, когда ее можно будетъ везти въ Японію. Рыба, загототовленная такимъ образомъ, не портится и охотно покупается на японскихъ рынкахъ, и даже по высокой цѣнѣ.

Съ этого времени, т. е. со дня посылки Гринвальдомъ японцевъ на р. Столбовую, и начинается хозяйничанье японцевъ въ камчатскихъ водахъ, которому, если немедленно не заведутъ спеціальную сторожевую шкуну, извѣстныхъ морскихъ качествъ, надлежаще вооруженную, не предвидится и конца.

Операція Гринвальда на Столбовой была удачна: японцы засолили 8 тыс. пудовъ и вся эта рыба была вывезена въ Японію и продана тамъ по высокой цѣнѣ. Наловили японцы рыбы и, вѣроятно, не меньшее количество, и на устьѣ рѣки Камчатки, но сколько было тамъ японскихъ рабочихъ и сколько послѣдніе наловили рыбы, я не нашелъ объ этомъ свѣдѣній въ дѣлахъ петропавловскаго окружнаго управленія, хотя жители села Ключевскаго, 14 іюля 1897 г., жаловались усть-камчатскому частному командиру, что въ рѣкѣ нѣтъ рыбы „и мы такъ располагаемъ,—пишутъ жители,—что это не отъ ловли-ли японцевъ."

Въ 1898 году русское товарищество уже расширяетъ свой промыселъ японскими рабочими; оно беретъ рыболовные участки: въ устьѣ р. Камчатки, въ Тарьѣ, въ Озерной, при чемъ за операцію 1898 года имъ уплачивается одной попудной пошлины 1941 руб. 57 коп., что, при 5 коп. съ пуда, даетъ 30,831 пудъ соленой рыбы.

Въ 1899 году товарищество расширило свои промыслы уже настолько, что оно уплачиваетъ пошлины въ три раза больше противъ 1898 г., а именно 5840 руб. 40 коп.

Вся масса рыбы, упромышленной японскими рабочими въ камчатскихъ водахъ за промысловый сезонъ 1899 г., была благополучно вывезена въ Японію и товарищество получило не малые барыши, что обратило на себя вниманіе предпріимчивыхъ людей, и въ петропавловское окружное управленіе, съ первою почтою 1900 года, стали поступать многочисленныя заявленія объ отдачѣ рыболовныхъ участковъ въ аренду. Нѣкій надворный совѣтникъ Чекерскій проситъ отдать ему сѣверо-восточный берегъ Тарьинской бухты, участокъ

у устья рѣки Паратунка, впадающаго въ Авачинскую губу, и участокъ по берегу бухты Лагерной; дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивашинцевъ проситъ отдать ему участокъ у подножія горы Никольской, гдѣ находятся и склады угля военнаго вѣдомства, и пакгаузы русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ, и склады общества восточной китайской ж. д. За этими чиновными предпринимателями потянулись и предприниматели простые: крестьянинъ Зубковъ, мѣщанинъ Огородниковъ, ссыльно-поселенецъ Беккеръ и многіе другіе.

Всѣ эти предприниматели, какъ оказалось впослѣдствіи, не имѣли ровно никакихъ капиталовъ и всякій изъ нихъ разсчитывалъ извлечь выгоды изъ своего русскаго имени, ибо, согласно новому закону, утвержденному приамурскимъ генералъ-губернаторомъ 1-го ноября 1899 года, ловъ рыбы японцамъ въ сѣверномъ районѣ былъ воспрещенъ, а этотъ ловъ предоставленъ, исключительно, русскимъ подданнымъ; 26 го іюня 1900 года завѣдывающій рыбными промыслами Приамурскаго края, Н. Я. Домашневъ, на основаніи этого закона, уже отказалъ двумъ японскимъ шкунамъ въ выдачѣ имъ разрѣшительныхъ документовъ на право рыбнаго промысла у устья рѣки Камчатки.

Въ то самое время, когда съ надлежащей строгостью была соблюдена формальная часть новаго закона, вь Петропавловскъ приходитъ японскій пароходъ „Избуки-Мару“, зафрахтованный владивостокскимъ купцомъ Бринеромъ, на которомъ привозится 18,000 пудовъ соли, на сумму 21 тысяча рублей, и общій промыселъ японскими рабочими, но подъ русскою фирмою, выражается слѣдующими цыфрами:

У Зубкова на 14 рыбалкахъ, расположенныхъ у устья различныхъ камчатскихъ рѣкъ, работало 462 японца; у русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ, на 27 рыбалкахъ, работало 600 японцевъ, у Бринера, на 9 рыбалкахъ, работало 348 человѣкъ японцевъ, у Кахтина, довѣреннаго графа Кейзерлинга, въ бухтѣ Карягинской, работало 45 японцевъ.

Русскіе промышленники работали японскими рабочими въ рыболовный сезонъ 1900 года легально, ибо сіе было разрѣшено приамурскимъ управленіемъ государственными имуществами 7-го марта т. г., о чемъ, отношеніемъ отъ того же числа за № 1387, была и увѣдомлена петропавловская окружная администрація.

Отъ поименованныхъ промышленниковъ, въ сезонъ 1900 года, поступило въ казну слѣдующее количество сбора:

Отъ Зубкова	—	7846 р.	— к.
„ Русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ	—	8014 р.	30 к.
„ Бринера	—	1239 р.	— к.
„ Кахтина	—	707 р.	40 к.
Кромѣ того, за рыбные участки, отданные на сезонъ 1901 года, поступило въ казну	—	4284 р.	— к.
А в с е г о		22,047 р.	70 к.

Одновременно съ промышленниками, ловившими рыбу въ камчатскихъ водахъ, на основаніи выбранныхъ ими документовъ, за которые внесены ими и подлежащіе сборы въ пользу казны, промышляли и хищническія японскія шкуны. Хищники оперировали и на восточномъ, и на западномъ берегахъ Камчатки, но сколько было хищническихъ шкунъ—этого никто не знаетъ. По подсчету

русскаго консула въ Хакодате и по заявленію г. Яковлева, довѣреннаго Бринера, въ сезонъ 1900 года въ амчатскомъ районѣ промышляло болѣе 30 хищническихъ парусныхъ японскихъ шкунъ. Во всякомъ-же случаѣ, японскихъ рыболововъ—хищниковъ было значительно больше, чѣмъ производившихъ промыселъ на законномъ основаніи, по выбраннымъ установленнымъ порядкомъ документамъ.

Такой наплывъ японскихъ хищниковъ въ камчатскія воды объясняется огромнымъ спросомъ рыбы на японскихъ рынкахъ, а затѣмъ и высокими на нее цѣнами, обуславливаемыми, какъ намъ передавали коммерсанты, все болѣе и болѣе повышавшеюся арендною платой за рыболовные участки на Амурѣ.

Въ прошломъ году была нѣкоторая льгота русскимъ промышленникамъ, состоявшая въ томъ, что имъ, несмотря на вновь введенныя правила, было разрѣшено производить промыселъ японскими рабочими; въ этомъ году этой льготы не дали, но на нее надѣялись, и возможность новой льготы послужила на пользу многихъ предпринимателей, изъ коихъ одинъ, а именно Зубковъ, попался съ поличнымъ.

Японцамъ рыба нужна во что бы то ни стало; рыба для Японіи—вопросъ жизни. Камчатское побережье, несмотря на ежегодное крейсированіе „Якута", рѣчь о чемъ ниже, собственно говоря, совершенно беззащитно, и русскія мѣстныя власти не имѣютъ въ своемъ распоряженіи ровно никакихъ способовъ заставить нашихъ сосѣдей уважать распоряженія русскаго правительства. Зная это, японцы и въ этомъ году хлынули въ Камчатку на рыбные промыслы, причемъ японцевъ хищниковъ было въ текущемъ году больше прошло-

годняго, такъ какъ одинъ командиръ „Байкала“, собирая въ іюлѣ мѣсяцѣ 1901 г. по западному берегу Камчатки рыбу прошлогодняго промысла, производившагося котиковымъ товариществомъ, насчиталъ на одномъ только западномъ берегу 32 парусныхъ шкуны, а кромѣ западнаго берега есть и восточный; въ этомъ году, если не считать плаванія „Якута“, вдоль восточнаго берега Камчатки проходилъ только пароходъ восточной китайской желѣзной дороги „Гиринъ“, который, хотя и не занимался осмотромъ восточнаго берега, ибо онъ имѣлъ точно опредѣленный рейсъ, хотя командира „Гирина“ и не занималъ вопросъ о количествѣ японскихъ хищническихъ шкунъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, не только насчиталъ на своемъ пути свыше 20 японскихъ парусныхъ рыболовныхъ шкунъ, но онъ, бросивши якорь въ бухтѣ Корфа, имѣлъ отъ казака, оберегающаго эту бухту отъ вражескихъ покушеній, письменную просьбу изгнать японскихъ хищниковъ*) изъ ея окрестностей, чего „Гиринъ“, за погодою, недостаткомъ времени и по неприспособленности его для этой цѣли, не могъ сдѣлать.

Доказывать, впрочемъ, что и на восточномъ, и на западномъ берегу Камчатки промышляютъ цѣлыя флотиліи японскихъ хищническихъ шкунъ—нѣтъ никакой надобности, ибо, при отсутствіи тамъ охраны, иначе не можетъ и быть.

Не всѣ, однако, японцы увѣрены въ безнаказанности хищническаго промысла и у многихъ изъ нихъ наблюдаются попытки соблюсти законность, но, къ сожалѣнію, это похвальное качество японцевъ, въ лѣто

*) Рапортъ начальника Гижигинской округи военному губернатору Приморской области, отъ 24 августа 1901 года за № 252.

1901 года, пошло не на пользу казны и Камчатки, а на пользу предпринимателей.

Нужно замѣтить, что приамурское управленіе государственными имуществами, озабочиваясь охраною камчатскаго побережья отъ японскихъ хищниковъ, въ прошломъ, 1901 году, учредило на западномъ берегу Камчатки должности двухъ надзирателей, съ окладомъ 600 руб. въ годъ каждому. Хотя восточный берегъ Камчатки остался и внѣ надзора агентовъ управленія, хотя упомянутые два надзирателя, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ плавучихъ средствъ, могли оказать сомнительное сопротивленіе хищничеству японцевъ, особенно, если принять во вниманіе, что наблюденію этихъ двухъ надзирателей предоставлена береговая полоса свыше 1200 верстъ, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ этихъ надзирателей, Сотниковъ, ухитрился не только конфисковать хищническую японскую шкуну, но и дать документальное основаніе къ заключенію, что, попутно съ японцами, хищничаютъ и русскіе предприниматели.

13-го іюня 1901 года, Сотниковъ конфисковалъ на устьѣ р. Апалы японскую шкуну „Сейсіо-Мару", у которой не оказалось разрѣшительныхъ документовъ и которая, поэтому, была признана хищнической. Въ числѣ судовыхъ бумагъ, переданныхъ капитаномъ „Сейсіо Мару" Сотникову, находилось удостовѣреніе, выданное шкунѣ Зубковымъ и явленное имъ 2-го мая 1901 года, у владивостокскаго нотаріуса Макаренко, по реестру № 840, въ томъ, что шкуна сія зафрахтована имъ, Зубковымъ, для перевозки матеріаловъ, припасовъ и инструментовъ изъ Японіи въ Камчатку на его, Зубкова, рыбные промыслы, а затѣмъ для перевозки изъ Камчатки въ Японію соленой рыбы. Когда въ числѣ

бумагъ, заарестованныхъ Сотниковымъ, оказалось и это, компрометирующее Зубкова удостовѣреніе, то онъ подаетъ Сотникову слѣдующее заявленіе:

„Зафрактовалъ шкуну „Сейсіо-Мару“ мой довѣренный въ Японіи, Года-Мицимоса, для перевозки въ Камчатку различныхъ матеріаловъ и другихъ припасовъ, и я выдалъ шкунѣ удостовѣреніе въ томъ, что, дѣйствительно, шкуна зафрахтована мною, но когда получилъ отъ того же моего довѣреннаго, Года-Мицимоса, увѣдомленіе, что командиръ этой шкуны передалъ грузъ обратно ему, Годѣ, отказался отъ зафрахтованія, а идетъ въ Камчатку отъ японцевъ Маримото и Сото, для покупки рыбы у тильчинскихъ жителей, я хотѣлъ взять обратно свое удостовѣреніе, но не могъ этого сдѣлать; оно осталось на шкунѣ, и я прошу считать его недѣйствительнымъ и возвратить его мнѣ.“

Сотниковъ, посылая на распоряженіе окружнаго начальника протоколы о конфискованіи шкуны „Сейсіо-Мару“ и торговое производство по продажѣ неводовъ этой шкуны и упромышленной ею рыбы, вмѣстѣ съ тѣмъ, писалъ окружному начальнику слѣдующее частное письмо, которое я привожу дословно.

Ваше Высокородіе,

Петръ Александровичъ!

„Во первыхъ сего покорнѣйше прошу въ нижеслѣдующемъ. Примите отъ души мое чистое откровеніе, съ пожеланіемъ всего хорошаго въ предпріятіяхъ и мірѣ, а пуще всего дорогаго здоровья. При этомъ почтительнѣйше убѣдительно я васъ прошу, въ случаѣ какихъ либо моихъ личныхъ, на первый нынѣ разъ, ошибокъ, именно въ конфискаціи шкуны „Сейсіо—Мару“, производившей безъ документовъ рыбный промыселъ

въ рѣкѣ Апалой, и въ продажѣ конфискованнаго, то таковыя направить на дальнѣйшій путь.

„Во-вторыхъ, совѣсть моя заставляетъ высказать вамъ, что эта названная шкуна сегодня, въ 8 часовъ вечера, изъ рѣки вышла и близъ устья остановилась на якорь, а часовъ въ 9—10 вечера я узналъ чрезъ немного лепечущаго по русски японца съ другой шкуны, „Иа-Мару“, стоящей вблизи устья, фрахтованной Зубковымъ, что Зубковъ былъ на конфискованной мною шкунѣ и японцамъ на ней предложилъ идти прямо въ Японію, не заходя въ Петропавловскъ, въ виду падающаго на нихъ штрафа. Изъ этого я заключаю, что Зубковъ является большимъ японскимъ помощникомъ. А можетъ—шкуна и зайдетъ“.

Это безхитростное письмо Сотникова ярко рисуетъ всю картину борьбы русской власти съ японскими хищниками на Камчаткѣ. Сотниковъ конфисковалъ шкуну, отобралъ у нея документы (чего надо еще больше?), но онъ не увѣренъ, что шкуна, въ виду „падающаго на нее штрафа“, пойдетъ въ Петропавловскъ платить оный. И думаетъ такъ Сотниковъ вполнѣ основательно.

Дѣло въ томъ, что рѣдкая японская шкуна, конфискованная русскою властью, пойдетъ туда, куда ей указываютъ наши власти, а она, какъ это можетъ подтвердить Н. Я. Домашневъ, непремѣнно пойдетъ въ Японію, ибо тѣ документы, сложенные въ жестяную цилиндрическую трубку, которую безропотно и охотно передаютъ русскимъ властямъ командиры японскихъ шкунъ, не суть документы, имѣющіе въ Японіи юридическое значеніе. На Камчаткѣ всѣ утверждаютъ, что судовымъ документомъ японской парусной шкуны служитъ особая дощечка, съ извѣстною надписью; въ дощечкѣ врѣзана пе-

чать, и эта то дощечка и есть истинный судовой документъ, потеря котораго лишаетъ шкуну права свободнаго плаванія въ японскихъ водахъ. Эта дощечка носится командиромъ судна на груди, на шнуркѣ или цѣпочкѣ, подобно нашему шейному кресту.

Русскія власти, конфискуя японскія шкуны, ни разу не попытались получить эту дощечку, потому ли, что имъ неизвѣстно объ ея существованіи, или потому, что японцы не отдаютъ ее. Что у японскихъ судохозяевъ есть такія дощечки или что нибудь иное подобное, и что выдаваемые ими русскимъ властямъ судовые документы, всегда свернутые въ трубочку и хранящіеся въ особомъ жестяномъ цилиндрикѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо ни разу вѣдь не случилось, чтобы та или иная конфискованная шкуна, у которой, въ знакъ ея гражданской смерти, отобрали судовые документы, явилась въ назначенный ей пунктъ, для обратной ихъ выборки; японская шкуна, лишившаяся документовъ, свободно идетъ въ японскій портъ и благополучно плаваетъ, тогда какъ любое европейское судно, утратившее, по той или другой причинѣ, свои документы, уже не можетъ плавать: его заарестуютъ за безписьменность въ любомъ портѣ и даже, какъ говорятъ, въ японскомъ.

Вопросъ о значеніи документовъ, отбираемыхъ русскими властями у японскихъ парусныхъ шкунъ, имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ охраны охотско-камчатскаго побережья отъ японскихъ хищниковъ и онъ настолько серьезенъ, что заслуживаетъ скорѣйшаго его разрѣшенія.

Такимъ образомъ, русскія власти, вводящія въ дѣйствіе новый законъ о рыбныхъ промыслахъ въ сѣверномъ районѣ, съ одной стороны, не имѣютъ способовъ

фактически воспрепятствовать хищническому промыслу японцевъ и силою заставить иностранцевъ уважать распоряженіе русскаго правительства, а съ другой, если имъ даже и удастся конфисковать японскую шкуну, то эта конфискація на практикѣ сводится, собственно, къ полученію русскими властями жестянаго цилиндрика, заключающаго бумаги, не имѣющія ровно никакого значенія; и въ водахъ Охотско-Камчатскаго края все болѣе и болѣе развивается хищническій промыселъ японцевъ, которому способствуютъ и нѣкоторые русскіе предприниматели, въ родѣ Зубкова, и другіе, существованіе которыхъ несомнѣнно, но которые пока еще не пойманы, а потому и не могутъ быть названы по имени.

Если заглянуть въ книги кассы петропавловскаго спеціальнаго сборщика, то сумма дохода, поступившаго въ эту кассу отъ рыбнаго промысла въ 1900 году, и сумма сбора, поступившаго въ 1901 году, приводитъ къ заключенію, что японцы не считаютъ уже нужнымъ входить въ какую бы то ни было сдѣлку съ русскою казною на право рыбнаго промысла въ Охотско-Камчатскомъ краѣ, а что они, не безъ совѣтовъ, конечно, Зубкова и ему подобныхъ предпринимателей, прямо идутъ на мѣсто промысла, гдѣ они рискуютъ развѣ потерять на одной-двухъ шкунахъ невода и упромышленную рыбу, а затѣмъ ничтожную жестяную трубочку съ какими то японскими каракулями.

Не нужно быть и пророкомъ, что бы сказать, что хозяйничанье японцевъ въ нашихъ сѣверныхъ водахъ будетъ развиваться съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и если русское правительство не приметъ, и при томъ немедленно, энергическихъ мѣръ къ обузданію японскихъ хищниковъ, то наши рыбныя богатства

постигнетъ таже участь, какая постигла и былыя богатства нашихъ сѣверныхъ морей китами, моржами и проч. морскими звѣрями, отъ которыхъ теперь осталось лишь одно воспоминаніе.

Въ свое время графъ Муравьевъ-Амурскій настоятельно хлопоталъ объ особыхъ судахъ, которыя имѣли-бы своимъ спеціальнымъ назначеніемъ охраненіе нашихъ сѣверныхъ морей отъ хищничества иностранцевъ. Муравьева не послушали,—морскихъ судовъ, приспособленныхъ къ охранѣ нашихъ морей отъ иностранныхъ китобоевъ, не дали, и киты истреблены; они не ходятъ уже теперь такими стадами, какими ходили 50 лѣтъ тому назадъ; истреблены и моржи, ибо на лайдахъ восточнаго побережья Камчатки, на землѣ Река, что при входѣ въ Анадырскій лиманъ, ихъ не считаютъ уже тысячами, а считаютъ нѣсколькими десятками, да и то не во всякій годъ. Да и откуда браться моржамъ, если ихъ безпощадно истребляли и истребляютъ даже и въ наши годы. Вотъ что доносилъ не такъ давно, всего 6 лѣтъ тому назадъ, петропавловскій окружный начальникъ приморскому губернатору Унтербергеру:

„Въ прошломъ году, американецъ Протъ, на бригѣ „Пай“, съ довольно многочисленной командой и нанятыми для добычи моржей инородцами Карачинскаго селенія, добылъ на песчаномъ лайдѣ, что у мыса Семенова, 1500 штукъ моржей. Промыселъ производился посредствомъ закалыванія моржа желѣзными копьями, насаженными на шесты, болѣе сажени длины; на лежбищѣ мыса Крашенинникова моржи добывались стрѣльбою изъ ружей. Протъ, добывъ, сколько ему было надо моржевыхъ клыковъ на мысѣ Семеновомъ, оставилъ всю массу моржевыхъ тушъ на лайдѣ и ушелъ. Масса

гніющаго мяса издавала отвратительный запахъ въ теченіе всего лѣта. Безпрерывная пальба по плавающимъ моржамъ сдѣлала свое дѣло: моржъ сталъ очень остороженъ; на лайдѣ мыса Семенова моржъ ложится уже весьма рѣдко, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Обитатели Карачинскаго селенія никогда не могутъ застать звѣря на лежбищѣ и добыть его на копья. Стрѣльбою же изъ ружей, изъ массы плавающихъ около Карачинскаго моржей, всѣмъ жителямъ Карачинскаго селенія удается добыть не болѣе 10 шт. моржей въ годъ".

Лежбище моржей осталось лишь около устья рѣки Жупановой, на высокомъ лайдѣ, непотопляемомъ водою, длиною около 25 саж. и шириною около 5 саж. Лежбище со всѣхъ сторонъ окружено подводными камнями, идущими въ открытое море версты на 3, и на этомъ лежбищѣ лежитъ теперь не болѣе 100 штукъ моржей. За невозможностью застать моржа на лежбищѣ вслѣдствіе того, что звѣрь напуганъ выстрѣлами, промыселъ производится не на лежбищахъ, а на водѣ со шлюпки. Въ самую тихую погоду подкрадываются къ спящему на поверхности моря моржу и съ носа шлюпки бросаютъ въ него гарпунъ. Послѣ удара, моржъ моментально ныряетъ и очень быстро тащитъ за собою шлюпку въ теченіе, приблизительно, 10 минутъ, за веревку, привязанную къ гарпуну. Ослабѣвая, моржъ начинаетъ показываться на поверхности воды; въ это время подтягиваютъ его къ шлюпкѣ и окончательно добиваютъ копьями; послѣ этого срѣзаютъ голову моржа, а туловище бросаютъ въ море. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ раненые моржи бросаются на шлюпку и наносятъ ей поврежденія. Въ Жупановскомъ селеніи,

въ 1894 году, добыли только 11 моржей. Моржъ, напуганный американцами, не имѣетъ постояннаго пребыванія на Карачинскомъ островѣ, а также и на прочихъ лежбищахъ восточнаго берега Камчатки. Онъ пошелъ къ сѣверу, на землю Гека; но и тамъ уже мало моржей, на что жаловались мнѣ чукчи и анадырскіе казаки еще въ 1896 году, въ бытность мою на р. Анадырѣ.

Истребили иностранцы китовъ и моржей, а теперь, видимо, дошла очередь и до остальныхъ нашихъ рыбныхъ богатствъ. Мѣстныя власти, начиная съ Муравьева, сознавали необходимость охраны, настоятельно просили особое судно для крейсированія въ сѣверныхъ водахъ. Хлопоталъ объ особой камчатской шхунѣ и генералъ-губернаторъ Духовской, но всѣ эти хлопоты не увѣнчались пока успѣхомъ.

Въ Камчатку и Охотско-Камчатскій край не даютъ судна, вѣроятно, потому, что тамъ каждый годъ крейсируетъ военный транспортъ „Якутъ", и охрана „Якута", нужно думать, признается вполнѣ достаточной для сѣверныхъ водъ. Для сужденія, насколько вѣрно такое мнѣніе, дамъ здѣсь простое описаніе моего личнаго плаванія на „Якутѣ", совершеннаго въ первой половинѣ іюля 1901 года, сначала къ мысу Лопаткѣ, а затѣмъ и по западному берегу Камчатки. Это плаваніе было совершаемо „Якутомъ" съ цѣлью охранять наше побережье отъ иностранныхъ хищниковъ. Вмѣстѣ со мною плылъ на „Якутѣ" и завѣдывающій рыбными промыслами Приамурскаго края, Н. Я. Домашневъ.

„Якутъ" крейсируетъ въ сѣверныхъ водахъ уже нѣсколько лѣтъ; въ его экипажѣ всегда есть нѣсколько офицеровъ, не считая командира, которые, плавая здѣсь не въ первый разъ, болѣе или менѣе знакомы съ

сѣверными водами, вообще говоря, изученными крайне слабо.

„Якутъ“, по своей конструкціи, есть судно коммерческое; это судно пріобрѣтено въ 1892 году, въ Англіи; его осадка 14, длина 210, ширина 28; машина одна, развивающая скорость до 9 миль въ часъ. Котлы „Якута“ плохи настолько, что, въ навигацію 1901 года, пришлось два раза прекращать пары, дабы чеканить швы котловъ: первый разъ потребовался ремонтъ тотчасъ по выходѣ „Якута“ изъ владивостокской бухты, а во второй разъ въ бухтѣ Корфа. Дно „Якута“ ординарное, водонепроницаемыхъ перегородокъ нѣтъ, деревянной обшивки, такъ необходимой для плаванія въ сѣверныхъ моряхъ, гдѣ всегда можно встрѣтить плавучіе льды, тоже нѣтъ; якоря слабые. При наличности такихъ данныхъ, „Якутъ“ соблюдаетъ въ морѣ крайнюю осторожность, ибо, имѣя одну машину, да и то плохую, онъ боится шторма; не имѣя деревянной обшивки, онъ боится плавучихъ льдовъ; имѣя ординарное дно, не имѣя водонепроницаемыхъ перегородокъ и имѣя дѣло почти съ совершенно неизвѣстными берегами, онъ боится подходить къ нимъ близко, ибо малѣйшая прибрежная банка можетъ моментально пустить его ко дну, а имѣя слабые якоря, „Якутъ“ можетъ стоять въ виду берега только при совершенно тихой погодѣ: чуть вѣтеръ посвѣжѣлъ, „Якутъ“ снимается и уходитъ въ море.

На „Якутъ“ каждогодно возлагается такъ много задачъ, что командиръ этого судна, при всемъ желаніи, при всемъ мореходномъ искусствѣ, не можетъ выполнить, какъ слѣдуетъ, ни одной изъ нихъ. Въ навигацію 1901 года „Якуту“ были даны слѣдующія порученія: описать

бухту барона Корфа, открытую не такъ давно Генкомъ, крейсировать вокругъ Командорскихъ острововъ, крейсировать у мыса Лопатки; съ прибытіемъ въ Петропавловскъ завѣдывающаго рыбными промыслами Приамурскаго края, Домашнева, обойти вмѣстѣ съ нимъ западный берегъ Камчатки, становясь на якорь у устья каждой рѣки, гдѣ то признаетъ нужнымъ Домашневъ, а затѣмъ пойти въ бухту Провидѣнія, гдѣ и ожидать члена русско-американской ученой экспедиціи Богороза, котораго доставить въ Петропавловскъ, а затѣмъ вновь крейсировать вокругъ Командорскихъ острововъ, снять на мысѣ Лопаткѣ казаковъ, охраняющихъ бобровые промыслы, опять посмотрѣть, что дѣлается у Командорскихъ острововъ, а затѣмъ, уже глубокою осенью, когда въ сѣверныхъ моряхъ наступаетъ сезонъ жесточайшихъ штормовъ, когда наступаютъ морозы, леденящіе снасти, борты и палубу судна, „Якуту" разрѣшается возвратиться во Владивостокъ, что бываетъ не ранѣе первыхъ чиселъ ноября.

Если взять въ руки карту и прослѣдить, какіе рейсы были предназначены „Якуту" въ прошлогодней его кампаніи, а затѣмъ и принять во вниманіе приведенныя данныя этого военнаго судна, то нельзя не высказать сомнѣнія въ возможности выполнить все то, что возложено было на „Якутъ" его начальствомъ. „Якутъ" и не исполнилъ всего ему порученнаго, и не имѣлъ физической возможности исполнить, но „Якутъ" сдѣлалъ все отъ него зависящее, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ охраны нашего побережья отъ японскихъ хищниковъ.

Тяжела служба моряка во всѣхъ моряхъ, но нигдѣ она, кажется, не тяжела такъ, какъ въ суровыхъ

водахъ дальняго сѣвера: вѣчные туманы, свирѣпые штормы, безлюдье, неприступность и неизвѣданность береговъ, плохія качества судна и постоянное сознаніе обсолюдной безпомощности на случай какой либо серьезной аваріи. Командиру и экипажу „Якута", плавающимъ въ сѣверныхъ водахъ съ начала мая и по конецъ октября, приходится, преодолѣвая неимовѣрныя трудности, исполнять крайне рискованныя для парохода задачи.

Мы взошли съ Домашневымъ на палубу „Якута" 27 іюня, въ 11 часовъ вечера. Для насъ, по распоряженію командира, капитана 2-го ранга Новаковскаго, были отведены особыя каюты. Мы встрѣчены были офицерами „Якута" радушно, гостепріимно. На другой день, рано утромъ, „Якутъ" снялся съ якоря. Погода стояла великолѣпная, и мы выйдя изъ створовъ Авачинской губы, прошли миль 15 по перпендикуляру отъ берега, а затѣмъ повернули къ югу и взяли курсъ вдоль береговъ Камчатки.

Въ 11 часовъ утра на шканцы нашего транспорта вынесли мѣдную карчагу съ водкой, покрытую толстымъ брезентомъ; у карчаги стали: боцманъ, артельщикъ, дежурный по командѣ и всѣ они стали свистать „къ водкѣ"; долго и пронзительно свистали, но на этотъ разъ пришли пить водку всего 4 матроса, а впослѣдствіи и того меньше. За невыпитую порцію матросамъ предоставлялось получать деньгами и они почти поголовно отказываются отъ ежедневной винной порціи.

Одновременно съ призывомъ къ водкѣ, на палубу была вынесена пробная порція, которая подана была сначала командиру; затѣмъ командиръ указалъ дежурному на меня съ Домашневымъ, а затѣмъ порцію понесли на мостикъ вахтенному начальнику, а съ мостика

проба поступала уже въ каютъ-компанію, гдѣ къ этому времени всѣ, исключая вахтеннаго начальника, собирались къ обѣду. Проба великолѣпная.

Время обѣда и ужина было самымъ веселымъ на „Якутѣ“; шли оживленные разговоры, милыя шутки, остроты, на которыя такъ торовата молодежь „Якута.“

Въ каютъ-компаніи было піанино, и мичманъ Г., послѣ обѣда, частенько садился и игралъ, а тутъ и споетъ кто-нибудь.

Около часу дня каютъ-компанія пустѣла,—шли отдыхать, потому что каждый изъ офицеровъ и прошлую ночь стоялъ три часа на вахтѣ и въ наступающую ночь ему предстоитъ тоже удовольствіе. Отъ часу и до трехъ дня, съ каковаго времени начинается чаепитіе, „Якутъ“ точно вымиралъ; только и слышенъ ритмическій стукъ машины, да подчасъ команда или приказаніе вахтеннаго начальника и стереотипное „есть“ матроса.

Въ 6 часовъ ужинъ; тотъ-же свистокъ къ водкѣ, тоже милое общество въ каютъ-компаніи, гдѣ и незамѣтишь, какъ часы показываютъ $7^3/_4$, и на палубѣ играютъ къ спуску флага, когда туда выводятъ всю команду и выходятъ офицеры. Спустили флагъ, окончилась церемонія рапорта, завершающаяся рапортомъ старшаго офицера командиру, и судовой день оконченъ.

Къ 10 часамъ вечера всѣ, кромѣ вахты, по каютамъ.

Съ 6-ти часовъ утра начинается уборка судна, чистота котораго составляетъ гордость моряковъ; на палубу нельзя ни плюнуть, ни бросить спичку, ни окурокъ папиросы, а если кто, въ присутствіи моряка, сдѣлаетъ то или другое, то онъ тутъ-же, на мѣстѣ преступленія, получаетъ замѣчаніе, да такое, что виновный покраснѣетъ.

Первый день нашего плаванія на „Якутѣ“ стояла великолѣпная погода; идя полнымъ ходомъ, мы до свѣта могли подойти къ камнямъ „Три Сестры“, гдѣ слѣдовало сдать грузъ провизіи для казаковъ, охраняющихъ бобровыя лежбища, но подходить къ берегамъ до разсвѣта считается опаснымъ, а потому, въ 2 часа ночи, былъ данъ малый ходъ.

Въ 9 часовъ утра мы стояли уже вблизи камня „Три Сестры“ на якорѣ; видна Лопатка, узкая низменная полоса земли, которою заканчивается у моря гористая Камчатка.

Мы стали на якорь въ 5-ти миляхъ отъ берега; якорь отдали на глубину 30 саженъ; дно каменистое, допускающее возможность якорной стоянки только въ совершенно тихую погоду.

Отправляя шлюпки съ провизіей на берегъ, командиръ приказалъ офицеру, командовавшему шлюпками, не задерживаться на берегу ни одной лишней минуты: выбросить провизію на берегъ и немедленно идти назадъ. Какъ ни хотѣлось мнѣ съѣздить на берегъ, но, въ виду этого приказанія, ѣхать не стоило. Я и не поѣхалъ. Шлюпки отвалили отъ „Якута“ около 10 часовъ утра; въ то время, когда шлюпки уже скрылись изъ вида, вѣтеръ сталъ свѣжѣть, барометръ падать, и если бы вѣтеръ еще болѣе посвѣжѣлъ, то командиръ рѣшилъ: не дожидая шлюпокъ, сняться съ якоря и выжидать погоду въ морѣ, подальше отъ берега. Но вѣтеръ, несмотря на дурныя предсказанія барометра, не окрѣпъ такъ скоро. Въ началѣ перваго часа по полудни, на горизонтѣ показались наши шлюпки, а въ 3 часа дня онѣ подошли къ „Якуту“, были подняты на палубу, и „Якутъ“ немедленно снялся съ якоря. Взяли курсъ

сначала прямо въ море, а затѣмъ на SW, къ Лопаткѣ. Пройдя этимъ курсомъ съ полъ-часа, „Якутъ“ очутился въ туманѣ.

Командиръ обѣщалъ: на другой день непремѣнно спустить меня и Домашнева на берегъ, дабы дать намъ возможность посмотрѣть знаменитыя бобровыя лежбища, познакомиться съ ихъ казачьей охраной и съ условіями ея жизни и быта.

Мы были вблизи Лопатки, а потому, попавши въ полосу тумана, намъ нечего было плыть дальше, и „Якутъ“, въ 5 ч. 45 м. вечера этого дня, вновь отдалъ якорь. Туманъ къ 7 часамъ вечера разсѣялся, вѣтеръ стихъ, и я предвкушалъ удовольствіе съ разсвѣтомъ побывать на лежбищахъ камчатскихъ бобровъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Съ 9 часовъ вечера „Якутъ“ стало покачивать, вѣтеръ сталъ посвистывать, и репутація судоваго барометра, къ часу ночи, была возстановлена. Начался штормъ, заставившій командира „Якута“ сняться съ якоря и идти въ морѣ.

Скажу нѣсколько словъ о современномъ положеніи боброваго промысла на полуостровѣ Камчаткѣ.

До 1892 года бобры на Лопаткѣ не промышлялись, ибо русскіе промышленники не знали объ ихъ существованіи. Открылъ бобровъ и создалъ бобровый промыселъ камчатскій промышленникъ Петръ Карякинъ, отличный стрѣлокъ, отличный мореходъ, обогнувшій на своей утлой парусной шлюпкѣ весь полуостровъ и напавшій въ одномъ изъ такихъ путешествій на бобровое лежбище.

Окружная администрація воспользовалась открытіемъ Карякина и объявила открытый имъ на мысѣ Лопаткѣ бобровый промыселъ достояніемъ казны и приняла

мѣры къ охранѣ этого цѣннаго звѣря отъ хищниковъ какъ своихъ, такъ и иностранныхъ. Мѣры заключаются въ томъ, что, съ 1897 года, на Лопатку стали посылать охрану, сначала по 2 казака, а затѣмъ это число дошло до 6. Казачья охрана живетъ на самомъ мысѣ Лопаткѣ, въ 8 верстахъ отъ боброваго лежбища; въ становищѣ охраны построены простая камчатская юрта, складъ для провизіи и нѣсколько вѣшалъ для вяленія рыбы и нерпичьяго мяса. Отправляясь изъ Петропавловска, охрана беретъ съ собою чай, сахаръ, муку, соль, табакъ и огнестрѣльные припасы, а затѣмъ остальное продовольствіе добываетъ охотою и ловлею рыбы.

На Лопаткѣ, какъ и вездѣ въ Камчаткѣ, водится много медвѣдей, лисицъ, волковъ, россомахъ и проч. Частенько заходятъ сюда и дикіе олени. Рыбы—изобиліе; много нерпъ и лахтаковъ. Охрана живетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, потому что въ виду бобровыхъ лежбищъ нельзя ни курить, ни разводить огня, ни стрѣлять, а въ противномъ случаѣ бобры покинутъ излюбленное ими лежбище и пойдутъ искать другого, гдѣ ихъ покой не будетъ нарушаемъ; этотъ звѣрь не разъ уже перекочевывалъ съ лежбища на лежбище.

Въ прежнее время охрана выступала изъ Петропавловска въ первыхъ числахъ мая, когда Авачинская бухта окончательно очищалась отъ льда; шла охрана у берега, на простыхъ батахъ, которые, при малѣйшемъ вѣтрѣ, вытаскивались на берегъ. Къ половинѣ іюня добиралась охрана до своего становища, а за это время на лежбищахъ уже успѣвала побывать ни одна хищническая шкуна.

Промыселъ бобровъ, открытый въ 1892 году, годъ

отъ году падалъ, не превышая въ другой разъ 6 бобровъ за все лѣто. Теперь промыселъ поднялся, такъ что, случается, промышляютъ уже до 16 бобровъ въ лѣто; можно бы промыслить и больше, ибо въ прошломъ году охрана видѣла уже одновременно по 20 бобровъ, лежащихъ на камняхъ, но промышлять болѣе того, что на данный годъ назначено окружной администраціей, строго воспрещается. Замѣтное увеличеніе боброваго промысла обязано иниціативѣ г. Ошуркова.

Вступивши въ управленіе Петропавловской округой, въ 1895 году, Ошурковъ въ этомъ же году возбудилъ вопросъ о покупкѣ морскаго вельбота, на которомъ охрана могла бы добраться до Лопатки скорѣе, чѣмъ добиралась она на батахъ. Вельботъ разрѣшили купить и онъ былъ купленъ за 500 рублей. Вельботъ отличный, но какъ ни хорошъ вельботъ, а все же приходятъ на Лопатку такъ поздно, что бобровыя лежбища уже могли быть посѣщенными иностранными хищниками раньше прибытія туда охраны. Чтобы избѣжать послѣдняго, Ошурковъ увеличилъ охрану до шести человѣкъ и сталъ посылать ее двумя партіями: первая партія отправлялась въ концѣ февраля изъ селенія Явина, расположеннаго на западномъ берегу Камчатки, въ 200 верстахъ отъ Лопатки, а вторая партія, какъ и прежде, шла моремъ, на вельботѣ, на которомъ шла также и провизія. При этомъ порядкѣ хищники уже не могли придти раньше охраны. Въ дѣлахъ Петропавловскаго окружнаго управленія есть жалобы, каждый годъ поступающія отъ начальниковъ бобровой охраны, на то, что хищническія шкуны покушаются ловить цѣнныхъ бобровъ; жалуясь на такую продерзость хищниковъ, казаки похваляются, что они, „держа

въ рукахъ русскій флагъ и заряженную винтовку", успѣшно прогнали хищниковъ. Правда ли это—сказать трудно: это дѣло совѣсти казаковъ. Во всякомъ же случаѣ, каждый боберъ представляетъ такую солидную цѣнность, до 1000 руб., что упромыслить хищнически одного—другого бобра заманчиво, тѣмъ болѣе, что провѣрить охрану въ количествѣ показываемаго ею промысла морскихъ бобровъ, нѣтъ никакой возможности, а къ тому же, подъ бокомъ, во 2-мъ Курильскомъ проливѣ, на южномъ берегу острова Парамушира, уже возникъ настоящій японскій городокъ, управляемый офицеромъ японской службы, говорящимъ по-англійски и по-французски, гдѣ имѣется уже болѣе 1000 постоянныхъ жителей, куда, во время навигаціи, заходятъ паровыя японскія суда запастись углемъ, а парусные—провизіей. Изъ городка этого, какъ говоритъ народная молва, ходятъ шкуны и къ бобровымъ лежбищамъ, ходятъ шкуны промышлять и морскихъ котиковъ, на пути ихъ къ Командорскимъ островамъ. Что это все вѣрно—вотъ доказательства:

Въ 1898 году, до свѣдѣнія приморскаго военнаго губернатора дошло, что японскій хищникъ, по имени Сноу, продалъ въ Японіи 60 морскихъ бобровъ, въ томъ числѣ трехъ камчатскихъ, такихъ самыхъ, какіе водятся на лежбищахъ Лопатки; предписаніемъ, отъ 17 апрѣля того же года, за № 7688, губернаторъ запрашиваетъ окружнаго начальника свѣдѣнія по сему дѣлу.

Въ томъ же году, 15 іюня, противъ мыса Кроноцкаго, въ 20 миляхъ отъ берега, „Якутъ" видѣлъ хищническую шкуну, съ которой было спущено въ море 10 шлюпокъ; шлюпки, расположенныя полукругомъ на полуверстномъ разстояніи другъ отъ друга, плыли въ

одну сторону, постепенно съуживая кругъ. Эти хищническая шкуна была осмотрѣна „Якутомъ“, причемъ въ ея трюмахъ и на палубѣ оказалось: 600 свѣжеснятыхъ котиковыхъ шкуръ и три шкуры камчатскихъ бобровъ. Такъ какъ хищническая шкуна была застигута въ 20 миляхъ отъ берега, то она, какъ захваченная въ экстерриторіальныхъ водахъ, была отпущена на всѣ четыре стороны.

Въ 1899 году другая хищническая шкуна, подъ командою англичанина Гольденъ-Орулье, упромыслила у береговъ Камчатки 12 бобровъ, которые и поступили затѣмъ на японскіе пушные рынки.

О хищникахъ бобровъ говорятъ многое, но я воздержусь передавать здѣсь ничѣмъ неподкрѣпляемую народную молву и ограничусь приведенными фактами, о которыхъ сохранился слѣдъ и въ дѣлахъ петропавловскаго окружнаго управленія, и въ дѣлахъ приморскаго областнаго правленія и, вѣроятно, въ дѣлахъ владивостокской портовой конторы.

Казаки, охраняя бобровый промыселъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и промышляютъ бобровъ.

Промыселъ морскаго бобра производится, исключительно, сѣткой, такъ какъ ружейный выстрѣлъ пугаетъ бобровъ и заставляетъ ихъ уходить отъ лежбища; сѣтка для ловли морскаго бобра дѣлается изъ тонкой бѣлой бечевки, длиной до 15 саженъ и шириною около $^1/_2$ саж. Ячея сѣтки 10 дюймовъ длины. Сѣтка ставится на якоря между камней, гдѣ проходятъ на лежбище бобры. Лежбище морскихъ бобровъ представляетъ группу камней, находящихся отдѣльно другъ отъ друга и на порядочномъ разстояніи отъ берега. Промышленникъ ставитъ сѣтку около лежбищъ съ вечера, на всю ночь,

и смотритъ ее одинъ разъ утромъ. Боберъ подходитъ къ лежбищу съ подвѣтренной стороны, осматривается, нѣтъ ли опасности и взлѣзаетъ на лежбище. Съ утреннею зарею боберъ подходитъ къ берегу искать раковинъ, служащихъ ему пищею, и нерѣдко попадаетъ въ разставленныя сѣти. Лучшее время для промысла бобровъ—май, іюнь. Въ эти мѣсяцы бобръ бываетъ вблизи береговъ, а остальное же время, какъ говорятъ, онъ проводитъ въ морѣ.

Выше я сказалъ, что количество промысла даннаго года каждый разъ опредѣляется окружной администраціей. Меньше можетъ быть упромышлено, но больше того, что назначено, нельзя промышлять, и казаки каждогодно ухитряются добывать именно столько бобровъ, сколько назначено начальствомъ. Это намъ кажется страннымъ, такъ какъ бобръ, запутавшійся въ сѣтку, ни въ какомъ случаѣ не выпускается обратно въ море, да это было бы и безполезно бобръ звѣрь нѣжный,—выпутываясь изъ сѣтки, онъ бьется о камни, ранитъ себѣ ласты, и пусти его на волю—онъ все равно пропадетъ.

Въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ, исключая текущій 1901 годъ, добыто всего 61 бобръ; всѣ эти бобры проданы въ Петропавловскѣ съ аукціоннаго торга, на сумму 37773 руб., изъ коихъ 16184 руб. 50 коп. поступили въ депозиты военнаго губернатора Приморской области, и, какъ мнѣ передавали, деньги эти имѣютъ спеціальное назначеніе улучшать условія охраны боброваго промысла, но въ этомъ отношеніи пока ничего не сдѣлано, если, впрочемъ, не считать вельботъ, стоимостью въ 500 рублей, на которомъ ходятъ казаки изъ Петропавловска на Лопатку.

Вторая половина суммы, выручаемой отъ продажи бобровъ, идетъ на пользу казаковъ, бывшихъ въ охранѣ и промышлявшихъ звѣря; каждому казаку выдается по равной части, но изъ казачьяго пая выдѣляется по 2 коп. съ рубля, которыя идутъ, согласно закона, въ пользу аукціониста, каковымъ является, собственно говоря, городъ Петропавловскъ, ибо вознагражденіе аукціониста поступаетъ въ городскую кассу.

Аукціонъ производится въ Петропавловскѣ, обыкновенно, въ концѣ августа. Цѣны на бобровъ, доходящія до 1000 руб. за бобра, крѣпнутъ съ каждымъ годомъ и онѣ могутъ увеличиваться въ любой степени, ибо во всемъ мірѣ нѣтъ такого звѣря, у котораго былъ-бы такой великолѣпный мѣхъ, какъ мѣхъ камчатскаго бобра.

Въ 1898 году, была попытка продавать бобровые мѣха и другую камчатскую пушину во Владивостокѣ, но эта попытка, успѣшная въ 1897 году, была не удачна въ слѣдующемъ году, такъ что областная администрація предложила петропавловскому окружному начальнику и впредь продавать бобровъ и прочіе мѣха въ Петропавловскѣ.

Послѣднее удобнѣе и для ясачнаго населенія Камчатки: внося ясакъ пушниной, населеніе получаетъ разницу между стоимостью ясака и цѣнностію пушнины на руки; если пушнина продается съ аукціона въ Петропавловскѣ, то инородцы и русскіе, пріѣзжая зимой въ Петропавловскъ за товарами, тогда же получаютъ отъ окружнаго начальника на руки и разницу ясака и внесенной ими пушнины, а если пушнина продается во Владивостокѣ, то населеніе можетъ получить эту разницу только съ навигаціей слѣдующаго года.

Изъ изложеннаго, полагаю, слѣдуетъ, что бобровый

промыселъ у мыса Лопатки охраняется больше Господомъ Богомъ, чѣмъ людьми, и истинное его положеніе извѣстно только казачьей охранѣ, такъ какъ окружный начальникъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи не только способовъ нежданно-негаданно нагрянуть на повѣрку промысла, но онъ, вообще, рѣдко можетъ попасть на Лопатку, ибо туда трудно пробраться даже на военномъ суднѣ третьяго ранга.

Снявшись съ якоря, „Якутъ“, чтобы уйти подальше отъ берега, чего, при ненадежности машины и слабости якорей, и нельзя было не сдѣлать, ибо штормъ дѣлался сильнѣе и сильнѣе, взялъ курсъ О.

Къ 3-мъ часамъ ночи мы попали въ густой туманъ, и съ 3-хъ часовъ свистокъ „Якута“ запѣлъ свою заунывную пѣсню и эту пѣсню онъ пѣлъ цѣлыхъ 7 дней.

Разсвѣло, а съ палубы „Якута“ нѣтъ никакого кругозора: густою стѣною стоитъ туманъ; волна хлещетъ въ носъ судна, и ходъ всего 3 мили въ часъ.

Въ камчатскихъ водахъ берега не изслѣдованы, и нашей лоціи невѣдомы еще, какъ якорныя стоянки, тѣ многочисленныя бухты и бухточки, которыми изрѣзанъ весь восточный берегъ Камчатки, да и изслѣдовать эти бухточки не было пока надобности, ибо, кромѣ Петропавловска, моряки всѣхъ націй и не знали здѣсь другой стоянки; а вотъ теперь сама жизнь выдвинула бухту Корфа, уже попавшую, въ 1901 году, въ расписаніе почтовыхъ рейсовъ и описанную, въ томъ-же году, „Якутомъ“. Если остались не изслѣдованными берега Камчатки, то тѣмъ болѣе не изслѣдованы теченія въ Камчатскомъ морѣ; неизслѣдованы настолько, что моряки, при всемъ ихъ знаніи моря, при всей ихъ опытности, попадаютъ иногда въ трагикомическія положенія. Въ такомъ именно поло-

женіи былъ „Якутъ“, попавшій у южной оконечности Камчатки и въ штормомъ, и въ густой туманъ.

Уйдя отъ мыса Лопатки, въ ночь съ 28 на 29 іюня, мы болтались въ морѣ цѣлую недѣлю; все время былъ туманъ,—все время насъ качало. Вахта вела точный счетъ показаніямъ лага, точную запись малѣйшимъ измѣненіямъ курса; по исчисленіямъ, мы были въ шестнадцати миляхъ отъ берега и на высотѣ мыса Поворотнаго. Мы только ждали солнца и свободнаго горизонта, чтобы опредѣлиться и затѣмъ, опредѣлившись, хотѣли взять курсъ прямо на Петропавловскъ.

4-го іюля, около 2 час. дня, сквозь густую завѣсу тумана, выглянуло солнце; но оно, хотя и показалось „Якуту“ во всемъ своемъ блескѣ, не разогнало тумана и, какъ говорятъ моряки, горизонта не дало. Чуть завидѣли моряки солнце, какъ вооружились секстантами, и долгота, въ которой безпомощно, уже шестыя сутки, болтался „Якутъ“, была опредѣлена; но опредѣлить широту, за туманомъ, такъ и не могли.

И вотъ тогда стали вычислять широту, гдѣ находился „Якутъ“, по теоріи вѣроятности; взяли сомнерову линію, полученную секстантомъ долготу, показанія лага и объявили, что мы находимся на высотѣ Авачинской губы, и завтра, если разсѣется туманъ, войдемъ въ нее. Мы всѣ рады были окончить это томительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безцѣльное путешествіе.

Утро 5-го іюля было, сравнительно, ясное, хотя и облачное; туманъ не застилалъ кругозора, но онъ густою пеленою застилалъ верхніе слои воздуха, и камчатскіе оріентировочные пункты, Авачинская и Коряцкая сопки, не могли быть видимы; но берега были видны,

Берега, въ разстояніи 20—25 миль, плохо различаются съ палубы корабля и, при нѣкоторомъ воображеніи, конфигурація даннаго берега можетъ быть принята за конфигурацію берега желаемаго, и наши моряки, на основаніи сдѣланныхъ вчера вычисленій, на основаніи взятой имъ вчера сомнеровой линіи, признавали, что видимые берега суть сосѣдніе съ Авачинской губой и, слѣдовательно, съ Петропавловскомъ.

„Якутъ“ держитъ курсъ прямо къ берегамъ; по его палубѣ разгуливаетъ камчатскій промышленникъ и мореходъ Карякинъ, который не одинъ разъ ходилъ на своей парусной шлюпченкѣ вдоль всей Камчатки. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ берегу, тѣмъ увѣренность моряковъ въ сдѣланныхъ вычисленіяхъ дѣлается меньше. Въ концѣ концовъ, на мостикъ зовутъ Карякина и даютъ ему морской бинокль.

— Признаешь, Петръ Михайловичъ, берега?

— Признавать то я, Ваше Высокоблагородіе, признаю, да страшно сказать.

— Отчего- же страшно? Вѣдь это мысъ Поворотный? Карякинъ молчитъ.

— Ну какой же это, по твоему, мысъ?

— Страшно сказать, Ваше Высокоблагородіе!,

— Ну говори же., что за страхи такіе!?

— Вы меня, Ваше Высокоблагородіе, извините, а только это, однако, мысъ „Желтый“, а не Поворотный!.. И видимый мысъ, какъ оказалось впослѣдствіи, и былъ Желтый, т. е. вчерашнія вычисленія погрѣшили миль на 100. Таковы теченія въ Камчатскомъ морѣ, таковы въ немъ туманы и штормы, что теорія мореходнаго искусства оказывается здѣсь совершенно не состоятельной передъ дѣйствительностью.

Неожиданно очутившись на высотѣ мыса „Желтаго", т. е. у Лопатки, вблизи того самого пункта, снявшись съ котораго, мы болтались въ морѣ почти семь сутокъ, мы пошли уже не въ Петропавловскъ, а взяли курсъ на 1-й Курильскій проливъ, отдѣляющій Лопатку отъ перваго острова Курильской гряды, а оттуда пошли вдоль западнаго берега Камчатки.

Погода благопріятствовала, и мы, около двухъ часовъ дня, вошли въ первый Курильскій проливъ, считающійся совершенно непроходимымъ при малѣйшемъ туманѣ, ибо фарватеръ этого пролива есть какъ бы желобъ, образуемый рифами, идущими отъ сѣверной оконечности перваго Курильскаго острова. Малѣйшее уклоненіе судна къ тому или другому берегу, такъ возможное при туманѣ, грозитъ судну неминуемой гибелью. Этимъ проливомъ, сокращающимъ растояніе отъ Петропавловска до Охотскаго моря миль на 300, ходятъ рѣдко, ибо въ этихъ мѣстахъ рѣдко стоятъ и ясные дни, когда отчетливо видны оба противоположные берега 1-го Курильскаго пролива.

„Якутъ" шелъ первымъ Курильскимъ проливомъ полнымъ ходомъ; и командиръ, и старшій офицеръ, и штурманъ, и вахтенный начальникъ стояли на мостикѣ, вооруженные биноклями.

Я стоялъ на палубѣ, любовался видомъ сѣверной оконечности дикаго Курильскаго острова, видомъ низменной Лопатки и видомъ горъ, начинавшихся миляхъ въ пяти отъ Лопатки и тянувшихся, затѣмъ, вдоль всего Камчатскаго полуострова, а тамъ и вдоль материка Азіи.

Яркое солнце освѣщало проливъ и, вглядываясь въ воду, можно было видѣть морскія водоросли; было,

значитъ, мелко, опасно, и моряки недаромъ стояли на мостикѣ.

Но вотъ опасный проливъ пройденъ, и мы вошли въ Охотское море. Зыбь въ Охотскомъ морѣ мелкая, хотя и частая, и эта охотская зыбь почти совершенно не качала нашъ пароходъ. Мы отдыхали отъ океанійской качки, но не долго отдыхали мы отъ тумана и отъ пронзительныхъ свистковъ „Якута", цѣлые семь сутокъ наводившихъ на насъ грусть и уныніе.

Въ шесть часовъ вечера этого дня былъ данъ первый свистокъ, какъ вѣстникъ того, что мы опять идемъ въ туманѣ. Мы держали курсъ на сѣверъ, къ устью рѣки Явиной, гдѣ Домашневъ хотѣлъ сойти на берегъ, чтобы разогнать японскихъ хищниковъ. Туманъ и близость берега заставили командира поминутно бросать лотъ. Мы шли до 9 часовъ 45 мин. вечера, когда отдали якорь. По разсчету, мы стояли у устья рѣки Явиной, и на этотъ разъ разсчетъ оказался вполнѣ правильнымъ.

6-го іюля, въ разсвѣтомъ, тумана не было, и Карякинъ призналъ тѣ сопки, которыя окоймляютъ нижнее теченіе рѣки Явиной.

Охотское море у устья рѣки Явиной имѣетъ свою исторію. Здѣсь находятся знаменитыя тресковыя банки, гдѣ можно бы развить огромный промыселъ трески, этой цѣнной рыбы.

До 1895 года на явинскія тресковыя банки ежегодно приходили американскія суда и промышляли здѣсь треску въ огромномъ количествѣ. Насколько этотъ промыселъ выгоденъ, видно изъ того, что американская шкуна „Гера", придя, въ 1895 году, къ устью рѣки Явиной, въ теченіе трехъ недѣль наловила и засолила здѣсь

320,000 рыбъ тресковой породы; больше „Гера“ не ловила, ибо не было соли и судно не могло взять большаго груза. Уходя съ явинскихъ банокъ, „Гера“ увезла полный грузъ и продала камчатскую треску въ С. Франциско, по цѣнѣ 7 руб. пудъ, всего на сумму до 200, 000 рублей*).

Съ 1895 года американцы, по словамъ камчатской окружной администраціи, не посѣщаютъ уже болѣе явинскихъ тресковыхъ банокъ, а не посѣщаютъ потому. что, въ сказанномъ году, русскимъ властямъ какъ то удалось взыскать съ „Геры“ пошлины 1937 руб. 25 коп. Командиръ „Геры“, шкиперъ Андерсъ, хотя и взнесъ эту сумму въ русскую казну, но протестовалъ; по его мнѣнію, пошлина взыскана неправильно, ибо введеніе этой пошлины не было своевременно опубликовано русскимъ консуломъ въ С. Франциско и, наконецъ, въ самомъ исчисленіи пошлины онъ разошелся съ руссними властями, которыя посчитали тонну за 60 пуд., а не за тридцать, какъ то считалъ шкиперъ Андерсъ. Этотъ протестъ Андерса кончился ничѣмъ и русская казна не возвратила американцамъ 1937 руб. 25 коп., взысканныхъ за треску, нагруженную, въ 1895 году, на „Геру“. Американцы, вѣроятно, обидѣвшись на русскихъ, перестали посѣщать явинскія банки и промышлять здѣсь треску.

Промыселъ этотъ, нѣтъ сомнѣнія, перешелъ теперь къ японцамъ, ибо эти предпріимчевые рыболовы не могутъ не пойти навстрѣчу англійскому рынку, требующему тресковый жиръ въ любомъ количествѣ. Пока что неустановлено, промышляютъ ли японцы треску, или они ограничиваются рыбою лососевыхъ породъ, да

*) Дѣло петропавловскаго окружнаго управленія, по описи № 570 т. I.

при тѣхъ средствахъ наблюденія за японскими промышленниками, какія имѣются въ камчатскихъ водахъ у русскаго правительства, едвали это и можетъ быть установлено.

„Якутъ", ставши на якорѣ въ виду устья рѣки Явиной, рѣшилъ постоять здѣсь столько времени, сколько потребуется Домашневу для инспекціи рыбнаго промысла.

6-го іюля, въ 8 часовъ утра, была спущена съ „Якута" шлюпка, на которую, въ качествѣ пассажировъ, сѣли: Домашневъ, я и Карякинъ.

Волна была порядочная и нашу шлюпку порядкомъ пошвыривала, но шлюпка хорошая, и Карякинъ увѣрялъ, что онъ въ любой штормъ пойдетъ на этой шлюпкѣ. По пути къ берегу мы встрѣчаемъ множество утокъ всевозможныхъ породъ; особенно интересна утка, названная камчадалами „глупышемъ". Эта утка совсѣмъ не боится ни шлюпки, ни сидящихъ на ней людей; глупышъ подпускаетъ къ себѣ шлюпку такъ близко, что его можно убить прямо весломъ. А какъ мѣтко назвали камчадалы эту утку „глупышемъ": у нея, дѣйствительно, видъ крайне глупый, какой то растерянный, точно ее смертельно пристрѣлили и она вотъ вотъ подохнетъ. Мы шли отъ „Якута" до берега около двухъ часовъ. Довольно затруднительно было высаживаться на берегъ, у котораго ревѣлъ морской прибой. Когда мы дошли до „бѣляковъ", то нашу шлюпку уже такъ покидывало, что я инстинктивно посматривалъ, гдѣ лежатъ пробковые пояса, хотя, видя спокойное и веселое лицо Карякина, и стыдился въ душѣ за свой страхъ. Опасности, конечно, не было, но прибой былъ такой большой, что онъ поминутно обдавалъ насъ своими пѣнящимися брызгами; послѣдняя волна подхватила нашу

шлюпку такъ энергично, что мы въ одинъ мигъ очутились на прибрежномъ пескѣ, а на насъ горою шелъ колоссальный сѣдой прибой; разсыпавшись, онъ продвинулъ нашу шлюпку еще шаговъ на пять. Этотъ прибой, видимо, былъ самый сердитый, такъ какъ дальнѣйшіе прибои уже не достигали шлюпки и она, какъ говорится, обсохла, тѣмъ не менѣе, мичманъ командовавшій шлюпкой, нашелъ, что она недостаточно далеко отъ берега. Матросы стали тянуть шлюпку, но не могли сдвинуть ее съ мѣста; тогда стали въ тягло съ матросами и мы съ Домашневымъ, и, кое какъ, общими усиліями и при помощи веселъ, служившихъ катками, мы стянули тяжелую и громоздкую шести-весельную шлюпку съ мѣста и дотащили ее на такое разстояніе отъ берега, гдѣ ее не могла достать даже ожидавшаяся прибылая вода.

Устроивши шлюпку и оставивши нѣсколько матросовъ охранять ее, мы большою гурьбою отправились въ Явино, гдѣ Домашневу нужно было добыть какія то свѣдѣнія, а затѣмъ попытаться нанять „морскую подводу“, проще сказать, парусную шлюпку и гребцовъ, для объѣзда западнаго берега Камчатки, по крайней мѣрѣ, отъ Явина до Большерѣцка.

Селеніе Явино расположено верстахъ въ четырехъ отъ моря, на берегу крайне мелководнаго прѣснаго озера, верстъ 5 длины и версты 2½ ширины. Селеніе это находится внѣ камчатскихъ трактовъ и оно, поэтому, рѣдко посѣщается чинами окружной администраціи во время зимнихъ поѣздокъ по округу. Явино посѣщается больше иностранными судами, раньше американскими, а теперь японскими. Въ Явинѣ числится 16 дворовъ, около 100 головъ рогатаго скота, до 300 собакъ; есть два десятка лошадей. Посреди села часовня, передѣланная

изъ простой камчатской юрты; крыша покрыта травой; посрединѣ крыши укрѣпленъ небольшой деревянный крестъ, обитый жестью; крестъ, хотя и малъ, а все же блеститъ. Не менѣе четвертой части внутренняго пространства часовни занято печью, сложенной изъ кирпича-сырца. Эта часовня имѣетъ престолъ, на которомъ, во время пріѣзда изъ Большерѣцка священника, совершается божественная литургія. Алтарь отдѣляется отъ внутренняго помѣщенія простою досчатою перегородкою, имѣющею нѣкоторое подобіе иконостаса; въ перегородкѣ этой есть и царскія врата, есть и сѣверныя и южныя двери. Иконы—простыя лубочныя картины, продаваемыя копѣйки по двѣ за штуку, но сюжеты картинъ тѣже, что и во всѣхъ церквахъ: съ правой стороны царскихъ вратъ—Спаситель, съ лѣвой—Божія матерь; надъ царскими вратами изображеніе тайной вечери, а противъ перегородки, изображающей клиросъ, образъ св. Николая чудотворца, въ честь котораго сооружена часовня. Во всей вселенной нѣтъ, вѣроятно, храма болѣе бѣднаго, болѣе бѣднаго, чѣмъ эта явинская часовня.

Жители с. Явина живутъ зажиточно, какъ зажиточно живутъ русскіе по всей Камчаткѣ. Помимо рыбныхъ промысловъ и хорошей охоты на пушныхъ звѣрей, въ числѣ которыхъ, по количеству, первое мѣсто занимаетъ лисица огневка, а по качеству—соболь, явинцы разводятъ много скота.

Сбыта молочныхъ продуктовъ, а равно и мяса, конечно, нѣтъ, но за-то явинцы круглый годъ ѣдятъ такъ вкусно и обильно, что имъ можетъ позавидовать любой городской обыватель, особенно приамурскій.

Образъ жизни явинцевъ и ихъ промыслы, въ сущности, ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ по всей Кам-

чаткѣ, а потому то, что я буду говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи о всей Камчаткѣ, одинаково относится и до Явина.

Въ Явинѣ, между прочимъ, есть очень оригинальный насельникъ; это—финляндскій уроженецъ Отто Ерикъ, 36 лѣтъ, кандидатъ правъ гельсингфорскаго университета, живущій въ Явинѣ уже 8 лѣтъ и по наружному виду ничѣмъ не отличающійся отъ прочихъ камчадаловъ.

Я совершенно не зналъ о существованіи въ Явинѣ ученаго финляндца, а потому, зайдя случайно въ домъ Отто Эрика, я былъ нѣсколько удивленъ нѣкоторымъ комфортомъ его жилья, а еще того болѣе полкой съ книгами, въ числѣ которыхъ оказались сочиненія Шекспира на шведскомъ языкѣ, сочиненія Байрона на томъ же языкѣ и многія другія книги, свидѣтельстующія объ интеллигентности хозяина этого дома.

Исторія Отто Эрика не замысловата: окончивши университетъ, онъ за что то поссорился со своими родственниками и отправился въ Америку искать счастья. Въ то время американскія шкуны ходили еще на явинскія банки промышлять треску, и на одну изъ такихъ шкунъ, въ качествѣ простого матроса, попалъ и Отто Эрикъ. Промышляя треску, онъ частенько сходилъ на берегъ въ селеніе Явино, гдѣ его плѣнила черноокая камчадалка, и Отто Эрикъ поставилъ крестъ надъ своимъ университетскимъ дипломомъ, женился на понравившейся ему камчадалкѣ и повелъ жизнь, ничѣмъ не отличающуюся отъ жизни любого камчадала. Онъ ходитъ и соболевать, ходитъ и на медвѣдя, промышляетъ дикаго оленя и нерпу, и рыбу. Изъ наноснаго лѣса имъ построенъ очень хорошій, по тѣмъ мѣстамъ, домъ; въ домѣ чистота, нѣкоторый комфортъ; у Отто имѣется двѣ

нарты; промышленникъ онъ хорошій, живетъ въ довольствѣ, а къ тому жена подарила ему четверыхъ голубоглазыхъ ребятъ, и Отто Эрикъ, ученый финляндецъ, опростѣлъ, но не на словахъ и не во имя какой либо отвлеченной идеи, а ему просто полюбилась безхитростная жизнь на Камчаткѣ, полюбилась ему природа и „пріятное содружество, какъ говаривалъ Карамзинъ, добрыхъ поселянъ“. Лучшаго Отто Эрикъ, видимо, и не желаетъ; онъ счастливъ по своему, а если его, быть можетъ, и гложетъ червь человѣческаго тщеславія, то этого онъ ни кому не высказываетъ. Оригинальный финляндецъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, совершенно уравновѣшаннаго и, во всякомъ случаѣ, философа, промѣнявшаго университетскій аттестатъ на соболевую сѣтку, да нерпичьи лыжи.

Кому удастся заѣхать въ Явино, совѣтую побывать у этого замѣчательнаго человѣка и побесѣдовать съ нимъ. Отто Эрикъ человѣкъ общительный, хотя и не любитъ, если залѣзаютъ къ нему въ душу.

Тутъ же, въ Явинѣ, живетъ и американецъ Кларксонъ; онъ промѣнялъ свою бойкую родину на безлюдную Камчатку также благодаря чарамъ здѣшней камчадалки. Кларксонъ такъ же окамчадалился, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ Отто Эрикъ. Кларксонъ больше занимается коммерціей, чѣмъ промыслами, но въ остальномъ онъ такой же камчадалъ, какъ и всѣ явинцы.

Въ Явинѣ мы пробыли часа 4; пили у старосты чай, къ которому было подано нѣсколько комковъ свѣжаго масла, нѣсколько крынокъ съ кипяченымъ молокомъ; принесли и творогу, и сметаны, и сливокъ. Мы, голодные, не только поѣли до отвала, но и накупили молочной провизіи и для каютъ-кампаніи, накупили столько, сколько могли унести.

Домашневъ узналъ въ Явинѣ, что у устья самой рѣки промышляютъ японскія шкуны, но не въ двухъ верстахъ отъ устья, какъ то полагается по закону, а въ самомъ устьѣ. Подрядить шлюпку до Большерѣцка ему такъ и не удалось.

Мы отправились обратно на пароходъ не берегомъ озера, какъ пришли, а рѣшили переплыть озеро на бату; усѣлись на батъ и отчалили, но, пройдя отъ берега съ версту, нашъ батъ сѣлъ на мель; никакія усилія не могли его двинуть дальше, да и не стоило трудиться: глубина не болѣе 3 вершковъ. И вотъ мы всѣ вышли изъ бата и пошли вбродъ. Мы были почти насрединѣ озера, и это путешествіе по озеру, въ огромномъ, болѣе версты разстояніи отъ берега, было очень оригинально: оно и возможно развѣ въ Камчаткѣ. Дно по счастію было твердое, и мы, нагруженные, кто корчагой сметаны, кто творогомъ, кто сливками, благополучно добрели до берега, перевалили черезъ крутую сопку, густо поросшую чудною сочною травою, испещренною множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, вышли къ морю.

Было около 3 часовъ дня. Вода прибывала, и наша шлюпка вотъ вотъ могла очутиться въ водѣ. Матросы на досугѣ разгоняли чаекъ, рѣявшихъ съ пронзительнымъ жалобнымъ крикомъ надъ остатками кита, раннею весною выброшеннаго моремъ. Отъ морскаго чудовища остались лишь наиболѣе громоздкія кости, которыя не могли утащить прожорливыя волки и лисицы, лакомые до китовины.

Стащили шлюпку на воду, но отвалить отъ берега, при сильномъ прибоѣ, было не легко; шлюпка не слушалась весла, а потому сошли въ воду два матроса, которые пробуксировали ее первыхъ три—четыре прибоя,

а затѣмъ вскарабкались на шлюпку, и мы пошли на веслахъ. Чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ волна меньше. Не доходя мили двѣ до „Якута“, мы увидѣли на горизонтѣ двѣ парусныя шкуны; эти шкуны шли прямо на „Якутъ“ и были усмотрѣны вахтой „Якута“ еще раньше насъ; когда мы взошли на палубу судна, командиръ сказалъ, что онъ уже слѣдитъ за этими шкунами и сегодня къ вечеру остановитъ ихъ.

Лишь только подняли на палубу шлюпку, какъ немедленно былъ поднятъ якорь и „Якутъ“ отправился на встрѣчу паруснымъ японскимъ шкунамъ. Мы скоро сошлись близко со шкунами; на „Якутѣ“ былъ поднятъ сигналъ шкунамъ убрать паруса и отдать якорь; сигналъ, видимо, не былъ понятъ шкунами и онѣ продолжали идти впередъ. Тогда командиръ приказалъ снять чехлы съ двухъ носовыхъ орудій, зарядить ихъ холостыми патронами, и вскорѣ пустынное Охотское море огласилось рѣзкимъ звукомъ орудійнаго выстрѣла; дали выстрѣлъ изъ второго орудія, и шкуны поняли, чего отъ нихъ хотятъ: паруса были убраны, якорь отданъ и вывѣшенъ сигналъ, приглашающій переговорить, въ чемъ дѣло.

Когда японцы убрали поруса и стали на якорь, съ „Якута“ немедленно была спущена шлюпка, на которую сѣлъ Домашневъ и сопровождавшій его лѣсной объѣздчикъ; шлюпка пошла къ японскимъ шкунамъ подъ командою офицера. Еще Домашневъ не возвратился на „Якутъ“, какъ японскія шкуны снялись съ якоря, подняли паруса и пошли своимъ прежнимъ курсомъ. Оказалось, что обѣ эти шкуны были зафрахтованы Зубковымъ, причемъ у нихъ имѣлись и разрѣшительныя на рыбный промыселъ свидѣтельства; въ числѣ рабочихъ были даже русскіе, но, по словамъ Домашнева, всякій сбродъ;

были тутъ и сахалинцы, и служившіе на маньчжурской желѣзной дорогѣ, но оттуда изгнанные. Формальная часть оказалась, однако, въ порядкѣ, и Домашневъ отпустилъ съ миромъ остановленныя „Якутомъ“ шкуны. По возвращеніи шлюпки, мы вновь снялись съ якоря и пошли къ устью рѣки Апалы. Раненько утромъ Домашневъ ушелъ на шлюпкѣ къ устью рѣки; онъ пробылъ тамъ до часу дня и, возвращаясь, привелъ съ собою японскій карбасъ, на которомъ японцы везли на „Якутъ“ невода, конфискованные Домашневымъ. У устья Апалы промыселъ производился японскими рабочими и, кромѣ того, въ устьѣ самой рѣки. Независимо конфискаціи невода, проданнаго затѣмъ въ Петропавловскѣ съ аукціона, Домашневъ составилъ протоколы, коими наложилъ на японскихъ промышленниковъ извѣстный штрафъ и забралъ ихъ судовые документы, что въ жестяныхъ цилиндрикахъ.

Въ этотъ день, 7-го іюля, предполагалось, по возвращеніи Домашнева на судно, немедленно идти на Большерѣцкъ; но погода, съ 11 часовъ утра, стала свѣжѣть, и командиръ, видимо, былъ недоволенъ, что Домашневъ такъ долго копается на берегу.

Только Домашневъ возвратился и сталъ взбираться по штормъ-трапу на судно, какъ уже было отдано приказаніе поднимать якорь. Барометръ упалъ какъ-то сразу; надъ волною стали летать маленькія сѣренькія птицы, буревѣстники, и мы, снявшись съ якоря, очутились въ штормѣ, который на другой день смѣнился туманомъ, и предположеніе „Якута“ пойти въ Большерѣцъ такъ и не осуществилось. Питали надежду, что туманъ разсѣется, что мы пройдемъ первымъ Курильскимъ проливомъ, гдѣ можно будетъ сойти на берегъ и посмотрѣть бо-

бровыя лежбища; надѣялись также побывать въ японскомъ городкѣ, что возникъ на берегу 2-го Курильскаго пролива; но все это осталось празднымъ мечтаніемъ: туманъ не позволилъ намъ идти ни первымъ, ни вторымъ проливомъ, а пошли четвертымъ. 8 іюля, въ 1 часъ дня, мы прошли островъ Ширинку, очень похожій по своимъ очертаніемъ на медвѣдя; въ 4 часа дня прошли проливъ и взяли курсъ прямо на Петропавловскъ, отказавшись отъ всякой остановки. 9-го іюля, при совершенно ясной и тихой погодѣ, даже при лунномъ свѣтѣ, мы входили въ створы Авачинской губы и, въ 12 часовъ ночи, у устья Раковой бухты, отдали якорь, а на завтра, часамъ къ 9 утра, пришвартовались къ берегу.

Такимъ образомъ, проплававши на „Якутѣ“ 13 сутокъ, сдѣлавши, какъ показали вахтенныя записи, 1632 мили, мы исполнили четыре дѣла: свезли 37 пуд. провизіи къ кампямъ „Три Сестры“, побывали въ селеніи Явинѣ, осмотрѣли вблизи этого селенія двѣ японскія шкуны и у устья рѣки Апалы Домашневъ осмотрѣлъ рыбные промыслы. Сдѣлали мало, но сдѣлать больше командиръ „Якута“ не могъ: плаванію, какъ мы видѣли, все время мѣшала погода и, кромѣ того, „Якуту“ нужно было идти, къ точно опредѣленному сроку, въ Анадырскій край, въ бухту Провидѣнія, дабы взять тамъ члена русско-американской экспедиціи Богораза.

При изложенныхъ условіяхъ охраны камчатскихъ водъ „Якутомъ“, нельзя не согласиться, что эта охрана весьма призрачна и пользы отъ нея нѣтъ никакой. Военные моряки имѣютъ огромную отвѣтственность за малѣйшую аварію, и военное судно можетъ подойти къ берегу и стоять въ виду его на якорѣ толь-

ко при совершенно благопріятныхъ условіяхъ погоды, а погода въ сѣверныхъ моряхъ очень рѣдко благопріятствуетъ этому и военное судно очень рѣдко можетъ выполнить програму охраны такъ, какъ то предписано начальствомъ.

Для охраны нашего сѣвернаго побережья нужно спеціальное судно, и даже не одно, имѣющее парусное вооруженіе, хорошихъ двѣ машины, развивающихъ скорость до 12 миль въ часъ; судно это должно имѣть деревянную обшивку, дабы оно не боялось плавучихъ льдовъ; оно должно имѣть для устрашенія хищниковъ два—три артиллерійскихъ орудія. Въ Камчатскомъ морѣ нужно имѣть два судна, потому что одно судно, при наличности пяти Курильскихъ проливовъ, не можетъ угнаться за хищниками: охранное судно пойдетъ первымъ проливомъ, а хищники, завидя сторожевое судно, уйдутъ пятымъ проливомъ и наоборотъ; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ моряки; съ ихъ же словъ я взялъ и желаемыя данныя судна береговой охраны въ охотско-камчатскихъ моряхъ.

Вопросъ о пріобрѣтеніи для Охотско-Камчатскаго края особаго сторожеваго судна не новъ; онъ подымался, какъ я замѣтилъ выше, Муравьевымъ. Но то было давно, а я разскажу здѣсь о положеніи этого вопроса въ наши дни, причемъ, для большей убѣдительности, процитирую здѣсь, въ извлеченіи, представленіе по этому предмету начальника Петропавловской округи, Ошуркова, поданное имъ, 25 августа 1895 года, бывшему военному губернатору Приморской области, генералу Унтербергеру.

Ошурковъ, какъ я замѣтилъ выше, задался мыслью развить экспортъ камчатской рыбы. Лучшею рыбою онъ

считаетъ ту, которая ловится въ устьѣ рѣки Камчатки; тамъ, по мнѣнію Ошуркова, и долженъ былъ начаться раціональный рыбный промыселъ.

Берега рѣки Камчатки, говорится въ сказанномъ представленіи, на сотни верстъ, отъ селенія Крестьянскаго до самой вершины р. Камчатки, заросли прекраснымъ строевымъ лиственничнымъ лѣсомъ. У жителей по долинѣ р. Камчатки, при массѣ рыбы, при массѣ матеріала для постройки бочекъ, нѣтъ соли, а завозить ее туда трудно, ибо глубина устья-камчатскаго бара 9 арш. Морскія суда, не имѣя, поэтому, возможности входить въ устье рѣки, останавливаются въ морѣ, миляхъ въ 5 отъ берега, гдѣ всегда бываетъ волненіе.

Ошурковъ рекомендуетъ завести шкуну, въ родѣ „Сторожа", охраняющаго побережье Японскаго моря; шкуна должна быть паровая, съ осадкою не болѣе 9 ф., дабы она могла свободно входить въ устье рѣки Камчатки и подниматься по этой рѣки до селенія Ключевскаго. Дѣятельность будущей шкуны, по мнѣнію Ошуркова, должна быть такова: перезимовавши во Владивостокѣ, ранней весною, шкуна приходитъ въ Петропавловскъ и привозитъ грузъ, который, обыкновенно, приходитъ съ первымъ рейсомъ (тогда пароходовъ добровольнаго флота, а теперь пароходовъ общества восточной китайской ж. д.). Этотъ рейсъ охраннаго судна сберегаетъ казнѣ до 6 тыс. руб. помильной платы + судно зарабатываетъ на попудной платѣ до 9 т. рублей.

Сдавши грузъ въ Петропавловскѣ, шкуна идетъ въ Нижне-Камчатскъ, куда также везетъ владивостокскій грузъ, а оттуда принимаетъ лѣсъ, рыбу и везетъ все это въ Петропавловскъ, гдѣ, сгрузившись, принимаетъ охрану боброваго промысла и идетъ на Лопатку, а за-

тѣмъ идетъ по западному берегу, до Тигиля включительно, и осматриваетъ устье каждой рѣчки, заставляя тѣмъ иностранныхъ хищниковъ, въ то время только однихъ американцевъ, ловившихъ на явинскихъ банкахъ треску, выбирать промысловые документы, отъ чего ожидалось въ казну поступленій до 10 т. руб. въ годъ. Обойдя западный берегъ, шкуна идетъ въ Н. Камчатскъ или, смотря по надобности, въ другіе пункты. Такая шкуна могла бы, подобно „Якуту“, обслуживать побережье Камчатки до половины октября. Ошурковъ полагалъ, что расходъ по покупкѣ и содержанію помянутой шкуны оправдался бы не только отвлеченнымъ развитіемъ благосостоянія населенія Камчатскаго полуострова, но и видимымъ поступленіемъ сборовъ въ казну за право рыбнаго промысла. Теперь, съ наплывомъ японцевъ, эти поступленія дошли уже до 25 т. руб. въ годъ, а будь особая сторожевая шкуна, поступленія, несомнѣнно, увеличились бы въ нѣсколько разъ. Сборы за рыбные промыслы, поднявшіеся въ 1900 году до 25 т. рублей, въ 1901 году, вслѣдствіе отсутствія охраны нашего побережья, уже падаютъ и будутъ падать съ каждымъ годомъ до тѣхъ поръ, пока въ камчатскихъ водахъ не будетъ постоянной сторожевой шкуны, у которой не было бы другого дѣла, какъ обслуживать побережье Камчатки и другихъ сѣверныхъ округъ.

Изложенное представленіе Ошуркова не имѣетъ пока никакихъ послѣдствій.

Позволимъ себѣ высказать, что современныя обстоятельства требуютъ немедленнаго движенія вопроса о покупкѣ для камчатскихъ водъ особой сторожевой шкуны, возбужденнаго Ошурковымъ еще въ 1895 году, тѣмъ болѣе, что, съ покупкою такой шкуны, весьма воз-

можно будетъ освободить „Якутъ“ отъ крейсерства въ сѣверныхъ водахъ, что дастъ государственному казначейству немалое сбереженіе.

ГЛАВА IV.

Изверженіе Авачинской сопки. Агафія Карандашиха. Камчатскій паровой рыбообдѣлочный заводъ и условія его дѣятельности.

За время плаванія „Якута" по дѣламъ охраны камчатскаго побережья, въ жизни Камчатки произошли два важныхъ событія: 7-го іюля началось изверженіе Авачинской сопки, а 8 іюля освященъ и пущенъ въ ходъ вновь устроенный паровой рыбообдѣлочный заводъ.

Изверженіе сопки, рѣдкое, грозное и величественное, начавшись 7 іюля 1901 г., продолжалось съ большими или меньшими перерывами до 21 іюля.

7-го іюля, около 6 час. утра, у Авачинской сопки, какъ намъ разсказывали по прибытіи „Якута" въ Петропавловскъ, начался сильный подземный грохотъ. Впослѣдствіи оказалось, что грохотъ этотъ отчетливо былъ слышенъ на 100 верстъ въ окружности, и въ селеніяхъ, ближайшихъ къ Авачинской сопкѣ: Петропавловскѣ, Сѣроглазкѣ, Калахтыркѣ, Авачѣ, Паратункѣ, Николаевскомъ, Старомъ острожкѣ и Корякахъ подземный вулканическій грохотъ былъ такъ силенъ, что тряслись окна, двери сами собою отворялись; подземный гулъ слышался часами, и жителей перечисленныхъ селеній невольно обуялъ ужасъ и даже паника; всѣ сознавали свое ничтожество передъ могучимъ явленіемъ природы и страшились его.

Подземный грохотъ, къ 9 часамъ утра сказаннаго

дня, достигъ своего апогея, и изъ кратера вулкана, при ясномъ и безоблачномъ небѣ, сталъ подыматься вверхъ колоссальный столбъ густыхъ паровъ, смѣшавшихся затѣмъ съ огненнымъ столбомъ, которымъ вулканъ извергалъ глыбы раскаленныхъ камней, огненную лаву; огненный столбъ былъ виденъ не болѣе 5 минутъ и смѣнился тѣми-же густыми парами.

Ослѣпительно бѣлая снѣжная вершина Авачинскаго вулкана, къ $9^{1}/_{2}$ часамъ утра, оказалась черной, покрытой грязными, дымящимися потоками раскаленной лавы, а снѣгъ, покрывавшій вершину сопки, растаялъ.

Снѣговые ручьи и потоки лавы не замедлили скатиться къ подошвѣ сопки, а затѣмъ и къ вершинѣ рѣчки Мутной, впадающей въ р. Авачу, и эти потоки, насыщенные сѣрою и всякаго рода вулканическимъ примѣсями, быстро загрязнили и отравили воды р. Авачи, по которой, въ это время, шла ходовая рыба. Рыба, очутившись въ несродной ей средѣ, измѣнила своему стремленію идти вверхъ по теченію безостановочно, пока не найдетъ гнѣздовья для метанія икры, и массами повернула назадъ. Масса ходовой рыбы уснула и, всплывая на поверхность рѣки, быстро неслась ея теченіемъ къ морю.

Приавачинское населеніе, видя обратный ходъ рыбы, чего никогда не бывало, видя массы сонной рыбы, пришло въ отчаяніе: рѣка Авача и ходовая въ ней рыба, особенно іюльская, главный источникъ пропитанія населенія перечисленныхъ деревень. Изверженіе сопки не приняло большихъ размѣровъ, и послѣдующіе взрывы вулкана были все слабѣе и слабѣе, ограничиваясь въ иные дни однимъ лишь столбомъ паровъ, да подземнымъ гуломъ.

Эффектную картину представляла Авачинская сопка

въ ночь съ 9 на 10 іюля, когда мы возвращались на „Якутѣ“ въ Петропавловскъ: по ея поверхности, отъ жерла кратера и до подошвы лились огненныя рѣки лавы; эти огненные потоки, то широкіе, подобно рѣкѣ, то узкіе, подобно ручейку, бороздили сопку по всѣмъ направленіямъ и освѣщали какимъ-то невиданнымъ свѣтомъ могучую Авачу и ея, еще болѣе могучую, сосѣдку, Корякскую сопку. Жители Петропавловска, хотя и боялись изверженія и предсказывали всякіе ужасы для Камчатки, но толпами ходили на Култукское озеро, откуда видна Авача, гдѣ и любовались рѣдкимъ и величественымъ явленіемъ.

Среди бѣла дня случалось, что столбъ паровъ отъ дѣйствія вѣтра принималъ различныя фантастическія формы, а 9 іюля, при совершенно ясной, но вѣтреной погодѣ, отъ 4 до 5 часовъ дня, мы наблюдали съ палубы „Якута“, подходившаго къ Авачинской губѣ, какъ вѣтеръ придалъ вулканическому столбу паровъ такую конфигурацію, что надо всей Камчаткой точно парилъ колоссальный богатырь съ булавой въ рукѣ. Этотъ облачный богатырь сильно пугалъ и безъ того разстроенное воображеніе смиренныхъ жителей Камчатки.

Изверженіе лавы было три раза: 7-го, 9-го и 13-го іюля, а затѣмъ дѣятельность Авачинскаго вулкана ограничивалась однимъ лишь подземнымъ гуломъ, да изверженіемъ паровъ, а къ 18 іюля огненные потоки лавы уже потухли и, вѣроятно, скоро остыли. Мало по малу очистилась рѣка Мутная, а за нею и рѣка Авача и по этой послѣдней опять пошла ходовая рыба, и въ такомъ большомъ количествѣ, что пріунывшіе жители свободно назапасили годовыя пропорціи рыбы, какъ для людей, такъ и для собакъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы изверженіе Авачи прошло безслѣдно для жителей Камчатки. Мелкая, невидимая глазомъ, вулканическая пыль покрыла собою всякую траву, всякій листъ дерева почти на всемъ пространствѣ южной Камчатки. Странствуя въ 20-хъ числахъ іюля по селеніямъ Камчатки, я видѣлъ эту пыль и на листьяхъ, и на травѣ; пыль эта такъ тонка, что она совершенно напоминаетъ пыль на лакированной мебели большого барскаго дома, спустя четыре-пять часовъ послѣ уборки комнатъ. Эта пыль, видимо, не придавала травѣ какого-либо непріятнаго вкуса, такъ какъ и рогатый скотъ, и лошади охотно ѣли траву во весь періодъ дѣйствія Авачинскаго вулкана, хотя за все это время и не было дождей. Вулканическая пыль не прошла безслѣдно для здоровья жителей: начиная съ 10 іюля и по конецъ этого мѣсяца, во всей южной Камчаткѣ не было ни одного человѣка, который не кашлялъ-бы; кашляли и взрослые, и старики, и старухи. Этотъ „вулканическій“ кашель не походитъ на кашель простудный; кашляя, чувствуешь какую то рѣзь во всѣхъ дыхательныхъ путяхъ, мокроты почти совсѣмъ нѣтъ.

Петропавловскій окружный врачъ, В. Н. Тюшевъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что огромное количество на Камчаткѣ больныхъ чахоткою обязано именно вулканической пыли, которая обильно дается Ключевскою сопкой, постоянно дѣйствующей, хотя каждый разъ и слабѣе, чѣмъ дѣйствовала въ 1901 году Авачинская сопка.

Съ 20-хъ чиселъ іюля, за окончаніемъ дѣйствія Авачинской сопки, сталъ прекращаться и поголовный кашель, и жизнь Камчатки вошла въ свою обычную колею

Дѣйствіе Авачинскаго вулкана не обошлось безъ

характернаго инцидента. Нужно замѣтить, что въ іюлѣ, мѣсяцѣ, по всѣмъ камчатскимъ рѣкамъ идетъ ходовая рыба. Запрещеніе ловли рыбы японскими рабочими вызвало большой спросъ на мѣстныя рабочія руки и на рыбалки, и для разгрузки и нагрузки судовъ котиковой компаніи, такъ что въ Петропавловскѣ, 7-го іюля, когда начала дѣйствовать Авачинская сопка, оставались однѣ женщины, да дѣти, а всѣ мужчины были на тѣхъ или другихъ промыслахъ. Вулканическій грохотъ, предшествовавшій изверженію вулкана, привелъ въ ужасъ все женское населеніе Петропавловска, и онѣ въ то время, когда загрохоталъ вулканъ, толпами бѣжали искать помощи у окружнаго начальника Ошуркова.

— Ваше высокоблагородіе, что же какъ дѣлать? Пропали мы, провалимся сейчасъ въ море.

— Не робѣйте, миленькія. Я уже послалъ на сопку казаковъ...

— Ваше высокоблагородіе! И сами поѣзжайте, а то что-же съ нами будетъ?

— Поѣду, поѣду, уже коня сѣдлаютъ...

И камчадалки успокоились. Такова вѣра у сѣвернаго населенія во всемогущество окружнаго начальника и его сподвижниковъ—казаковъ. Но окружный начальникъ, когда я, сойдя съ „Якута", пришелъ къ нему въ гости, при всемъ его всемогуществѣ, былъ въ унынии: изъ острожковъ и селеній, расположенныхъ по рѣкѣ „Авачѣ", получались вѣсти, что рыба дохнетъ отъ лавы, попадающей въ эту рѣку съ рѣки Мутной.

Нужно было провѣрить эти вѣсти и принять какія либо мѣры къ предотвращенію голодовки. Ошурковъ рѣшилъ ѣхать въ селеніе Авачу, расположенное на устьѣ рѣки того-же имени. Въ этой поѣздкѣ приняли участіе:

командиръ Якута, 3 морскихъ офицера, морской докторъ и Домашневъ.

12-го іюля, въ 10 часовъ утра, мы отправились въ Авачу на паровомъ катерѣ и, черезъ два часа, были уже въ этомъ селеніи.

Вѣсти о гибельномъ дѣйствіи вулканической лавы на ходовую рыбу, хотя и подтвердились, но все же это явленіе, какъ оказалось на мѣстѣ, не имѣло такихъ угрожающихъ размѣровъ. Рыба, дѣйствительно, до 8-го іюля массами дохла, но, затѣмъ, когда сошла въ море вода, загрязненная вулканическими примѣсями, все пошло своимъ порядкомъ: рыба шла и жители села Авачи ловили ее въ изобиліи.

Обрадованные такимъ положеніемъ дѣла, мы совершили маленькую прогулку на батахъ вверхъ по рѣкѣ Авачѣ; кто охотился на утокъ, а кто плылъ на бату безъ всякой видимой цѣли. Я, какъ не охотникъ, забавлялся молодыми чайками, уже оперившимися, хорошо плававшими, но не умѣвшими еще летать. Сѣрыя, съ желтыми носами, онѣ во множествѣ стояли на прибрежныхъ пескахъ и плавали въ водѣ, а надъ дѣтенышами, съ жалобнымъ пискомъ, тысячами носились въ воздухѣ старыя чайки. На водѣ, плывя на бату, не поймаешь молодую чайку: она по теченію плаваетъ и ловко, и быстро, но на пескѣ, особенно если отбить молодую чайку отъ воды, ее легко поймать. Очень забавная и храбрая птица: когда видитъ, что ей не уйти, она садится и принимаетъ боевую позу и нещадно кусается, когда возьмешь ее въ руки.

Наша прогулка вверхъ по Авачѣ доставила намъ большое удовольствіе. Когда мы вернулись въ селеніе,

тамъ деньщики уже приготовили самоваръ и кое что закусить.

Все было приготовлено въ домѣ камчатской героини, Агафьи Ивановны Карандашихи, 82 хъ лѣтъ.

Эта почтенная старуха принимала непосредственное участіе въ блистательной оборонѣ Петропавловска отъ покушенія на него, въ 1854 году, англо-французской эскадры. Ея мужъ былъ казачій урядникъ, а она сама, тогда еще молодая, частенько работала поденно для семьи Василія Степановича Завойко. Когда на Петропавловскъ нежданно-негаданно напали враги, Завойко, какъ извѣстно, всѣхъ призвалъ къ оружію, при чемъ правитель канцеляріи камчатскаго губернатора, коллежскій ассесоръ Лохвицкій, былъ командиромъ орудія батареи, расположенной на Кошкѣ. На эту батарею, наиболѣе опасную, былъ назначенъ мужъ Карандашихи, урядникъ Василій Карандашъ. Его жена, Агафья Ивановна, не пожелала вмѣстѣ съ прочими женщинами спасаться въ горы, но пошла на батарею и, во время горячаго артиллерійскаго боя, 17, 20 и 24 августа, была на батареѣ, подавая заряды, поправляя лопатой подстрѣленныя земляныя закрытія батареи. Ея мужъ, раненый 20 августа осколкомъ снаряда, за неимѣніемъ перевязочнаго пункта, лежалъ тутъ же, въ тылу батареи, и Агафья Ивановна, помимо активнаго участія, собственно, въ оборонѣ, исполняла роль сестры милосердія и въ отношеніи къ своему мужу, урядику Карандашу, и въ отношеніи къ другимъ героямъ безсмертной обороны Петропавловска.

Въ то время, когда Агафья Карандашиха доблестно несла на петропавловской батареѣ артиллерійскую службу, у нея тутъ же, на батареѣ, за землянымъ закрытіемъ, лежалъ грудной младенецъ Иванъ. Грохотъ артил-

лерійскаго боя не остался безслѣднымъ для Ивана Карандаша: онъ, какъ говорятъ въ Камчаткѣ, „мерячитъ", т. е., съ нимъ бываютъ припадки, которые дѣлаютъ его плохимъ работникомъ и обузою для матери. Это меряченье есть слѣдствіе испуга груднаго младенца пушечной пальбой, отразившагося на его психикѣ и сдѣлавшаго его инвалидомъ.

У Карандашихи только и семьи, что этотъ полукретинъ сынъ, хотя, впрочемъ, уже женатый, и героиня лучшей страницы исторіи русской военной славы, послѣ смерти своего мужа отъ раны, полученной въ бою 20 августа, живетъ въ величайшей бѣдности.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія долженъ сказать объ отношеніяхъ къ Агафьѣ Карандашихѣ экипажа транспорта „Якута" и петропавловскаго окружнаго начальника Ошуркова.

Раннею весною, лишь приходитъ въ Петропавловскъ „Якутъ", какъ Карандашиха въ тотъ же день является къ командиру съ визитомъ, и всѣ командиры „Якута" и другихъ военныхъ судовъ, посѣщающихъ Петропавловскій портъ, а ихъ перемѣнилось уже много, принимаютъ восьмидесятилѣтнюю героиню—камчадалку; они подаютъ ей руку, приглашаютъ къ себѣ въ каюту. Приглашаетъ Карандашиху и каютъ-кампанія.

По какому бы дѣлу ни пришла Карандашиха и къ начальнику округи, она приглашается имъ въ гостиную и ей подается угощеніе. Помимо этого, моряки и Ошурковъ кормятъ Карандашиху и ея мерячащаго сына; Ошурковъ ежемѣсячно отчисляетъ ей изъ собственнаго пайка провіанта обычный солдатскій паекъ, а что касается „Якута", то таковой снабжаетъ старуху рѣшительно всѣмъ.

По моему мнѣнію, защитница Петропавловска имѣетъ право на признательность не частныхъ лицъ, каковыми, въ данномъ случаѣ, являются экипажъ того или другого военнаго судна и личность окружнаго начальника, но правительства, тѣмъ болѣе, что на попеченіи Карандашихи остался больной сынъ, отецъ котораго убитъ въ бою, а онъ, тогда еще грудной младенецъ, въ томъ же бою получилъ увѣчье. Даже одно это обстоятельство дѣлаетъ Карандашиху достойной вниманія и щедротъ правительства. Да и сама то она—развѣ не заслужила? Развѣ не стояла она грудью за своего Царя, за свою родину?

У насъ на Руси частенько, впрочемъ, остаются въ забвеніи подвиги высокой доблести, высокаго самоотверженія. Многія славныя дѣянія русскихъ людей, благодаря ихъ природной скромности, остаются въ безвѣстности и узнаютъ о нихъ сплошь и рядомъ случайно. Живыхъ героевъ петропавловскаго боя только и осталось, что Карандашиха, да и той уже 82 года!

Не послужитъ ли изложенное мною объ Агафьѣ Карандашихѣ, живой реликвіи петропавловской славы, къ тому, чтобы власти обратили вниманіе на эту старуху, чтобы ей данъ былъ хотя какой либо знакъ признательности государства къ тѣмъ, кто такъ блистательно, кто такъ геройски отстаивалъ честь и достоинство Россіи въ отдаленнѣйшемъ и пустыннѣйшемъ ея уголкѣ?

Въ Петропавловскъ мы возвратились около 7 час. вечера. 14-го іюля мы ѣздили, также на паровомъ катерѣ, въ Тарьинскую бухту, посмотрѣть вновь открытый камчатскій паровой рыбообдѣлочный заводъ, только что начавшій свою дѣятельность.

Заводъ устроенъ камчатскимъ торговопромышлен-

нымъ обществомъ, учрежденнымъ въ 1897 году и дѣйствующимъ по уставу, Высочайше утвержденному 13 іюля 1897 года, и согласно постановленіямъ, распубликованнымъ въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства": въ 1897 году за № 122, въ 1898 г. за №№ 58 и 109 и въ 1900 г. за № 93.

Сказанное общество имѣетъ своею цѣлью производство различныхъ морскихъ и рѣчныхъ водныхъ промысловъ (сельдяного, трескового и, вообще, рыбныхъ, боя китовъ, лова и боя морскихъ звѣрей, лова трепанговъ и крабовъ) въ Охотскомъ, Беринговомъ и Камчатскомъ моряхъ съ заливами, проливами и рѣками, въ нихъ впадающими, въ Татарскомъ проливѣ и въ р. Амурѣ съ его притоками, равно общество имѣетъ цѣлью устройство и содержаніе заводовъ для приготовленія консервовъ, жировъ и землеудобрительныхъ туковъ; въ цѣли общества входитъ также торговля разнаго рода товарами, а также добыча и разработка, для надобностей предпріятія, ископаемаго угля въ Камчаткѣ.

Этому обществу предоставлено право, съ соблюденіемъ существующихъ законовъ, постановленій и проч., пріобрѣтать въ собственность, а равно устраивать и арендовать промысловыя и торговыя заведенія и склады, съ пріобрѣтеніемъ для сего движимаго и недвижимаго имущества, а также содержать для нуждъ общества пароходы и другія суда.

Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 1,000,000 руб. золотомъ, раздѣленный на 8000 акцій, по 120 руб. золотомъ каждая.

Насколько уже реализованы теперь сказанныя 8000 акцій, въ чьихъ онѣ рукахъ, русскихъ или иностранцевъ, я не знаю: одни говорятъ, что это есть пред-

пріятія русскихъ капиталистовъ, съ г. Прозоровымъ во главѣ, а другіе говорятъ, что камчатское рыбное дѣло находится въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ. Гдѣ правда я не могъ узнать, да откровенно сказать, меня это и не интересовало. На основаніи видѣннаго собственными глазами, я могу здѣсь сказать только, что камчатское торгово-промышленное общество взялось за дѣло совершенно серьезно, и всѣ 1,500,000 рублей кредитными находятся въ дѣлѣ, и именно во вновь построенномъ на берегу Тарьинской бухты паровомъ консервномъ заводѣ и паровомъ же, огромныхъ размѣровъ, гуановомъ заводѣ.

Начавши строить два огромныхъ завода, снабжая ихъ совершеннѣйшими машинами, общество встрѣтилось съ массою затрудненій, обусловливаемыхъ пустынностью и своеобразными условіями Камчатскаго полуострова съ одной стороны и новизною дѣла съ другой.

Нужны были огромные капиталы, желѣзная энергія и полная вѣра въ будущность предпріятія, чтобы не опустить руки съ первыхъ же шаговъ.

Заводъ начали строить на берегу Тарьинской бухты, въ 18 верстахъ отъ Петропавловска. Въ этихъ мѣстахъ лѣсу много, но онъ, тополевый или березовый, сплошь дуплистый и корявый, для постройки не годится, и лѣсъ пришлось привозить извнѣ: частію изъ Америки, частію изъ Японіи и частію съ Сахалина. Въ Камчаткѣ никогда не было кирпичнаго завода, и всѣ печи на этомъ полуострвовѣ сложены или изъ кирпича сырца, или изъ кирпича привознаго. Не дѣлая кирпича, жители Камчатки и не занимались вопросомъ о мѣстонахожденіи годной для кирпичей глины, и обществу, приступившему къ постройкѣ завода, требовавшему, помимо

обыкновеннаго кирпича, и кирпичъ огнеупорный, пришлось, не теряя времени, привезти все потребное количество кирпича изъ Японіи. Мало этого, въ камчатскихъ рѣкахъ, дно которыхъ всегда глинистое или каменистое, не нашлось даже такого песку, который нуженъ для каменной кладки, а морской песокъ не годится для этой цѣли, а потому изъ Японіи привозили и песокъ, не говоря уже объ извести.

Приступая къ постройкѣ заводовъ, консервнаго и гуановаго, общество выписало инженеровъ: для консервнаго завода изъ Америки, съ жалованіемъ 12 т. руб. въ годъ, не считая путевыхъ пособій и % съ будущихъ прибылей, а для гуановаго завода были выписаны инжеры изъ Норвегіи.

Инженерамъ было сказано: составить чертежи заводовъ и оборудовать ихъ самыми лучшими машинами.

Въ пустынной Тарьинской бухтѣ цѣлый годъ кипѣла работа; за неимѣніемъ въ Камчаткѣ рабочихъ, таковые выписывались и изъ Америки, и изъ Японіи, и изъ Норвегіи, и изъ Швеціи, и даже изъ Франціи, и, къ концу іюня сего года, въ Камчаткѣ, точно грибъ, выросъ консервный заводъ и начатъ постройкой гуановый заводъ.

Высокая заводская труба, извергая клубы чернаго дыма отъ японскаго угля, видна уже на половинѣ Авачинской бухты, а когда войдешь въ Тарьинскую бухту, то отчетливо видны заводскія постройки и множество копошащихся тамъ людей.

Мѣстность, гдѣ построенъ заводъ, необыкновенно живописна. Заводъ построенъ на самомъ берегу, на нѣсколько возвышенномъ плато, а въ тылу заводскихъ построекъ амфитеатромъ раскинулись горы, покрытыя зе-

ленѣющимъ лѣсомъ. Рыбный заводъ, даже въ лѣто сего года, когда онъ далеко еще не былъ оконченъ и когда его дѣятельность находилась еще, такъ сказать, въ стадіи испытаній, уже производилъ впечатлѣніе и большей населенности, и большей оживленности, чѣмъ самый Петропавловскъ, столица Камчатскаго края.

Въ іюлѣ мѣсяцы сего года тамъ были возведены слѣдующія постройки: 1) зданіе рыбоконсервнаго завода, барачнаго типа, крытое волнистымъ желѣзомъ, но необшитое еще тесомъ, за неприбытіемъ онаго изъ Америки; на заводѣ этомъ были уже установлены и пущены въ ходъ всѣ машины, рѣчь о которыхъ ниже; 2) казармы для рабочихъ теплыя, приспособленныя для зимняго жилья; 3) флигель для всѣхъ служащихъ, раздѣленный на множество комнатъ, для каждаго служащаго отдѣльно, и имѣющій, кромѣ того, общія залы, гдѣ служащіе собираются для обѣда, чтенія газетъ, книгъ и проч; 4) баня и прачечная и 5) рядомъ съ консервнымъ заводомъ уже было положено основаніе гуановому заводу и выведена на 2 сажени его колоссальная желѣзная труба.

Когда мы прибыли на заводъ, на берегу лежало множество ящиковъ и рамъ съ частями всевозможнѣйшихъ машинъ, лежали штабелями, въ тюкахъ, покрытые брезентами, всевозможные матеріалы для надобностей завода: какъ то: каменный уголь, лѣсъ для ящиковъ, жесть для банокъ и многое прочее.

По всѣмъ направленіямъ двигалось множество рабочихъ: плотниковъ, столяровъ, каменьщиковъ, печниковъ, слесарей, кузнецовъ и т. п. Рабочіе японцы въ особыхъ палаткахъ, на самомъ берегу, а рабочіе прочихъ націй были размѣщены, кто въ казармѣ, кто въ дощатыхъ баракахъ, кто въ палаткахъ.

Всѣмъ дѣломъ правитъ американецъ Смитъ. Это типичный янки; въ будніе дни его не отличишь отъ обыкновеннаго рабочаго: съ трубкою носогрѣйкою въ зубахъ, въ синей американской рабочей блузѣ и въ такихъ же штанахъ, съ подвязаннымъ поверхъ блузы грязнымъ парусиннымъ фартукомъ, съ засученными рукавами на мозолистыхъ рукахъ, онъ работаетъ плечо въ плечо съ простыми рабочими, и только повелительность жеста, а подчасъ тумакъ, которымъ Смитъ щедро надѣляетъ рабочихъ, выказываютъ въ немъ распорядителя работъ.

Таковы, собственно, и норвежскіе инженеры, строющіе гуановый заводъ, но тѣ всетаки ходятъ въ пиджакахъ и соломенныхъ шляпахъ, хотя и наряду съ рабочими таскаютъ особо тяжелыя части машинъ.

Въ праздничные дни и не узнаешь этихъ иностранныхъ инженеровъ. Мнѣ приходилось въ праздники обѣдать въ компаніи съ ними; за столомъ сидѣли уже не тѣ чернорабочіе, какими я видѣлъ ихъ на работахъ въ будніе дни, а сидѣли джентельмены, гладко выбритые, подстриженные, нѣкоторые съ нафабренными усами, наряженные въ изящнѣйшіе костюмы, а многіе и въ бѣлыхъ галстукахъ. За заводскимъ табльдотомъ садилось до 24 человѣкъ. И какія только націи не имѣли здѣсь представителей?! Разговоръ разноязычный, хотя англійскій языкъ преобладаетъ. Работа начинается на заводѣ съ 5 часовъ утра. Скажу нѣсколько словъ объ изготовленіи консервовъ.

Рыба, пойманная на заводскихъ рыбалкахъ заводскими рабочими, а равно и купленная у жителей, по цѣнѣ 8 коп. штука красная рыба и 3 коп. штука—горбуша, подвозится на баркасахъ къ навѣсу, построенному саженяхъ въ 15 отъ берега. Подъ этимъ навѣсомъ сдѣланы столы, съ проведенными къ нимъ трубами, изъ ко-

торыхъ, по желанію, льется вода, накачиваемая въ трубы паровою помпою. Подъ этимъ навѣсомъ производится потрошеніе и чистка рыбы. Работаютъ японцы и быстро, и умѣло. Когда подойдетъ къ навѣсу баркасъ съ рыбою, то рабочіе, что подъ навѣсомъ, особыми крючками быстро бросаютъ рыбу на помостъ навѣса, а когда вся рыба выбрана изъ баркаса, то одни рабочіе подаютъ ее на столы, а другіе отрѣзаютъ ей голову, потрошатъ и вынимаютъ внутренности; особый рабочій, имѣя въ рукахъ деревянную метелку, въ родѣ щетки, тщательно вычищаетъ брюшную полость рыбы отъ сукровицы и отъ остатковъ внутренностей, а другой рабочій, держа въ рукахъ водопроводную кишку, все время обильно обливаетъ потрошимую рыбу водою. Рыба, очищенная отъ внутренностей, поступаетъ на другой столъ, стоящій рядомъ; на этомъ столѣ рабочіе обтираютъ особыми деревянными щетками наружныя части рыбы, какъ-бы чистятъ ее, а затѣмъ рыба бросается въ особый чанъ, въ который безпрерывно вливается трубами вода. Отъ навѣса къ самому заводу проложены двѣ линіи дековильки, по которымъ, во время работъ, непрерывно бѣгаютъ вагонетки, движимыя канатомъ, накручиваемымъ на валъ паровой лебедки; когда вагонетка окончательно нагружена очищенной рыбой, она по рельсамъ тянется вверхъ, къ самому заводу, а затѣмъ, освобожденная отъ груза, переводится на другую линію и, уже въ силу собственной тяжести, по наклону бѣжитъ къ навѣсу за новымъ грузомъ.

У того угла, къ которому вагонетки подвозятъ рыбу, стоятъ рабочіе, которые крючками сбрасываютъ рыбу на деревянную наклонную плоскость, къ которой проведена труба, и рыба вновь промывается.

У входа на самый заводъ вертится деревянный валъ, съ деревянными же десятью полками; рабочіе ловко и быстро бросаютъ на эти полки рыбу; съ другой стороны этого вала вертятся круглые ножи, которые перерѣзаютъ рыбу, задерживаемую полками сказаннаго деревяннаго вала, на куски фунтоваго вѣса, ни больше не меньше, а именно фунтоваго; эти куски по особому жолобу передаются къ тому мастеру, который вѣдаетъ набивкой рыбы въ коробки. Коробки дѣлаются въ верхнемъ помѣщеніи, такъ сказать, на второмъ этажѣ; дѣлаетъ коробки особая машина ловко и быстро: „тукъ, тукъ“ и жестяная банка, цилиндрической формы, помѣщающая фунтъ рыбы, готова. Жестяныя банки по особому жолобу непрерывно катятся къ тому мѣсту, гдѣ въ каждую коробку насыпается опредѣленная доза соли, а затѣмъ коробка идетъ туда, гдѣ другая машина вталкиваетъ въ коробки куски рыбы; особый механизмъ ставитъ коробку въ перпендикулярное положеніе, и поршень, движимый паровой силой, быстро вталкиваетъ въ банку кусокъ рыбы, а затѣмъ особый механизмъ закрываетъ банку крышкой, и банка, наполненная рыбой, автоматически идетъ далѣе; сначала она катится надъ жолобомъ, въ которомъ помѣщается расплавленное олово; олово плавятъ бензиномъ, нагнетаемымъ въ горѣлки пневматической машиной; пройдя такимъ жолобомъ, коробка запаяна.

Запаянныя коробки ставятся въ особыя желѣзныя рамы, по 5 дюжинъ въ каждую, и эти рамы, при помощи особаго приспособленія, погружаются въ чанъ съ водою, что даетъ возможность опредѣлить, всѣ ли коробки запаяны герметически; та коробка, у которой есть хоть малѣйшее отверстіе, даетъ пузыри, и такую

коробку вытаскиваютъ изъ рамы, осматриваютъ ее и паяютъ вручную, затѣмъ, вмѣсто вынутой коробки, ставятъ исправленную раньше.

Рамы съ коробками, уже проконтролированными водою въ отношенiи герметичности, складываются на особыя вагонетки и вкатываются въ колоссальныя паровыя печи, каковыхъ на заводѣ четыре. Варится рыба въ печахъ текучимъ паромъ, высокой температуры, причемъ время нахожденiя рыбы въ печахъ опредѣляется американцемъ Смитомъ. Когда Смитъ скажетъ, что рыба готова, печи отворяются, вагонетки по рельсамъ вывозятъ уже готовую рыбу, и всѣ рамы ставятся на особые столы. Тутъ происходится самая главная и трудная въ консервномъ дѣлѣ работа.

Удаляютъ воздухъ, попавшiй вмѣстѣ съ рыбой въ коробки; только что рыба вынута, только поставлена на столы, какъ мастера, только и знающiе это дѣло, маленькими острыми коническими молоточками начинаютъ пробивать дырочки въ каждой крышкѣ коробки; съ шумомъ и свистомъ выбрасывается изъ каждой коробки струя пара, а съ нею и воздухъ, а въ это время другой рабочiй, держа въ одной рукѣ кусокъ свинца, а въ другой раскаленный паяльникъ, капаетъ свинцомъ на отверстiе, и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда паръ уже вышелъ. Эта работа очень интересна и исполняется она съ замѣчательною ловкостью и быстротой; глазомъ не моргнешь, какъ въ коробочкѣ пробита дырка и запаяна. Эту работу исполняютъ мастера, выписанные съ рыбо-консервныхъ заводовъ на Аляскѣ.

Когда воздухъ въ коробкахъ выпущенъ и онѣ запаяны, рамы съ банками, при помощи блоковъ, погружаются сначала въ чанъ съ особымъ составомъ, побыв-

ши въ которомъ жестяныя коробки дѣлаются чистыми и блестящими, а затѣмъ въ чанъ съ проточной водою, гдѣ коробки обмываются окончательно; рамы складываются на вагонетки и уже готовые, рыбные консервы отвозятся въ складъ, гдѣ ихъ, остудивши, укупориваютъ въ ящики.

Я ничего не смыслю въ машинахъ, но думаю, что машины камчатскаго рыбо-консервнаго завода совершенны: все дѣлается ими такъ быстро, такъ точно и вѣрно, что достаточно прослѣдить хотя за одной какой либо коробкой съ того момента, какъ машина стала стягивать жестяный листъ въ цилиндрическую форму, а затѣмъ дѣлать швы коробки и т. д., чтобы сказать, что заводъ оборудованъ безукоризненно, ибо весь процессъ приготовленія консерва дѣлается безъ сучка и задоринки, а это и можетъ быть только при совершенныхъ машинахъ. Тоже самое я долженъ сказать и о людяхъ, приготовляющихъ консервы: каждый изъ нихъ дѣлаетъ свое дѣло такъ быстро, что трудно даже прослѣдить, какъ производитъ онъ то дѣло, къ которому приставленъ.

Механическая часть завода поставлена великолѣпно. Суточная производительность завода разсчитана на 800 ящиковъ, по 4 дюжины жестянокъ въ каждомъ, т. е., заводъ можетъ производить въ сутки 38.400 жестянокъ однофунтоваго вѣса.

Независимо отъ сего, какъ я сказалъ выше, рядомъ съ консервнымъ заводомъ строится жирово-туковый заводъ, производительность котораго будетъ 50 тоннъ въ сутки или 3150 пудовъ.

Появленіе въ далекой Камчаткѣ такого крупнаго предпріятія, какъ описанный рыбо-консервный заводъ и строящійся рядомъ съ нимъ жирово-туковый заводъ, со-

вершившееся такъ быстро и такъ неожиданно, сильно волнуетъ камчатскіе умы; одни не одобряютъ такой широкой постановки дѣла, ибо полагаютъ; что заводу не хватитъ сырого матеріала и предсказываютъ ему полный крахъ, и даже въ близкомъ будущемъ, другіе съ этимъ не согласны и думаютъ, что сырья хватитъ, и заводу, поэтому, предстоитъ блестящая будущность.

По моему мнѣнію, нельзя сказать ни за, ни противъ приведенныхъ предсказаній. Фабрично-заводское предпріятіе въ Камчаткѣ, да еще на такихъ широкихъ началахъ, еще совершенно новое дѣло; ни у кого ни изъ сторонниковъ, ни изъ противниковъ завода нѣтъ данныхъ, подкрѣпляющихъ ни ихъ оптимизмъ, ни ихъ пессимизмъ. Результаты дѣятельности завода въ 1901 г. правда, печальны: изготовлено консервовъ мало, ибо, дѣйствительно, не было матеріала, но въ этомъ виновата, прежде всего, организація его добычи, по моему, не умѣлая, а, быть можетъ, обусловливаемая новыми правилами производства рыбныхъ промысловъ въ Камчатскомъ морѣ, коими ловъ рыбы японскими рабочими воспрещенъ.

Заводъ дѣйствуетъ на основаніи контракта съ военнымъ губернаторомъ Приморской области, заключеннаго 12 іюня 1900 года. По буквѣ этого контракта, заводъ, прежде всего, для своего устройства и ловли рыбы, получилъ земельный участокъ въ Тарьинской бухтѣ въ долгосрочную аренду, а теперь администрація заставляетъ заводъ, помимо контрактной платы, платить еще особую плату за право рыбнаго промысла на заарендованномъ участкѣ.

Впрочемъ, о томъ положеніи, въ какомъ очутился заводъ, благодаря новымъ правиламъ, хорошо говоритъ прошеніе товарищества, поданное имъ, 12 августа 1901

года, военному губернатору Приморской области. Привожу главнѣйшіе пункты этого прошенія:

1) До устройства завода ловля рыбы разрѣшалась на семи рыболовныхъ участкахъ, а съ устройствомъ завода четыре участка запрещены (въ бухтахъ: Лагерной, Усовской, Богородской и Богатыревской), такъ что теперь заводъ можетъ разсчитывать максимально на 140.000 рыбъ въ сезонъ, вмѣсто 400.000, что обезпечиваетъ консервный заводъ лишь на одну треть его дѣйствительной производительности.

2) До устройства завода—ловъ рыбы разрѣшалось производить иностранными рабочими, преимущественно, японцами, очень дешевыми и не требовательными, а главное, ловкими рыболовами; съ устройствомъ завода, иностранные рабочіе, при ловлѣ рыбы, запрещены, мѣстныхъ же русскихъ рабочихъ нѣтъ, а привозъ изъ Европейской Россіи рискованъ, ибо заводъ долженъ каждогодно выбирать рыболовные участки съ торговъ.

3) До 1900 года ловъ рыбы разрѣшался безплатно; съ 1900 года съ платою по 100 рублей за участокъ, а съ 1901 года, когда заводъ устроился, по 200 рублей за участокъ; цѣны на участки растутъ съ поразительной быстротой. Общество, нуждающееся въ рыбѣ для производительности завода, безъ сомнѣнія, заплатитъ высшія на торгахъ цѣны, но при этомъ каждогодно будетъ въ зависимости отъ каждаго случайнаго конкурента, пожелавшаго, даже ради забавы, поднять цѣны до возможно высокаго предѣла, при полной увѣренности, что общество должно будетъ платить предѣльныя цѣны или входить въ частныя соглашенія съ конкурентомъ.

4) Въ Высочайше утвержденныхъ главныхъ осно-

ваніяхъ для заключенія контракта съ товариществомъ, между прочимъ, сказано, что участки отдаются для рыбныхъ промысловъ, а въ пунктѣ III даже обусловлено, что товарищество обязано приготовлять ежегодно до 50.000 пудовъ рыбы; въ заключенномъ военнымъ губернаторомъ Приморской области контрактѣ съ обществомъ, въ пунктѣ I, выяснено, что береговые участки Тарьискаго залива отдаются товариществу для ловли рыбы и устройства консервнаго и жирово-туковаго заводовъ. Казалось-бы, что товарищество, на основаніи приведеннаго пункта контракта, имѣло и имѣетъ право ловить рыбу противъ двухъ контрактныхъ участковъ безплатно, но петропавловское окружное управленіе нашло, что за эти контрактные участки товарищество должно уплачивать правительству по 200 рублей въ годъ за каждый, а за оба 400 рублей, каковые и взысказало съ товарищества.

5) Въ пунктѣ 5-мъ Высочайше утвержденныхъ главныхъ основаній и въ пунктѣ 6-мъ контракта сказано, что товарищество обязано имѣть въ числѣ рабочихъ: въ первое пятилѣтіе 5%, а во второе 10% русскихъ подданныхъ. Основываясь на этомъ условіи, а также и на упомянутомъ уже пунктѣ I контракта, товарищество, имѣя въ числѣ рабочихъ японцевъ на одномъ своемъ участкѣ, производило ловъ рыбы девятью японскими рабочими, имѣя въ тоже время на берегу болѣе 10% русскихъ рабочихъ; но завѣдывающій рыбными промыслами Приамурскаго края нашелъ, что товарищество даже на своихъ контрактныхъ участкахъ обязано ловить рыбу, исключительно, русскими рабочими, составилъ актъ и оштрафовалъ общество на 900 руб.

Камчатское торгово-промышленное общество, преемники русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ, со-

стоящее, исключительно, изъ русскихъ капиталистовъ,— говоритъ цитируемое прошеніе, задавшись цѣлью развить промышленность и торговлю въ Камчаткѣ съ пользою для себя и края, составило акціонерный капиталъ въ 1,500,000 рублей и, внося ихъ въ такое рискованное дѣло, какъ заводская обработка рыбы и морскихъ звѣрей, намѣченная въ странѣ полупустынной, далекой, суровой, труднодоступной въ лѣтніе мѣсяцы и совершенно отрѣзанной отъ всякаго общенія съ остальнымъ міромъ въ мѣсяцы зимніе, твердо вѣрило, что оно встрѣтитъ всякое сочувствіе въ правящихъ сферахъ, а въ случаѣ надобности и поддержку.

Общество, организуя въ Камчаткѣ милліонное предпріятіе, не утруждало правительство ни просьбами о субсидіяхъ, ни просьбами о какихъ-бы то ни было изъятіяхъ, тѣмъ паче о льготахъ. Но предпріятіе общества, вслѣдствіе новыхъ условій, созданныхъ временными правилами для производства рыбныхъ промысловъ въ водахъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, въ моментъ возникновенія этого предпріятія непредвидѣнными, попало въ такое положеніе, что оно рискуетъ не только не поставить эксплоатацію нашихъ сѣверныхъ водъ на должную высоту, на возможность конкурировать на австралійскихъ и европейскихъ рынкахъ продуктами Камсатскаго (Беринговаго) и Охотскаго морей съ американцами, но оно, предоставленное случайностямъ, рискуетъ потерять въ Камчаткѣ свои капиталы, а съ ними похоронить всякую надежду на какое бы то ни было промышленное оживленіе этой страны.

Какая судьба постигла это прошеніе товарищества мнѣ не извѣстно, но я не могу не высказать, что на камчатское фабрично-заводское предпріятіе крайне же-

лательно смотрѣть не только съ точки зрѣнія интересовъ фиска, но, разрѣшая это прошеніе, слѣдуетъ принять во вниманіе и всю двухвѣковую исторію той страны, гдѣ безъ всякой субсидіи возникло крупное торгово-промышленное дѣло, которое можетъ поднять экономическое благосостояніе всей сѣверной окраины, тѣмъ болѣе, что описанное предпріятіе, несомнѣнно, полезное предвѣщаетъ извѣстную будущность Камчаткѣ. Вѣдь до нашихъ дней для Камчатки и для всей, вообще, нашей сѣверной окраины не было сдѣлано ровно ничего. Два вѣка администрація нашего дальняго сѣвера только и дѣлала, что писала канцелярскія бумаги и тѣмъ, позволяю себѣ высказать, тормозила развитіе этой страны.

Какая будущность завода, заслуживаетъ ли сей заводъ вниманія и поддержки властей—я не буду говорить, а скажу лишь о томъ вліяніи, какое оказалъ заводъ на цѣнность камчатской рыбы съ первымъ же оборотомъ своихъ машинъ.

До открытія завода, какъ я уже замѣтилъ выше, ходовая рыба лососевыхъ породъ не имѣла никакой цѣны, ибо ея было такъ много, что въ ней рѣшительно никто не нуждался, а сбыта не было. И рыбу вялили въ примитивныхъ сушильняхъ, гдѣ она и пропадала тысячами, десятками тысячи бросали ее по всей Камчаткѣ въ ямы, на кормъ собакамъ, и за всѣмъ тѣмъ камчатскія рѣки, по окончаніи нереста, каждогодно выносили въ море неисчислимыя массы сненки, дохлой рыбы.

Съ открытіемъ завода, на Камчаткѣ явился спросъ на рыбу и при томъ по хорошей цѣнѣ. И жители окрестностей Петропавловска, даже въ лѣто 1901 года, уже заработали на ловлѣ рыбы для завода много денегъ; нѣкоторые, съ 8 іюля по конецъ мѣсяца, по сотнѣ и болѣе

рублей на человѣка. Этотъ промыселъ такъ выгоденъ, что многіе говорятъ, что ловить рыбу для завода лучше, чѣмъ соболевать. Собственно говоря, добыча рыбы въ Авачинской губѣ въ прошедшемъ году былъ крайне затруднительна, такъ какъ, до 8 іюля, никто изъ камчатскихъ обывателей не вѣрилъ въ скорое открытіе завода, а потому ловили рыбу только ближайшіе жители, но и они не могли удѣлить заводу столько времени, сколько то требовалось; имъ самимъ нужно было въ это время запасать рыбу и для себя, и для собакъ; нужно было и косить сѣно для скота. На Камчаткѣ, вообще, рабочихъ рукъ мало, и если камчадалы погонятся за однимъ, то упустятъ другое.

Мы думаемъ, что если заводъ озаботится должнымъ количествомъ рабочихъ рукъ и получитъ просимыя рыбалки, то онъ не будетъ имѣть недостатка въ сырьѣ, какъ то было въ лѣто минувшаго года. Дѣло пока организовано плохо. Для характеристики я разскажу слѣдующій фактъ: въ 1900 году товарищество какъ и другіе предприниматели, производило промыселъ рыбы на западномъ берегу Камчатки. Вся упромышленная и засоленная сухимъ японскимъ способомъ рыба не могла быть увезена въ ту навигацію въ Японію, а потому рыба была сложена въ штабели прямо на берегу. Несмотря на совѣты нанять сторожей, на что потребовался бы расходъ самое большее 1000 рублей, главный довѣренный товарищества не нанялъ сторожей. И вотъ результаты: рыбу клевали и сороки, и вороны, ѣли ее зимой и волки, и лисицы, при чемъ послѣднія, какъ мнѣ жаловались въ Явинѣ, поѣвши соленой рыбы, бѣсились, забѣгали въ селенія, гдѣ и кусали собакъ, которыя отъ этихъ укусовъ также бѣсились. Эту же рыбу воровали ранней весной минувшаго года японскія хищ-

ническія шкуны. Да и зачѣмъ было нѣкоторымъ японцамъ ловить рыбу, если груды уже готовой рыбы, хотя и прошлогодней, но годной для продажи на японскихъ рынкахъ, стояли безъ всякаго призора?! Рыбы украли на сумму до 40,000 рублей. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ командиръ „Байкала", собиравшій эту рыбу въ іюнѣ мѣсяцѣ 1901 г. по западному берегу Камчатки. И во многомъ поступаетъ такъ администрація камчатскаго рыбопромышленнаго общества. Тамъ, гдѣ расходуются сотни тысячъ р. она дрожитъ подъ-часъ надъ двугривеннымъ, и этотъ двугривеный, безразсудно сберегаемый, приноситъ обществу многотысячные убытки.

При пожеланіи полнаго успѣха новому камчатскому торгово-промышленному предпріятію, позволяю высказать надежду, что нѣкоторые недочеты въ организаціи дѣла будутъ устранены. Дѣло новое и безъ ошибокъ оно едва ли могло и установиться. Судьба завода, по моему мнѣнію, тѣсно связана съ судьбою всей Камчатки.

Заводъ товарищества, какъ консервный, такъ и жирово-туковый, для котораго, весной 1902 года, ожидались спеціальныя промысловыя шкуны, даже китобойныя, и есть именно то дѣло, которое можетъ поднять экономическое благосостояніе Камчатки.

Разрѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ судьбою и дѣятельностію завода, имѣетъ особую важность: въ судьбѣ этого завода—судьба благоденствія всей обширной сѣверной окраины, ибо если будетъ удача камчатскому заводу, заведутъ заводы и въ Охотскомъ краѣ, и на западномъ берегу Камчатки. Спросъ на рыбу крѣпнетъ съ каждымъ годомъ, и это неисчерпаемое богатство сказаной окраины возмѣститъ государству всѣ его затраты, всѣ его жертвы на ея благо, а населеніе окраины обогатится.

ГЛАВА V.

Сухопутное путешествіе по Камчаткѣ. Наблюденіе жителей Камчатки надъ жизнью рыбъ лососевыхъ породъ. Бытовая сторона камчатской жизни. Положеніе больныхъ проказою на Камчаткѣ.

18 іюля, въ 9 часовъ утра, я выѣхалъ вмѣстѣ съ Ошурковымъ въ селеніе Паратунское, расположенное на рѣкѣ того же имени, въ 32 верстахъ отъ Петропавловска.

Путь идетъ сначала бухтой, а затѣмъ пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ и водою на бату.

Бухту мы проплыли на шлюпкѣ, подъ парусомъ, при чемъ съ нами плылъ камчатскій уроженецъ, Гаврила Подпругинъ, 12 лѣтъ. Онъ знаетъ всякіе парусные галсы, знаетъ, когда и какъ крѣпить парусъ, какъ держать руль при той и другой перемѣнѣ вѣтра. Я любовался этимъ малолѣтнимъ морякомъ и думалъ: вотъ гдѣ непочатый уголъ природныхъ штурмановъ, а между тѣмъ, не было, кажется, случая, чтобы сдѣлали опытъ вывезти хоть одного камчатскаго мальчика для обученія мореходному дѣлу, хотя во Владивостокѣ и есть мореходные классы.

Пользуясь хорошимъ вѣтромъ, мы пришли на такъ называемую подпругинскую рыбалку часа черезъ $2^1/_2$. Здѣсь паратунскіе жители ловили для завода рыбу, при чемъ неводъ у нихъ былъ японскаго типа, полученный съ завода. Рыба шла хорошо и рыбаки были довольны своими дѣлами. Въ теченіе дня на эту рыбалку два раза заходилъ паровой заводскій катеръ, который и бук-

сировалъ на заводъ пойманную рыбу, а въ слѣдующій рейсъ онъ привозилъ квитанцію за отвезенную рыбу, бралъ новую и т. д.

Когда мы добрались до рыбалки, настало время тащить неводъ, концы котораго были прикрѣплены къ баркасу, стоявшему на мертвыхъ якоряхъ. Вслѣдствія вѣтра, рыбы въ неводъ попалось не много, не болѣе 200 штукъ, но вмѣстѣ съ рыбой попались двѣ нерпы. Въ Авачинской бухтѣ, вообще, много нерпъ и часто случается видѣть ихъ стаями. Нерпа очень любопытна; когда идетъ катеръ, то его шумъ привлекаетъ вниманіе нерпъ и онѣ поминутно и въ разныхъ мѣстахъ высовываютъ изъ воды свои морды и смотрятъ на катеръ; нерпамъ, видимо, нравится струя, оставляемая винтомъ катера, и онѣ, въ тихую погоду, плывутъ въ этой струѣ стадами, хотя и на приличномъ разстояніи отъ катера.

Лахтаки, нерпы и прочія ластоногія водятся въ значительномъ количествѣ по обоимъ берегамъ полуострова. Инородческое и русское населеніе Камчатки весьма успѣшно производитъ промыселъ морскихъ звѣрей. Кожа лахтаковъ и нерпъ идетъ на ремни: для скрѣпленія нартъ, на сбрую для собакъ, и на подошвы для инородческой обуви (торбасовъ). Кожа нерпъ, какъ болѣе тонкая, идетъ на лыжи, безъ которыхъ туземецъ, при тѣхъ громадныхъ снѣгахъ, какіе бываютъ въ Камчаткѣ, не могъ бы ходить на промыселъ пушнаго звѣря; изъ кожи нерпъ дѣлаются также разнообразныя сумы, замѣняющія инородцу чемоданы. Мясо и жиръ нерпъ и лахтаковъ идетъ въ пищу людямъ. Самый лучшій ловъ лахтаковъ и нерпъ бываетъ ранней весной, начиная съ половины марта. Въ это время звѣрь ложится на ледъ, плавающій по морю. Туземцы на своихъ батахъ переѣзжаютъ открытое мѣсто,

имѣя съ собою ружье и самаго первобытнаго устройства копья, въ видѣ маленкихъ гарпуновъ, называемыхъ спицами. Къ древку гарпуна привязывается ремень, около 10 саженъ длины; выйця на ледъ, гдѣ ложится звѣрь, съ подвѣтренной стороны, туземцы, одѣтые въ бѣлыя рубашки, изъ американской дрели, незамѣтно подкрадываются къ лежащему звѣрю и бьютъ его палками. Ушедшихъ въ воду и часто выходящихъ на ея поверхность стрѣляютъ въ голову; подъѣзжаютъ къ убитому звѣрю на бату и бросаютъ въ него спицу, которая, пройдя въ кожу звѣря, зацѣпляется за нее своими крючками. Ремнемъ, привязаннымъ къ спицѣ, убитый звѣрь вытаскивается на берегъ. Осенній промыселъ нерпъ и лахтаковъ производится на лежбищахъ по берегу или на песчанныхъ косахъ у устья рѣчекъ; онъ чрезвычайно опасенъ, и смѣльчаки промышленники, случается, платятся своей жизнью. Случаи гибели промышленниковъ чаще всего наблюдаются на западномъ берегу полуострова. Происходитъ это потому, что хорошій промыселъ зависитъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ направленія вѣтра. Благопріятные вѣтры для западнаго берега: западный, сѣверный и юго-западный. Средній вѣтеръ, гоня волны, встрѣчаюшія противное теченіе рѣчки, производитъ большіе буруны, перекатывающіеся черезъ песчаныя косы, гдѣ лежитъ звѣрь. Промышленникъ, вооруженный спицей, находится около лежбища, въ мѣстѣ, откуда вѣтеръ не можетъ обнаружить звѣрю его присутствіе. Выждавши удобную минуту, когда бурунъ только что прошелъ, промышленникъ бѣжитъ къ лежбищу и бросаетъ въ перваго попавшагося звѣря спицу и, удерживая раненаго звѣря на ремнѣ, привязанномъ къ концу древка спицы, добиваетъ звѣря ножомъ. При

приближеніи буруна, отходитъ въ бесопасное мѣсто. Но бываютъ такіе случаи, что звѣрь, получивши ударъ спицей, бросается въ воду, и промышленникъ, крѣпко держащійся за ремень, стаскивается звѣремъ въ воду и погибаетъ. Случаи эти рѣдки, но чаще всего причиною гибели промышленника служитъ то, что промышленникъ, убивъ звѣря, по какимъ либо причинамъ замедлитъ уйти отъ надвигающагося буруна; гибель его въ этомъ случаѣ неизбѣжна. Подошедшій бурунъ перебрасываетъ промышленника въ рѣчку, откуда онъ уносится въ море быстрымъ теченіемъ рѣчки и отходящаго отъ берега буруна. Лахтаки и нерпы заходятъ по болѣе глубокимъ рѣчкамъ вверхъ, верстъ на 30 и болѣе. Заходящихъ въ рѣчки стрѣляютъ изъ сдѣланныхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ засадокъ, но поймать убитаго звѣря удается рѣдко: въ прѣсной водѣ онъ скоро тонетъ.

Нерпа, пойманная неводомъ, пока она еще въ водѣ, бьется энергично, того и гляди, порветъ ячеи сѣти, но когда показалась уже корма сѣти, нерпа дѣлается смирнѣе, а когда корму вытянули изъ воды, то попавшая въ нее нерпа и не шелохнетъ; ударъ по носу палкой и нерпа уже безъ жизни; ее вытаскиваютъ на баркасъ и она идетъ на потребу промышленниковъ.

На рыбалкѣ мы пробыли часа два; здѣсь намъ сварили уху изъ только что пойманной рыбы, сварили чай, а затѣмъ осѣдлали лошадей, и мы съ Ошурковымъ двинулись дальше.

Ѣхать на камчатскомъ сѣдлѣ прямо мучительно; это сѣдло ни болѣе, какъ двѣ деревянныя пластины, сбитыя подъ угломъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы онѣ могли помѣститься на спинѣ лошади; снизу онѣ обшиты медвѣжьими шкурами, а иногда кошмой, но

верхъ безъ всякой обивки, и всаднику приходится сидѣть на ребрѣ двухъ пластинъ; даже подушка, имѣющая наволочку изъ лисьихъ лапокъ, помогаетъ мало, и проѣхать на камчатскомъ сѣдлѣ сотню другую верстъ—дѣло нешуточное, особенно безъ привычки.

Лошади камчатскія, якутской породы, сильны, выносливы и довольно бойки. Докторъ Слюнинъ говоритъ, что камчатскія лошади ходятъ только шагомъ, но тѣ лошади, на которыхъ, въ теченіе двухъ недѣль, ѣздилъ по Камчаткѣ я, а я ѣздилъ на смѣнныхъ лошадяхъ, прямо таки не любятъ ходить шагомъ, а все время шли рысью и даже хорошей.

Камчатскія лошади совсѣмъ незнакомы съ овсомъ и, пожалуй, не станутъ его и ѣсть, хотя овса имъ и никто никогда не давалъ. Лѣтомъ и зимою онѣ на подножномъ корму, за исключеніемъ лишь зимнихъ дней, когда стоитъ особо сильная пурга или образовался настъ, по которому лошади, конечно, не кованыя, ибо о подковахъ въ Камчаткѣ не имѣютъ понятія, и не могутъ ходить. Питаясь только травою, камчатскія лошади имѣютъ длинную мохнатую шерсть. Лошади смирныя, но только не жеребцы; жеребецъ, когда завидитъ себѣ подобнаго, стремительно несется въ атаку на своего соперника, и сѣдоку его не удержать; при такой оказіи, самое лучшее, спрыгнуть на землю, ибо въ бою жеребца съ жеребцомъ не усидишь верхомъ и рискуешь получить серьезное увѣчье. А когда нѣтъ по дорогѣ жеребцовъ, то можно ѣхать совершенно покойно. Сѣдловка на Камчаткѣ очень плохая: сѣдловые ремни рѣдко скрѣпляются пряжками, а больше узлами, а узелъ въ сѣдлѣ—дѣло не надежное.

Лишь только мы выѣхали съ рыбалки и проѣхали съ версту, какъ подпруги моего сѣдла, скрѣпленныя узлами,

ослабѣли, ибо кое-гдѣ развязались узлы, сѣдло накренилось на бокъ, и я слетѣлъ на землю. Конь, видимо, былъ пріученъ къ паденію своихъ пассажировъ: я, слетѣвши, барахтаюсь на землѣ, стараясь освободить ногу изъ стремени, простой тополевой тоненькой дужки, а конь, остановившись, смотритъ на меня, и стоялъ смирно все время, пока поправляли сѣдловку и пока я опять взгромоздился на него верхомъ. Мы ѣхали березовымъ лѣсомъ, который, начавшись въ полуверстѣ отъ берега, тянется, затѣмъ, съ большими или меньшими перерывами, по всему бассейну рѣкъ Паратунка и Авачи, а затѣмъ переходитъ въ бассейнъ рѣки Камчатки. Лѣсъ корявый, хотя и толстый. По сторонамъ тропы, по которой мы ѣхали, множество грибовъ; если бы остановиться для ихъ сбора, можно набрать любое количество. Вотъ лошадь Ошуркова шарахнулась въ сторону: она испугалась выводка тетеревей, притаившагося въ травѣ на самой тропѣ и вспорхнувшаго передъ носомъ лошади. Выводки взлетаютъ все чаще и чаще, и лошадь, привыкшая къ шуму ихъ взлета, уже не обращаетъ на нихъ вниманія, и мы ѣдемъ покойно. Черезъ четыре версты —Дальнее озеро.

Это озеро, въ двѣ версты ширины и до 5 длины, глубокое, очень живописно; оно окаймлено высокими горами, въ иныхъ мѣстахъ отвѣсными, поросшими лѣсомъ. Дальнее озеро волнуется при особо сильныхъ вѣтрахъ, а обыкновенные вѣтры, сдерживаемые горами, проносятся надъ озеромъ, не волнуя его. Изъ Дальняго озера вытекаетъ небольшая рѣчка, безъ названія, впадающая въ рѣку Паратунокъ. Изъ Паратунка идетъ въ это озеро множество ходовой рыбы, пропускаемой запорами въ праздничные дни, и здѣсь, въ озерѣ, рыба мечетъ ик-

ру, изъ которой выводятся мальки, мелкая рыба, которая, черезъ нѣкоторое время, массами уходитъ изъ озера въ р. Паратунокъ, а оттуда въ море.

Жители говорятъ, что молодая рыба, идя въ море, встрѣчается съ рыбою, идущею въ озеро метать икру; такихъ озеръ, какъ Дальнее, въ Камчаткѣ много, и всѣ они служатъ колыбелью рыбы лососевыхъ породъ, которою такъ багаты наши сѣверныя воды.

Мы съ Ошурковымъ быстро переплыли на шлюпкѣ озеро, и когда мы подошли на разстояніе саженей 50 до берега, то было такъ мелко, что съ лодки видно дно. Дно песчаное, а мѣстами илистое, поросшее водорослями; въ водѣ несмѣтное множество мелкой рыбы; ея такъ много, что можно прямо черпать ведромъ и даже ловить руками. Никто изъ камчадаловъ не тронетъ мелкую рыбу, которая, по ихъ убѣжденію, уходитъ въ море съ тѣмъ, чтобы вырости тамъ, а затѣмъ вернуться въ это же озеро, чтобы дать жизнь новымъ рыбамъ и умереть здѣсь. На Дальнемъ озерѣ, мнѣ кажется, и есть тотъ ключъ, который можетъ помочь ученымъ разрѣшитъ загадку жизни рыбъ лососевыхъ породъ.

Что рыба идетъ въ рѣки каждогодно, что она мечетъ въ рѣкахъ и прѣсныхъ озерахъ, въ родѣ Дальняго, икру—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что рыба, придя изъ моря въ прѣсную воду, уже не возвращается обратно въ море. Время хода рыбы для каждой породы свое: чавыча идетъ съ 9-го мая, красная и горбуша съ половины іюня, а кижучъ и хайко со второй половины іюня; когда наступаетъ время хода другой породы, то порода, пришедшая въ прѣсную воду раньше, уже кончаетъ свое дѣло; она, какъ говорятъ въ Камчаткѣ, лощаетъ, а вылощавшись, она умираетъ,

и мертвая несется теченіемъ въ море. Такая рыба, массами плывущая въ извѣстные періоды по поверхности любой камчатской рѣки, называется камчадалами „снёнкой". Снёнки бываетъ такъ много на камчатскихъ рѣчкахъ, что, когда она пошла, работа по выбиранію изъ запоровъ рыбы начинается съ того, что запоръ сначала очищается отъ сненки, которую перебрасываютъ на другую сторону теченія, и эта работа тянется часами. Такъ много набирается этой сненки. Сненкой усѣяны и и прибрежные пески. Къ тому времени, когда появилась сненка, къ берегамъ рѣчекъ выходятъ и медвѣдь, и волкъ, и лисица. Всюду видны слѣды звѣрей, непренебрегающихъ, какъ видно, сненкой.

Мнѣ пришлось плыть по рѣкѣ Авачѣ въ то самое время, когда пошла сненка чавычи; я видѣлъ массы дохлой рыбы, сненки, и на берегу, и на поверхности воды; видѣлъ я рыбу и въ предсмертной агоніи. Плывешь на бату и видишь, какъ у берега трепещетъ полуобсохшая, огромная, до 30 ф., чавыча; подходишь къ ней, а она и не пытается даже удрать; возьмешь ее въ руки, бьется, но слабо. Я поймалъ такимъ образомъ нѣсколько десятковъ чавычъ; у каждой изъ нихъ я вспарывалъ брюхо, но ни у одной чавычи уже не было ни одной икринки, а только пустой мѣшокъ, гдѣ была икра. Умирающая—чавыча и чавыча „сненка," масса этой сненки, и полное отсутствіе икры, какъ у сненки, такъ и у полуживой чавычи, окончившей метаніе икры, есть видимое доказательство, что рыба, оканчивая икрометаніе, оканчиваетъ и свою жизнь, а потому она и не можетъ вернуться въ море.

Жители, какъ я замѣтилъ выше, утверждаютъ, что рыба и мальки, идущіе изъ озера, и ходовая рыба, иду-

щая изъ моря въ рѣки и озера, встрѣчаются другъ съ другомъ. Хорошо бы естествоиспытателямъ провѣрить это явленіе, а равно и прослѣдить, какіе именно мальки идутъ изъ озера въ море: тѣ ли, что появились на свѣтъ въ данномъ году, или тѣ, которые развились раньше, годъ-два тому назадъ. Тогда, быть можетъ, будетъ пролитъ свѣтъ на то замѣчательное явленіе природы, которое въ просторѣчіи называется ходомъ рыбы. Я скажу даже больше; на камчатскихъ горныхъ рѣчкахъ, какова, нпр., Авача, не глубокихъ, прозрачныхъ, какъ хрусталь, въ ясные солнечные дни, сидя на берегу, можно наблюдать жизнь ходовой рыбы, точно въ акваріумѣ. Камчадалы говорятъ, что вся рыба идетъ парами, причемъ каждая пара знаетъ другъ друга и не допускаетъ въ свою компанію другой пары. Говорятъ также жители, что рыба идетъ безостановочно вверхъ по теченію до тѣхъ поръ, пока она не найдетъ своего гнѣздовья, т. е., такого мѣста, гдѣ, остановившись, она мечетъ икру. Говоря такъ, жители, по моему, правы. Я самъ видѣлъ на р. Авачѣ ходъ рыбы и часами сидѣлъ на берегу, наблюдая это любопытное явленіе; хрустальныя воды Авачи позволяютъ видѣть рѣшительно все, что дѣлается на днѣ этой рѣки. Сидя въ ясный солнечный день гдѣ нибудь на берегу, видишь, какъ массы, несмѣтныя массы рыбы, точно тучи, все время идутъ и идутъ вверхъ, не останавливаясь; вотъ отъ руна отдѣляется пара, двѣ, три; эти отдѣлившіяся пары все замедляютъ и замедлятъ свой ходъ; вотъ онѣ и остановились; одна изъ рыбъ, вѣроятно, самка, становится вблизи берега, на искосъ теченія, а впереди ея, вершка на 1½—2, почти паралельно, становится другая рыба, видимо, самецъ. Эта пара, по увѣренію жителей, не двинется впередъ

ни на одинъ дюймъ; она остановилась затѣмъ, чтобы метать икру, и дѣлаетъ она это дѣло до тѣхъ поръ, пока не окончитъ, а окончивши, тутъ же, почти не сходя съ мѣста, умираетъ. На р. Авачѣ можно видѣть неисчислимое множество таких паручекъ, все время стоящихъ на одномъ мѣстѣ. Вотъ говорятъ, что рыба мечетъ икру на ходу, а на Авачѣ я самъ видѣлъ множество паръ, стоящихъ на мѣстѣ. Наблюдая за той или другой парой, можно видѣть, какъ къ ней, отъ поры до времени, подплываетъ какая либо друга рыба и какъ на такую рыбу бросается самецъ, какъ онъ гонитъ ее и, видимо, старается укусить за плавники.

Все, что я говорю о ходѣ рыбы, легко провѣрить и слѣдуетъ провѣрить, такъ какъ пожить на Авачѣ лѣто, послѣдить за жизнью ходовой рыбы въ этой рѣкѣ, а равно и въ озерахъ, это значитъ приблизиться къ рѣшенію вопроса о періодическомъ ходѣ морскихъ рыбъ въ прѣсныя воды. Рѣка Авача—это природный акваріумъ.

Берега озера Дальняго, какъ и всякаго другого, куда попадаетъ ходовая рыба, начиная съ послѣднихъ чиселъ іюня, покрываются массами сонной рыбы, окончившей икрометаніе; къ этому времени сюда сходится множество медвѣдей, но только промышлять здѣсь медвѣдей трудно; на лодкѣ нельзя, ибо медвѣдь увидитъ и убѣжитъ отъ охотника, а пробраться берегомъ также трудно, ибо путь преграждаютъ почти отвѣсныя скалы.

Перебравшись на другую сторону озера, мы опять сѣли на лошадей и скоро пріѣхали въ лѣтникъ селенія Паратунскаго.

О лѣтникахъ я говорилъ уже раньше и не имѣю что либо добавить къ сказанному по отношенію къ паратунскому лѣтнику. Онъ такой, кака и всѣ. Въ паратун-

скомъ лѣтникѣ мы заночевали, а на утро двинулись дальше. Путь шелъ тропою, вдоль берега небольшой рѣчки, впадающей въ Паратунокъ.

Трава такая густая и высокая, что она закрываетъ всадника. Ѣхали и рощами: тѣ же грибы, масса ягодъ, частенько взлетаютъ выводки тетеревовъ. Рѣчку Паратунокъ мы переплыли на батахъ, а лошадей переправили вплавь; Паратунокъ-рѣка быстрая и глубокая. Рыба такъ и плещетъ по всей рѣкѣ.

Отъ рѣки Паратунка до селенія Паратускаго версты четыре, при чемъ съ третьей версты начинается болото, настолько вязкое, что ѣхать на лошади трудно: увязая по колѣно, карапкаясь изъ болотной трясины, лошадь такъ энергично подпрыгиваетъ, что непремѣнно слетишь. Мы съ Ошурковымъ предпочли пойти пѣшкомъ, а лошадей повели въ поводу. Путешествіе отъ рѣчки до селенія, правда, небольшое, всего 4 версты, но легче пройти 40 верстъ хорошей дорогой, чѣмъ четыре версты болотомъ.

Селеніе Паратунское основано въ 1853 году, при В.С. Завойкѣ, иркутскими переселенцами. Это селеніе расположено сейчасъ же за болотомъ, у подножія лѣсистыхъ горъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ это селеніе. Видъ селенія очень красивый, постройки отличныя. Въ этомъ селеніи—паратунскіе горячіе ключи. Ключей здѣсь нѣсколько, но два ключа остаются совершено неиспользованными, тогда какъ третій ключъ использованъ и является своего рода курортомъ.

Горячій ключъ, имѣющій при истокѣ 65°/₀ Ц., образуетъ ручей, который, при помощи плотины, образовалъ озеро, температура коего никогда не бываетъ ниже 33°/₀ Ц. На днѣ озера также есть горячій ключь. Надъ горя-

чимъ озеромъ всегда стоитъ паръ, а въ зимніе и, вообще, въ холодные дни, особенно густой. На берегу озера устроены три ванны, т. е. помѣщенія, гдѣ можно раздѣться; внутри ваннъ устроены лавки, по серединѣ стоитъ столъ, а на одной изъ стѣнъ даже зеркальце. Раздѣвшись, нужно поднять люкъ, продѣланный въ полу ванны, и по лѣстницѣ спуститься въ озеро.

Привыкши купаться въ холодной водѣ, какъ то странно очутиться въ горячей; глубина озера выше пояса и въ первое время очень жжетъ, но, обтерпѣвшись, можно пробыть въ горячемъ озерѣ минутъ 10-15, особенно на его серединѣ. Ощущеніе пріятное; послѣ купанья всегда обильный потъ. Говорятъ, что воды паратунскаго горячаго озера суть индеферентныя, но я не могу подтвердить этого, такъ какъ не знаю, былъ ли когда произведенъ анализъ воды этого озера, а если и былъ, то какіе его результаты—мнѣ неизвѣстно.

Жители села Паратунскаго купаются въ этомъ озерѣ ежедневно, и притомъ круглый годъ, и зимою, и лѣтомъ. Если даже допустить, что паратунское горячее озеро и не имѣетъ особыхъ цѣлебныхъ свойствъ, то побывать тамъ всетаки стоитъ: такъ хороша тамъ мѣстность, такія тамъ угодья по части сбора грибовъ, ягодъ, ловли рыбы, охоты на птицу, а для любителя и на медвѣдя, такъ тамъ, вообще, покойно и уютно, что я рекомендую любителямъ природы и сельской идилліи, нуждающимся въ укрѣпленіи своей нервной системы, ѣхать на паратунскіе ключи.

Это чудный уголокъ, гдѣ, кажется, одна природа можетъ излѣчить отъ многихъ недуговъ.

Въ Паратунскомъ селеніи 14 домовъ, всѣ хорошіе; каждый домъ паратунскаго жителя раздѣленъ на двѣ

половины: черную и чистую. Въ черной половинѣ, отдѣленной перегородкой отъ кухни, хозяева обѣдаютъ, пьютъ чай и проч., а чистая половина, обитая обоями, украшенная дешевенькими комнатными растеніями, лубочными картинками, стѣнными часами, меблированная стульями, столами, крытыми покупными салфетками, предназначается для пріема гостей. Въ чистую половину уже не подадутъ самоваръ, а приносятъ чай и все относящееся къ чайному угощенію: сахаръ, булки, масло и сливки, на подносахъ.

Паратунцы, какъ и всѣ, вообще, жители Камчатки очень гостепріимны. Лишь только вы пришли на порогъ дома, какъ хозяйка начинаетъ возиться съ самоваромъ (самоваръ есть во всякомъ домѣ), и минутъ черезъ 10—15, вамъ несутъ чай на подносѣ, при чемъ въ стаканъ предупредительно накладываютъ не менѣе 7—8 кусковъ сахару. Чай всегда „съ прикусками", т. е., съ хлѣбомъ и свѣжимъ масломъ, а равно и со сливками. Если вы ночуете, то часовъ въ семь васъ приглашаютъ ужинать. Отличительная черта Камчатки: тамъ ни для кого не будутъ накрывать отдѣльный столъ, а накроютъ непремѣнно тамъ, гдѣ сядетъ вся семья, и гость, какого бы высокаго ранга онъ не былъ, будетъ ѣсть то самое, что и вся семья. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ чиновный гость всегда возсѣдаетъ за особымъ столомъ и ѣстъ что либо особое, спеціально для него приготовленное, а вся семья смотритъ въ глаза. Другое дѣло въ Камчаткѣ; тамъ васъ садятъ, хотя и подъ образами, но за однимъ столомъ со всѣми. Съ лѣвой руки помѣщается хозяинъ, а съ правой хозяйка, которая, хотя и все время хопочетъ и суетится, но которая поминутно подкладываетъ гостю на тарелку то-то, то другое.

Придя съ Ошкурковымъ въ Паратунское селеніе, мы остановились у мѣстнаго крестьянина, Подпругина, приходящагося родственникомъ по матери знаменитому іерарху Иннокентію Веніаминову.

Подпругинъ—это камчатская знаменитость; вотъ уже болѣе 30 лѣтъ безъ него не обошелся ни одинъ изслѣдователь, заѣхавшій въ Камчатку собирать какія либо свѣдѣнія объ этой странѣ. Подпругинъ великолѣпный охотникъ, человѣкъ очень разумный, прекрасно знающій камчатскую жизь; онъ, обыкновенно, нанимается проводникомъ, можетъ, при случаѣ, быть переводчикомъ камчадальскихъ нарѣчій, соберетъ коллекцію. Подпругинъ себѣ на умѣ, и онъ ничего не сдѣлаетъ безкорыстно; таксируетъ онъ свои услуги по высокой цѣнѣ, и даже не прочь заработать на какой либо коммерціи лишнее. Подпругинъ немного даже плутоватъ, но это качество, въ сущности, нисколько не умаляетъ его достоинствъ въ отношеніи того, кто пріѣхалъ знакомиться съ Камчаткой. Пользуясь услугами Подпругина, можно и на медвѣдей сходить, можно и барановъ пострѣлять, можно и соболя видѣть. Подпругинъ все знаетъ, все укажетъ путешественнику, во всемъ ему поможетъ, а если онъ, въ концѣ концовъ, сдеретъ—то это, по моему, правильно. Надо же извлечь ему пользу изъ его обширныхъ и разностороннихъ знаній Камчатскаго полуострова и жизни на немъ, какъ людей, такъ звѣрей и рыбы.

Я походилъ съ Подпругинымъ по Камчаткѣ двѣ недѣли и въ восторгѣ отъ этого путешествія; умный, услужливый, опытный, словоохотливый—онъ, во время этого путешествія, далъ мнѣ яркую картину камчатской жизни.

Домашняя обстановка Подпругина, хотя нѣсколько

и богаче обстановки прочихъ жителей с. Паратунскаго, но, въ сущности, Подпругинъ живетъ совершенно такъ же, какъ и прочіе паратунцы и жители другихъ селеній Камчатки.

Въ 7 часовъ вечера меня и Ошуркова пригласили къ ужину; столъ былъ наркытъ чистою бѣлою скатертью; передъ каждымъ тарелка, ложка, вилка, ножъ. Хлѣбъ бѣлый. Съ начала были поданы закуски: соленые брюшки чавычи, обильно посыпанные зеленымъ лукомъ, юкала, мелко-нарѣзанные куски медвѣжьяго сала, а на другой тарелкѣ куски медвѣжьей солонины. Затѣмъ подавали: уху изъ рыбьихъ головокъ, супъ изъ дикихъ утокъ, со сметаной, жареные въ сметанѣ грибы, творогъ со сметаной, а затѣмъ жимолость и княженику со сливками. Въ заключеніе—чай. По такой картѣ, но съ различными варіаціями, меня угощали камчадалы за все время моего путешествія съ Подпругинымъ по Камчаткѣ; въ любомъ селеніи изобиліе молока и молочныхъ сковъ; у любого хозяина есть и юкала, есть и соленая медвѣжина, а что касается грибовъ, ягодъ и дичи, то не ѣстъ ихъ въ Камчаткѣ только тотъ, кто не хочетъ.

Въ слѣдующей главѣ я разскажу о бытѣ населенія Камчатки вообще, а затѣмъ въ концѣ сей статьи приложу сводную статистическую таблицу, гдѣ желающіе могутъ найти цыфры, относящіяся до любой отрасли хозяйства камчадала. А настоящую главу я закончу описаніемъ моего посѣщенія камчатской лепрозоріи, расположенной въ селеніи Николаевскомъ, въ 23 верстахъ отъ селенія Паратунскаго. Это путешествіе я совершилъ верхомъ, въ компаніи съ Подпругинымъ.

Село Николаевское расположено на рѣкѣ Паратун-

кѣ; въ настоящее время въ немъ восемнадцать дворовъ. Селеніе Николаевское имѣетъ всѣ данныя къ процвѣтанію: по долинамъ Паратунка и его притока, рѣки Быстрой, растетъ прекрасный тополевый и березовый лѣсъ, и паратунскій тополь, иногда въ два обхвата толщины, считается лучшимъ матеріаломъ для постройки батовъ, камчатскимъ лодокъ, приспособленныхъ для плаванія по быстрымъ горнымъ камчатскимъ рѣчкамъ, то глубокимъ, то стремящимся на каменистыхъ перекатахъ, при глубинѣ не свыше 3-хъ вершковъ. Независимо лѣса, николаевскій надѣлъ имѣетъ обширныя пространства прекрасныхъ тучныхъ луговъ, на которыхъ круглый годъ, исключая дней пурги и наста, пасется николаевскій скотъ. Жители Николаевскаго имѣютъ хорошіе промыслы, и рыбные, и звѣриные, и ихъ экономическое благосостояніе видно изъ таблицы статистическихъ свѣдѣній, упомянутой выше.

Какъ ни довольны были николаевцы своими мѣстами, но, благодаря поселенію здѣсь прокаженныхъ, они должны ихъ бросить и искать новыхъ мѣстъ.

Это печальное, если не сказать болѣе, явленіе произошло слѣдующимъ образомъ.

Нынѣшній начальникъ Петропавловской округи, П. А. Ошурковъ, вступивши въ эту должность въ 1896 году, обратилъ вниманіе на жалкое положеніе въ Камчаткѣ больныхъ проказою, которые, будучи разсѣяны въ различныхъ селеніяхъ, не только не имѣли медицинской помощи, но они не имѣли даже призора, что для прокаженныхъ, особенно въ послѣднемъ фазисѣ этой ужасной болѣзни, было крайне мучительно. Желая облегчить страданія несчастныхъ, г. Ошурковъ вошелъ съ особымъ представленіемъ (*) къ военному губернатору Примор-

ской области, въ коемъ, указывая на жестокія страданія больныхъ, на ихъ безпризорность и обремененіе числившимися тогда 19 прокаженными (**) всего населенія Камчатки, просилъ начальство объ облегченіи участи населенія ввѣренной ему округи, причемъ средствомъ къ этому онъ рекомендовалъ лепрозорію, высказавши, что таковую слѣдуетъ устроить въ селеніи Николаевскомъ, вѣроятно, въ уваженіе того, что въ селеніи этомъ числилось наибольшее число больныхъ, одинадцать человѣкъ изъ 19 прокаженныхъ во всей Камчаткѣ.

Это представленіе начальника округи не осталось безслѣднымъ: въ 1898 году, изъ суммъ, ассигнованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на призрѣніе прокаженныхъ въ Приамурскомъ краѣ, было выдѣлено 4 тысячи рублей для Камчатки,

Когда эти деньги были получены въ Камчаткѣ, то и вопросъ о призрѣніи прокаженныхъ перешелъ на практическую почву.

Рѣшивши основать лепрозорію въ с. Николаевскомъ, окружная администрація, по полученіи сказанной суммы, предложила жителямъ этого селенія переселиться въ другое мѣсто и изъявила готовность купить ихъ дома, всего 18, по цѣнѣ 150 рублей за домъ, что составляетъ сумму 2700 рублей, на что жители и согласились.

Въ виду того, что въ Николаевскомъ было 11 человѣкъ больныхъ проказою и въ числѣ жителей могли быть и другіе зараженные этой болѣзнью, хотя и незарегистрованные, окружная администрація рѣшила: преж-

*) 17 іюня 1896 года № 488.

**) Въ Петропавловскѣ—1чел., с. Авачѣ—1, Николаевскомъ—11, Мильковѣ—1, Карягинскомъ—1, Усть-Камчатскѣ—1, Авачѣ—1, Верехн-Камчатскѣ—1, Старомъ Острогѣ—1.

де чѣмъ приступить къ выселенію николаевцевъ, подвергнуть ихъ всѣхъ медицинскому осмотру и выселять только тѣхъ, которые окажутся внѣ всякихъ подозрѣній относительно заразы проказой, для чего окружному врачу была дана соотвѣтствующая бумага.

Врачъ въ Николаевское не поѣхалъ, больныхъ отъ здоровыхъ не отдѣлилъ, и дѣло призрѣнія больныхъ въ Камчаткѣ, не смотря на ассигнованіе 4000 рублей и нѣкоторый притокъ благотворительныхъ средствъ, осталось въ той же стадіи, въ какой оно было и до 1896 г.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему не поѣхалъ въ Николаевское окружный врачъ и не исполнилъ весьма важнаго порученія начальника округи, оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему именно окружная администрація облюбовала для лепрозоріи селеніе Николаевское, когда для этой цѣли, по моему мнѣнію, наиболѣе подходитъ пепелище такъ называемаго дворца одного изъ сатраповъ камчатской старины, находящееся на полпути между с. Паратунскимъ и с. Николаевскимъ, расположенное въ мѣстности, чрезвычайно красивой и здоровой, что для прокаженныхъ, пожалуй, важно, я разскажу здѣсь то, что я вынесъ изъ своего посѣщенія селенія Николаевскаго.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1901 года, въ Николаевскомъ было трое прокаженныхъ: Николай Бобриковъ, 42 лѣтъ, Степанъ Мурашевъ, 38 лѣтъ, и Домна Михайлова, 29 лѣтъ. Больные помѣщаются въ двухъ домахъ, находящихся въ чертѣ селенія и недалеко отъ домовъ, населенныхъ здоровыми семьями; больные мужчины отдѣльно, больная женщина отдѣльно.

На той окраинѣ села, гдѣ помѣщены больные, есть два дома выморочныхъ, никѣмъ не занятыхъ; на этой

же окраинѣ, въ постоянномъ общеніи съ больными и здоровыми жителями села Николаевскаго, живетъ камчадалка—вдова, имѣющая трехъ дѣтей.

Всѣ трое больныхъ имѣютъ ясно выразившіеся признаки проказы: у женщины все лицо покрыто какими-то буграми сизаго цвѣта; Мурашевъ, въ мою бытность въ с. Николаевскомъ, уже потерялъ способность ходить, а онъ кое какъ ползалъ на рукахъ; Бобриковъ ходилъ, но жаловался на стѣсненіе въ груди, на частую темень въ глазахъ, на нытье и ломъ въ костяхъ.

Когда я былъ въ Николаевскомъ, стоялъ знойный день; солнце пекло невыносимо; вѣтерка не было; комаровъ, мошки—невѣроятное множество. Больныхъ мужчинъ я засталъ вблизи занимаемаго ими дома; Мурашевъ лежалъ на травѣ, подложивши подъ голову соломенную подушку, а Бобриковъ изъ вязанки принесеннаго имъ хвороста отбиралъ сухіе сучья; лицо полумертваго Мурашева было сплошь усѣяно комарами; онъ не отмахивалъ ихъ, ибо его лицо, руки и ноги, оголенныя, покрытыя буграми и язвами, уже не чувствительны къ укусамъ комаровъ. И жалко, и страшно было смотрѣть на этого живаго мертвеца, страшно потому, что комары, сидѣвшіе на его лицѣ, пившіе его кровь, зараженную ужаснѣйшей болѣзнью, постоянно садились на мое лицо и, какъ мнѣ казалось, кусали меня.

Мои разговоры съ Бобриковымъ пробудили Мурашева; кряхтя и охая, сѣлъ онъ на корточки, освѣдомился, съ кѣмъ говоритъ, и сталъ жаловаться на свою жестокую судьбу:

—Ходить не могу, вши меня заѣли; тѣло не мылъ болѣе года, бѣлья не мѣнялъ съ зимы. Все ноетъ внутри, а кости точно шильями раскаленными кто ко-

лѣтъ; когда товарищъ заболѣетъ и заляжетъ—воды нѣтъ попить, за дровами некому сходить, некому печку истопить; молюсь Богу, чтобы помереть скорѣй, да смерть не идетъ.

И прокаженный ни то застоналъ, ни то зарыдалъ. Нужны стальные нервы, чтобы опрометью не бѣжать отъ этого пристанища величайшей скорби, посланной Провидѣніемъ человѣчеству.

Тѣ же самые разговоры, таже картина невыразимыхъ страданій и въ хатѣ, занимаемой прокаженной женщиной.

За прокаженными, собранными въ селеніи Николаевскомъ, нѣтъ ухода, нѣтъ за ними призора, по крайней мѣрѣ, это свидѣтельствовали они сами, обреченные на медленную, мучительную и вѣрную смерть. Съ формальной стороны, пожалуй, заботятся о несчастныхъ: каждый изъ нихъ ежемѣсячно получаетъ „прокаженный паекъ": 1/3 кирпича чаю (20 коп.), муки 1 1/2 пуда (3 р.), крупы 6 ф. (48 коп.), сахару 2 ф. (33 коп.), рыбы 2 пуда (50 коп), на одежду 4 руб., на дрова 2 руб. на непредвидѣнные расходы 1 руб.

Весь этотъ паекъ отпускается окружнымъ начальникомъ аккуратно, но окружный начальникъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи способовъ устроить призрѣніе больныхъ такъ, чтобы ихъ бѣдная участь была облегчена хоть чистымъ бѣльемъ, хоть рѣдкими банями, хоть словомъ утѣшенія.

Два года тому назадъ, за больными ухаживала женщина, мужъ которой и два сына умерли отъ проказы; она сама, оставшись здоровою, посвятила свою жизнь уходу за прокаженными: стряпала имъ кушанье, мыла бѣлье, обмывала, наконецъ, язвы больныхъ въ тѣхъ случаяхъ,

когда проказа довершала свое дѣло и лишала свою жертву способности двигаться.

Но эта самоотверженная женщина умерла; окружная администрація не можетъ найти другой такой подвижницы, и вотъ больные, хотя и съ обезпеченнымъ продовольствіемъ, должны маяться подчасъ и въ голодѣ, подчасъ и въ холодѣ, а въ грязи всегда.

А маялись-бы развѣ больные такъ, какъ маялся намоихъ глазахъ прокаженный Мурашевъ, если бы отпущенные четыре тысячи рублей пошли по ихъ прямому назначенію, а не лежали бы 5-й годъ въ депозитахъ петропавловскаго окружнаго управленія, создавши пока что только тоненькое канцелярское дѣло, заканчивающіися предложеніемъ окружному врачу отдѣлить въ с. Николаевскомъ больныхъ отъ здоровыхъ, на каковое никакого отвѣта врача нѣтъ и, вѣроятно, будетъ не скоро.

Это молчаніе врача по дѣлу христіанскаго милосердія, будучи, по словамъ статскаго совѣтника Ошуркова, канцелярскимъ тормазомъ къ улучшенію участи прокаженныхъ, собранныхъ его распоряженіемъ въ с. Николаевскомъ, въ тоже время, обездоливаетъ все селеніе Николаевское.

Выше я сказалъ, что жители согласились выселиться, но имъ, изъ опасенія разноса заразы по всей Камчаткѣ, не позволяютъ выселяться, а больныхъ проказою приселяютъ, и селеніе Николаевское, въ глазахъ всей Камчатки, получило репутацію очага проказы; во всей Камчаткѣ не найдется человѣка, который купилъ бы какое нибудь произведеніе хозяйства николаевцевъ. Всѣ сторонятся отъ николаевцевъ; ихъ хозяйство, не находя ровно никакого сбыта, падаетъ, падаютъ

духомъ и сами жители но, покорные, какъ и всѣ, вообще, камчадалы, волѣ властей, они безропотно несутъ тяжелый крестъ, выпавшій на ихъ долю избраніемъ селенія Николаевскаго мѣстомъ для устройства лепрозоріи и молчаніемъ врача на сказанное предложеніе начальника округи, благодаря чему они не могутъ даже переселиться въ другіе мѣста, гдѣ ихъ и не сторонились-бы, и покупали избытки ихъ хозяйства.

Во всей этой грустной исторіи утѣшительно лишь милосердіе Божіе: изъ 19 прокаженныхъ, числившихся въ Камчаткѣ въ 1896 году, къ іюлю 1901 года, осталось лишь трое, но изъ этихъ троихъ двое, навѣрное, уже умерли; 28 іюля священникъ напутствовалъ Мурашева въ лучшій міръ, а тамъ, вѣроятно, не замедлила отойти въ вѣчность и больная женщина, и въ Николаевскомъ, быть можетъ, остается теперь одинъ зарегистрованный прокаженный, Бобриковъ, что, однако, отнюдь не исключаетъ необходимости немедленно, безъ всякой канцелярской волокиты, приступить къ постановкѣ дѣла призрѣнія несчастныхъ больныхъ на начала христіанскаго милосердія.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ возвратился я изъ селенія Николаевскаго. Положеніе дѣла призрѣнія въ Камчаткѣ больныхъ проказой не обошлось безъ типичной черты исторіи Камчатки да и всей нашей сѣверной окраины: этого дѣла коснулось мертвящая рука канцелярщины, какъ касалась она и, въ концѣ концовъ, губила многія начинанія, направленныя къ улучшенію жизни и быта въ сей далекой странѣ.

Канцелярщина—это первый и главный врагъ развитія сѣверо-восточной окраины. Доказывать это едвали есть какая либо надобность. Въ окружныхъ управле-

ніяхъ сѣверныхъ округъ стоитъ раскрыть любое „дѣло", касающееся того или другого вопроса живой жизни, чтобы убѣдиться, что эта синяя обложка канцелярскаго дѣла—есть могила дѣла живаго.

ГЛАВА VI.

Населенiе Камчатки его промыслы и бытъ.

Общая численность населенiя Камчатки, въ настоящее время, до 8000 человѣкъ. Эта цыфра составляется такъ русскихъ 2200 обоего пола; инородческаго племени: камчадалъ 4000 человѣкъ, бродячихъ инородцевъ (корякъ ламутъ, чукчей) около 2000 д. обоего пола.

Изъ камчатскаго населенiя первое мѣсто, какъ по относительной численности, такъ и по умственному развитiю, принадлежитъ русскимъ, крестьннамъ и казакамъ. Крестьяне, населяющiе Камчатку, суть потомки крестьянъ, привезнneыхъ въ Камчатку въ самомъ налалѣ ея заселенiя. Русскiе люди, заброшеные въ отдаленнѣйшiй уголокъ нашего отечества, въ Камчатку, окруженные инородцами, сохранили православную вѣру, всѣ свои обычаи и языкъ.

Въ то время, какъ инородцы ищутъ пропитанiя, исключительно, въ промыслахъ лѣснаго и водянаго звѣря, въ ловлѣ рыбы, русскiе, занимаясь промысломъ звѣря, не забыли совершенно и исконнаго своего промысла—хлѣбопашества; занимаясь хлѣбопашествомъ, хотя и въ ничтожныхъ размѣрахъ, они промышляютъ и звѣря, а потому и бытъ ихъ является болѣе обезпеченнымъ и русское населенiе Камчатки незнакомо съ голодовками.

Слѣдующее, за русскими, мѣсто занимаютъ камча-

далы; камчадалы-аборигены полуострова. Отличаются они флегматическимъ темпераментомъ; религіозны, добры, строго уважаютъ чужую собственность. Камчадалы, живущіе въ мѣстностяхъ, расположенныхъ къ югу отъ Тигиля и Ключевскаго селенія, говорятъ русскимъ языкомъ и совершенно забыли свой родной языкъ; въ мѣстностяхъ же къ сѣверу отъ Тигиля и Ключевскаго селенія говорятъ на камчадальскомъ нарѣчіи; образъ жизни у этихъ камчадаловъ остался въ первобытномъ состояніи. Русская культура почти не коснулась ихъ. Все новое представляется имъ чѣмъ то необыкновеннымъ, отъ чего они сторонятся. Привычка къ старымъ обычаямъ и способамъ промысловъ такъ укоренились у камчадаловъ, что объясненія и разъясненія объ улучшеніи ихъ выслушиваются ими съ явнымъ недовѣріемъ.

За камчадалами слѣдуютъ ламуты. Ламуты или тунгузы ничего общаго съ русскими не имѣютъ, кромѣ исповѣдуемой ими православной вѣры.

Ламуты народъ добрый, честный, друдолюбивый. Ихъ занятіе: охота, рыбный промыселъ и оленеводство. Живутъ они вдали отъ селеній, отдѣльными, переносимыми съ мѣста на мѣсто, юртами и приходятъ въ селеніе только для пріобрѣтенія отъ торгующихъ необходимыхъ для нихъ припасовъ: табаку, пороха, свинца, чаю, ситцевъ и пр.

Послѣднее мѣсто занимаютъ бродячіе оленные коряки, пришедшіе изъ Гижигинской округи. Это грязный, полудикій, грубый народъ, подчиняющійся только физической силѣ, придерживающійся язычества и почти не подающій никакихъ надеждъ на принятіе православной вѣры. Постоянныхъ мѣстъ жительства они не имѣютъ, а перекочевываютъ со своими стадами съ мѣста на мѣс-

то по хребтамъ камчатскихъ горъ и вершинамъ рѣчекъ. Главное занятіе корякъ: оленеводство, промыселъ пушнаго звѣря и рыболовство.

Какъ ламутамъ, такъ и корякамъ русская рѣчь совершенно неизвѣстна и весьма туго прививается. Причина заключается въ томъ, что сказанные инородцы, завися въ своей жизни отъ оленей, идутъ со своими стадами туда, гдѣ есть основаніе предположить обильный кормъ. Ламуты и коряки, мало соприкасаясь съ русскимъ населеніемъ, остаются чужды русскому языку и русской культурѣ.

Центромъ жизни Петропавлоской округи можно считать долину рѣки Камчатки. Долина рѣки, во всѣхъ отношеніяхъ, для заселенія удобна. Селенія, расположенныя по теченію этой рѣки, имѣютъ въ достаточномъ количествѣ лѣсъ, луга и пашни. Въ рѣку Камчатку, вверхъ по теченію, входитъ изъ моря, во время метанія икры, масса рыбы. Жизнь населенія долины Камчатки вполнѣ обезпечена. Мѣстность Кроноцкаго и Камчатскаго заливовъ и долины р. Камчатки изобилуетъ хорошимъ, годнымъ на постройки, лиственничнымъ и еловымъ лѣсомъ. Въ лѣсахъ этихъ водится разнаго рода пушной звѣрь, дающій населенію возможность удовлетворять свои неотложныя денежныя нужды и поддерживать хозяйство. Эти лѣса, къ чести населенія, ревниво охраняются отъ пожаровъ и хищническихъ порубокъ. Лѣсъ въ Камчаткѣ не только древесный матеріалъ, извѣстной цѣнности, но и жилище звѣря, а звѣрь въ Камчаткѣ,—самое главное народное богатство, и вотъ камчадалы, памятуя послѣднее, разводя на таборахъ огни, не тронутся съ мѣста, прежде чѣмъ костеръ не будетъ тщательно залитъ водою, причемъ камчадалъ, заливая водою костеръ, разгре-

баетъ затѣмъ головни и уголья голыми руками и только послѣ этого трогается съ мѣста.

Жители Камчатки, если поймаютъ кого-либо тщательно не затушившимъ костеръ, могутъ поступить съ нимъ такъ, какъ поступаютъ въ Европейской Россіи съ конокрадомъ, пойманнымъ на мѣстѣ преступленія.

Путешествуя по Камчаткѣ въ компаніи съ камчадалами, можно нажить крупную непріятность, если бросить незатушенную папиросу или спичку. Въ Камчаткѣ охраняетъ лѣсъ отъ паловъ всякій ея житель и палы, поэтому, до весны и лѣта 1901 года, были тамъ неизвѣстны. Въ лѣто же 1901 года, къ великому горю Камчатки, тамъ начинаютъ уже появляться палы. Дѣло въ томъ, что, по введеніи новаго закона о рыбныхъ промыслахъ, ловъ рыбы японскими подданными воспрещенъ и рыбопромышленники стали нанимать въ число рабочихъ всякій сбродъ, въ томъ числѣ и бывшихъ сахалинцевъ, которые не привыкли къ камчатскому режиму въ отношеніи охраны лѣса отъ огня и, оставляя огни не затушенными, въ лѣто сказаннаго года, произвели по западному берегу Камчатки нѣсколько паловъ.

Насколько, вообще, это явленіе считается жителями Камчатки серьезнымъ, видно изъ того, что донесеніе о палахъ окружному начальнику, отправленное изъ Большерѣцка „полетучкой",съ перомъ ястреба,припечатаннымъ къ пакету, было получено въ Петропавловскѣ на другой день, тогда какъ растояніе Большерѣцка отъ Петропавловскаго около 200 верстъ.

Населеніе, расположенное по долинамъ рѣки Камчатки, занимается, частью, земледѣліемъ. Засѣваютъ ячмень, коноплю и съ успѣхомъ разводятъ огороды. Засѣвомъ ячменя занимаются, преимущественно, крестьяне се-

ленія Ключевскаго и смежныхъ съ нимъ. Сѣютъ ячмень и камчадалы сосѣднихъ съ русскими селеніями камчадальскихъ острожковъ. По свѣдѣніямъ, даннымъ администраціей округи, всей земли, находящейся въ эксплоатаціи населенія, состоитъ: огородовъ: около 300 дес., пахотной 800 дес., луговъ 35651 дес. Изъ этого количества находится: подъ ячменемъ 570 дес., подъ огородами 230 дес., подъ коноплею 5 дес. Въ 1900 году средняя цыфра посѣва выражалась такъ: ячменя въ Петропавловской округѣ засѣвалось до 3000 пуд., урожай около 20, 000 пуд., огородныхъ овощей: рѣпы, рѣдьки, брюквы, капусты и пр. снимается ежегодно около 3000 пуд.; конопли засѣвается около 75 пуд., урожай около 150 пуд. Сѣна, въ послѣдніе годы, заготовлялось въ Петропавловской округѣ, среднимъ числомъ, до 100.0000 пуд. Урожай ячменя колеблется между самъ 5, 5 и самъ 7. Посѣвъ ячменя и конопли производится, обыкновенно, не позже 10 мая, но зависитъ отъ того, какъ освободится земля снѣга. Огородные овощи и картофель сѣятся не много позже 20 мая. Уборка ячменя и конопли производится въ половинѣ или концѣ августа, смотря по степени созрѣванія. За уборкою хлѣба слѣдуетъ уборка огородныхъ овощей и затѣмъ картофеля. Обработка полей производится самыми первобытными орудіями. Агрономическія усовершенствованія не коснулись пока далекой Камчатки. Средняя цѣна пуду ячменя отъ 2—3 руб. Изъ конопли обыватели Ключевскаго селенія и сосѣднихъ камчатскихъ селеній выдѣлываютъ неводное прядево, употребляемое ими для рыболовныхъ сѣтей и неводовъ. Конопля засѣвается въ размѣрѣ, нужномъ для собственнаго употребленія, и производство конопли не составляетъ въ округѣ особой отрасли промышленности.

Картофель сѣется на восточномъ и западномъ берегахъ полуострова, но, преимущественно, въ долинѣ р. Камчатки. Средняя цѣна 1 пуда картофеля отъ 1 руб.—1 руб. 50 коп., остальные овощи воздѣлываются, исключительно, для собственнаго потребленія населенія и въ продажѣ не существуютъ.

Разведеніемъ скота занимается, преимущественно, руское крестьянское населеніе округи, и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ осѣдлое инородческое населеніе. Бродячіе инородцы, ламуты и коряки, имѣютъ табуны оленей. Руcкіе разводятъ коровъ и лошадей. Лошади проводятъ зиму на подножномъ корму; въ иную зиму лошади не могутъ доставать себя кормъ изъ подъ снѣга и даже не могутъ переходить съ мѣста на мѣсто (вязнутъ въ снѣгу). Обыватели, случается, привозятъ своихъ лошадей къ дворамъ—на собакахъ. Породы рогатаго скота и лошадей опредѣлить весьма трудно, но полагаютъ, что это есть акклиматизировавшаяся въ Камчаткѣ порода, завезенная сюда изъ Иркутской губерніи и Якутской области крестьянами и якутами, переселенными въ Камчатку чрезъ Аянъ.

Рогатый камчатскій скотъ небольшого роста, не разборчивъ въ ѣдѣ, даетъ молока достаточно. Камчатское населеніе имѣетъ лошадей только верховыхъ для поѣздокъ по промыслу разнаго рода пушнаго звѣря до тѣхъ поръ, пока снѣгъ еще мелокъ и не мѣшаетъ ходу лошади. Лошади камчатскія не знаютъ подковъ; по тундрамъ и гористымъ мѣстамъ онѣ идутъ очень осторожно, большею частью, шагомъ, дѣлая три или четыре версты въ часъ. Около Толбачинскаго и Козыревскаго селеній замѣчены два табуна одичавшихъ лошадей, всего около 200 головъ. Одичавшія лоша-

ди чутки, сторожки, не допускаютъ человѣка, и поймать ихъ никому не удается. Количество лошадей и коровъ въ Камчаткѣ и распредѣленіе ихъ по селеніямъ этой страны видны изъ сводной статистической таблицы. Цѣны на скотъ существуютъ въ настоящее время слѣдующія: лошадь отъ 30—60 руб., корова отъ 15—60 руб.; олень отъ 6—10 руб., ѣзжалая собака отъ 3—15 руб. Цѣна на мясо: говядина отъ 9—8 руб. пудъ; оленина отъ 3—4 руб пудъ.

Бродячее населеніе Петропавловской округи, ламуты и коряки, имѣютъ табуны домашнихъ оленей, служащихъ имъ для пищи и какъ перевозочная сила. Олень, какъ перевозочная сила бродячаго инородца, выгоденъ для своего хозяина тѣмъ, что не заставляетъ его заготовлять на зиму сѣна; олень круглый годъ на подножномъ корму. Камчатскій олень гораздо ниже ростомъ и меньше сѣвернаго оленя, малосиленъ и при перикочевкахъ скоро утомляется. Коряки и ламуты, при перекочевкахъ, запрягаютъ въ особаго устройства сани не менѣе 2-хъ оленей, кладя на каждыя сани не болѣе 4 пудовъ груза. Переходы дѣлаются не болѣе 30 верстъ въ сутки, съ остановкой въ пути для отдыха и для корма оленей.

Бродячіе инородцы, при всемъ своемъ желаніи увеличить свои табуны оленей, не достигаютъ желаемыхъ результатовъ по слѣдующимъ причинамъ: у инородцевъ, кочующихъ по западному берегу Камчатки, случаются частыя голодовки; для поддержанія своего существованія инородецъ рѣжетъ своихъ оленей и питается ими, и въ стадѣ получается не приростъ, а убыль. Вторая причина—большое истребленіе оленьихъ стадъ волками. Стаи волковъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣс-

то, слѣдомъ за табунами оленей. Инородецъ безпомощенъ противъ такого хитраго, выбирающаго темныя ночи врага, не стрѣляетъ въ волка изъ суевѣрія, а отравы, которой, по мнѣнію инородца, волкъ не отравляется, а угощается, у инородца нѣтъ.

Кромѣ истребленія оленьихъ табуновъ самимъ хозяиномъ въ дни голодовокъ и волками во всякое время, много оленей гибнетъ отъ эпизоотической, заразительной болѣзни копытъ, при появленіи которой, владѣлецъ лишается почти всего табуна, не зная и не имѣя средствъ предотвратить заболѣванія. По словамъ оленьныхъ ламутъ и корякъ, болѣзнь копытъ, отъ которой часто погибаетъ все стадо, является послѣдствіемъ неудобныхъ пастбищъ и мѣстъ стоянки табуновъ. Табуны оленей, находясь на мокрыхъ тинистыхъ мѣстахъ, набиваютъ копытныя части мокрою глиною, которая, при переходѣ оленей на болѣе сухое мѣсто, засыхаетъ въ каналѣ и производитъ воспаленіе и нагноеніе, которыя, быстро увеличиваясь, прекращаютъ жизнь оленя. Больной олень, ходя по травѣ, оставляетъ на ней часть нагноенія, а проходящій по слѣдамъ больного здоровый олень, наступая на зараженную гноемъ траву, заражается и заболѣваетъ. Нѣкоторымъ палліативомъ эпизотіи служитъ у инородца слѣдующее средство: заболѣвшій табунъ вгоняется въ быструю горную рѣчку; текучая вода, промывая гной у заболѣвшихъ, нѣсколько предохраняетъ стадо отъ дальнѣйшихъ заболѣваній. Случая же, чтобы уже заболѣвшій олень выздоровѣлъ, никогда не было. Въ 1892 году отъ копытной болѣзни пало въ Петропавловской округѣ 2000 оленей.

Для всего населенія Петропавловской округи, какъ русскаго такъ и инородческаго, необходимѣйшимъ до-

машнимъ животнымъ является собака. Вслѣдствіе мѣстныхъ климатическихъ условій, собака замѣняетъ населенію лошадь, не требуя никакихъ особыхъ расходовъ на свое содержаніе. Безъ собакъ обыватель Камчатки совершенно безпомощенъ. Безъ собакъ онъ не можетъ выѣзжать на промыслы пушного звѣря, дающаго ему средства къ существованію; безъ собакъ обыватель Камчатки не можетъ заработать что либо перевозкой купеческихъ грузовъ въ селенія округи. Въ округѣ существуетъ 2 породы собакъ: ѣзжалая и звѣровая. Ѣзжалая собака небольшого или средняго роста, на крѣпкихъ мускулистыхъ ногахъ, съ хорошо развитою грудью. Голова средняя, рыло узкое, уши стоячія, короткія; шерсть различной пушистости и цвѣтовъ; хвостъ, обыкновенно на второмъ году, подрѣзается между 3-мъ и 4-мъ позвонкомъ отъ основанія. Собаки этой породы сильны, крѣпки, не требуютъ почти никакого ухода, ласковы, привязчивы къ своему хозяину. Онѣ могутъ пробѣгать съ грузомъ, безъ остановки, 60—70 верстъ въ сутки. Безпрерывной каждодневной ѣзды онѣ не переносятъ. Во время переѣздовъ необходимо давать небольшой отдыхъ, а черезъ каждые двое сутокъ ѣзды день отдыха. Обыкновенная ѣзжалая собака цѣнится отъ 5 до 10 руб., а передняя отъ 10 до 20 руб. Порода звѣровыхъ собакъ, выслѣживающихъ и загоняющихъ соболя, извѣстна подъ названіемъ „ламутской“, и эта порода въ округѣ считается лучшею. Ламутская собака роста средняго, на тонкихъ стройныхъ высокихъ ногахъ, съ сильно развитыми грудными мускулами. Голова съ узкимъ рыломъ, глаза выразительные, носъ развитой, шерсть средней величины—черная. Отличительный признакъ ламутской собаки желтоватыя, небольшія, круглыя пятна подъ каж-

дымъ глазомъ; ротъ, грудь, брюхо и оконечности опушены желтоватаго цвѣта шерстью. Ламутская собака весела, ласкова, быстра на бѣгу, неутомима, понятлива, сильна и обладаетъ прекраснымъ чутьемъ. Хорошая собака ламутской породы цѣнится не менѣе 100 рублей. По отзывамъ старожиловъ, порода ѣзжалыхъ и звѣровыхъ собакъ въ Петропавловской округѣ съ каждымъ годомъ постепенно ухудшается, вслѣдствіе плохихъ кормовъ по количеству и качеству. Собакъ зачастую кормятъ рыбою, пролежавшею по два и по три года въ земляныхъ ямахъ, вполнѣ испортившеюся и издающею сильное зловоніе. Болѣзни собакъ весьма различны. До 1870 года, преимущественно, замѣчалось тихое бѣшенство, происходящее отъ небрежнаго ухода за собаками ихъ владѣльцевъ; въ жаркіе камчатскіе лѣтніе дни, когда собаки сидятъ на привязи, хозяинъ не заботится даже перемѣнить собакѣ воду для питья.

Въ началѣ 1890 года въ округѣ появилась совершенно новая, не бывшая ранѣе болѣзнь, отличительными признаками которой были: кашель, насморкъ и болѣзнь глазъ. Заболѣвшая собака худѣла и затѣмъ пропадала. Всѣ принимавшіяся населеніемъ мѣры не помогали. Болѣзнь эта сильно распространилась по всей округѣ, не пощадивъ и звѣровыхъ собакъ. Къ числу причинъ, служащихъ къ ухудшенію породы собакъ, служитъ то обстоятельство, что населеніе не желаетъ оставлять лучшихъ самцовъ.

Для ѣзды употребляютъ кастрированныхъ собакъ, и потому, каждый, имѣющій годовыхъ щенковъ, холоститъ оказавшихся лучшими, но для приплода не оставляетъ, надѣясь, что кто нибудь оставитъ. Оставляютъ на приплодъ, обыкновенно, самыхъ худшихъ щенковъ, для ѣз-

ды негодныхъ. На сукахъ не ѣздятъ, и запряжка въ нарту сукъ считается въ Камчаткѣ оскорбленіемъ пассажира.

Во всей Петропавловской округѣ нѣтъ ни одного каменнаго зданія. Всѣ жилыя постройки города Петропавловска одноэтажныя, крытыя, въ большинствѣ случаевъ, соломою или сухою травою. Матеріаломъ для постройки служитъ ель и лиственница. Эти деревья, вполнѣ удовлетворяющія условіямъ строеваго лѣса, растутъ на восточномъ берегу полуострова, начиная отъ Пущенскаго селенія до Озерковскаго, на протяженіи 579 верстъ. Въ остальныхъ же мѣстахъ Камчатки жилыя помѣщенія строятся, преимущественно, изъ ветловаго и тополеваго лѣса. Въ округѣ мало плотниковъ; съ пилами населеніе только учится обращаться. Плахи и тесъ, случается, выдѣлываютъ топорами. Всѣ жилыя помѣщенія осѣдлаго населенія строятся изъ тонкихъ деревьевъ, рѣдко строятся опытными руками. Сложенныя на мху и непроконопаченныя постройки—лѣтомъ пробиваетъ дождь, а зимою стѣны промерзаютъ. Окна двойныхъ рамъ не имѣютъ, и въ большей половинѣ камчатскихъ оконъ стекла замѣнены выдѣланными и сшитыми въ продолговатыя полотнища кишками медвѣдя или нерпы.

Камчадалы, обитающіе къ сѣверу отъ Тигиля и Озерковскаго селенія, живутъ въ земляныхъ юртахъ и находятся въ еще худшихъ гигіеническихъ условіяхъ; ихъ юрты не имѣютъ деревянныхъ половъ и не защищены отъ дождя крышей. Юрты бродячихъ инородцевъ округи легкія, удобно перевозимыя съ мѣста на мѣсто при перекочевкахъ. Для устройстра юрты единовременно заготовляется нѣсколько десятковъ тонкихъ пало-

чекъ, $^1/_2$ в. въ діаметрѣ и около 2 аршинъ длины. Каждыя три палочки въ верхнемъ концѣ скрѣпляются черезъ небольшія отверстія ремнемъ. Срубается также нѣсколько штукъ длинныхъ жердей. При постановкѣ юрты, 4—жерди связываются въ вершинѣ, а толстые концы раздвигаются въ противоположныя стороны; смотря по требующейся величинѣ юрты; концы двухъ жердей, съ каждой стороны, раздвигаются до такого размѣра, чтобы человѣкъ, въ теплой одеждѣ, могъ пройти свободно, такъ какъ пространство между жердями служитъ входомъ въ юрту. Отъ одной крайней жерди до другой разставляются, смотря по нужной величинѣ, на разстояніи $1^1/_3$ арш., скрѣпленныя по три палочки; концы двухъ палочекъ, въ косвенномъ направленіи, втыкаются въ землю, а третья накладывается въ развилину слѣдующихъ 3-хъ палочекъ и такъ далѣе, до жерди, къ которой привязываются; тоже дѣлается и съ другой стороны жерди. Установленныя такъ палочки обтягиваются ламутами выдѣланной оленьей кожей, безъ шерсти, а коряками такой же кожей, но съ шерстью. Послѣ этого въ развилины тонкихъ палочекъ, воткнутыхъ въ землю, вкладываются толстымъ концомъ длинныя жерди, а тонкій конецъ ихъ накладывается на связанныя вверху среднія четыре жерди. Положенныя жерди тоже покрываются оленьей кожей и вверху оставляется отверстіе для выхода дыма. Полъ юрты очищается до земли отъ снѣга, покрывается прутьями, на которые настилаются невыдѣланныя оленьи и другихъ звѣрей шкуры, служащія вмѣстѣ съ тѣмъ постелями. Огонь для тепла и варки пищи раскладывается по срединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстіемъ. Юрты означеннаго устройства очень холодны, а потому ламуты никогда не снимаютъ теплой

мѣховой одежды. Юрты оленныхъ корякъ отличаются отъ ламутскихъ тѣмъ, что коряки кроютъ юрты выдѣланными шкурами оленей съ мѣхомъ и, для полученія большей теплоты, привязываютъ къ жердямъ внутри юрты большіе полога, сшитые изъ такихъ же мѣховыхъ оленьихъ шкуръ; въ этихъ то пологахъ и помѣщаются коряки со своими семействами. Болѣе 3-хъ пологовъ въ юртѣ почти никогда не бываетъ. Въ каждомъ пологѣ можетъ помѣщаться отъ 8—10 человѣкъ.

Петропавловская округа, помимо рыбы и звѣрей, о чемъ сказано выше, богата и всякаго рода пушнымъ звѣремъ: морскими бобрами, медвѣдемъ, лисицею, бѣлымъ песцомъ, выдрою и проч. Пушной промыселъ даетъ населенію Камчатки средства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей.

Главнымъ предметомъ промысла служитъ дорогой зрѣрекъ—соболь. Добыча этого звѣря производится по всему полуострову; начинается промыселъ соболя съ 1-го ноября и оканчивается 1-го марта.

Промыселъ этотъ производится ружьемъ, собакой и сѣткой. Всѣ другіе способы добычи этого дорогого звѣря, клонящіеся къ быстрому его уничтоженію, воспрещены. Каждый промышленникъ, желая добыть соболя, кромѣ необходимыхъ перевозочныхъ средствъ для поѣздки въ мѣстности, отдаленныя отъ селеній, долженъ имѣть: заготовленную провизію, по крайней мѣрѣ, на одинъ мѣсяцъ, ружье дробовикъ, собаку, умѣющую выслѣживать звѣря, сѣтку и лыжи. Всѣ эти предметы промысла, какъ дорого стоющіе, передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну или заводятся постепенно.

Промышленники, владѣющіе хорошимъ ружьемъ и, въ особенности, собакой, не остаются безъ хорошей добы-

чи. На промыселъ выѣзжаютъ къ верховьямъ рѣчекъ, ставятъ на снѣгу палатку и, смотря по количеству заготовленной провизіи, живутъ въ ней недѣли двѣ—три. Ежедневно утромъ промышленникъ беретъ съ собою звѣровою собаку, пристегиваетъ къ надѣтому на ней алыку (собачья сбруя) сѣтку, вложенную въ узкій мѣшокъ изъ нерпичьей кожи, надѣваетъ лыжи и отправляется отыскивать на снѣгу свѣжій слѣдъ соболя. Найдя соболій слѣдъ, промышленникъ, смотря потому, позволяетъ ли снѣгъ бѣжать собакѣ свободно, отпускаетъ собаку по слѣду, надѣясь, что собака, догнавъ соболя, загонитъ его на дерево или другое какое-либо мѣсто и не допуститъ соболя убѣжать до прихода хозяина. Если-же снѣгъ настолько рыхлъ и глубокъ, что собакѣ и безъ сѣтки идти трудно, то промышленникъ выслѣживаетъ звѣря, идя самъ на лыжахъ по его слѣду. Въ этомъ случаѣ, даже преслѣдуя соболя по слѣду цѣлый день, рѣдко удается добыть его. Измученный, возвращается промышленникъ въ свою палатку съ пустыми руками. На слѣдующій день таже исторія. Самое благопріятное время для промысла то, когда снѣгъ настолько твердъ, что не затрудняетъ ходьбы на лыжахъ и если къ тому же ночью выпадетъ небольшой снѣгъ; выпавшая ночью мелкая пороша даетъ промышленнику возможность точно опредѣлить время, когда пробѣгалъ соболь. Собака скоро настигаетъ соболя и соболь прячется отъ собаки на лѣсину, или въ кедровникъ, или въ разселины камней. Собака же, находясь по близости соболя, не даетъ ему возможности убѣжать до прихода промышленника. Промышленникъ, по приходѣ, осматриваетъ слѣды соболя, и точно опредѣляетъ мѣсто, гдѣ соболь скрылся. По снѣгу, въ стоячемъ положеніи, разставляется сѣть на заранѣе

привязанныхъ къ сѣткѣ палочкахъ, въ $1^1/_2$ арш. длины; длина сѣти около 15 саж. Сѣть разставляется вокругъ того мѣста, гдѣ спрятался соболь. Снѣгъ въ томъ мѣстѣ, откуда ушелъ соболь въ кедровникъ, раскапывается. Если промышленникъ удачно началъ свои поиски, то соболь долго не сидитъ въ снѣгу и, видя, что ему не избѣжать гибели, выскакиваетъ изъ своего убѣжища и попадаетъ въ сѣть, запутывается въ ней и схватывается собакой или самимъ промышленникомъ. Добыча же соболя, спрятавшагося въ разселинѣ камня или скалы, требуетъ отъ промышленника большихъ усилій. Разставивъ сѣтку и оставивъ около нея собаку, промышленникъ собираетъ дрова и около норы, куда скрылся соболь, расскладываетъ огонь. Дымъ скоро заставляетъ соболя покинуть свое убѣжище. Выстрѣлами изъ ружья убиваютъ соболя только тогда, когда онъ, прорвавши сѣтку, убѣгаетъ. Самая лучшая порода собакъ для выслѣживанія соболя ламутская. Промышленникъ, неимѣющій собственной звѣровой собаки, беретъ у имѣющаго лишнюю, съ тѣмъ, что половина всѣхъ добытыхъ соболей поступаетъ въ пользу владѣльца собаки. Хотя это условіе и тяжело, но промышленникъ охотно на него соглашается; безъ хорошей собаки нельзя добыть ни одного соболя. Ежегодная добыча соболя по всей Петропавловской округѣ доходитъ до 3000 соболей. Цѣна собольей шкуркѣ отъ 25 до 40 руб.

Промыселъ медвѣдя, шкура котораго, за послѣдніе годы, сильно поднялась въ цѣнѣ, по суммѣ получаемаго дохода, сталъ на первое мѣсто послѣ соболя. Промыселъ медвѣдей производится, преимущественно, весною, когда медвѣди выходятъ изъ берлогъ и ищутъ себѣ пищи по берегу моря, и осенью, когда медвѣди разбре-

даются по мелкимъ рѣчкамъ, въ которыя входитъ рыба, служащая медвѣдямъ пищею. Когда рыбы въ рѣкахъ достаточно, медвѣдь очень остороженъ; невыходъ же рыбы изъ моря въ рѣчки дѣлаетъ медвѣдя смѣлымъ, и голодъ, не позволяя ему ложиться на зиму въ берлогу, заставляетъ его приближаться къ человѣческимъ жилищамъ. Зима 1897 г. была особенно неблагопріятна для медвѣдей, по случаю недохода изъ моря рыбы Голодные медвѣди цѣлую зиму шатались близь селеній и убивались обывателями во множествѣ. За 1897 годъ было убито въ Камчаткѣ 2083 медвѣдя. Среднее ежегодное число убиваемыхъ медвѣдей около 1100—штукъ. Промыселъ медвѣдя составляетъ для населенія благосостоянія Камчатки большую поддержку. Цѣна на шкуру медвѣдя ежегодно повышается; мясо и жиръ убиваемыхъ медвѣдей—употребляются въ пищу. Кусокъ медвѣжьяго соленаго сала, да юкала составляютъ главное продовольствіе жителей Камчатки во время зимнихъ промысловъ. Медвѣди въ Камчаткѣ убиваются, преимущественно, пулями, и притомъ медвѣдь подпускается на 3—5 шаговъ, а убивать его на большемъ разстояніи считается трусостью; ходятъ на медвѣдя одинъ на одинъ, никакихъ ловушекъ и ямъ населеніе не употребляетъ. Цѣна за шкуру медвѣдя, въ настоящее время, 18—35—40 рублей, смотря по качеству.

Для промысла красной лисицы и бѣлаго песца употребляются привозимые торговцами желѣзные капканы. Вблизи лисьихъ тропъ вырываются въ лѣсу ямы, въ которыхъ, въ лунныя ночи, сидитъ промышленникъ, поджидая лисицу. Въ случаѣ ея появленія, стрѣляютъ по ней крупною дробью. Этими-же способами добываютъ и бѣлыхъ песцовъ, водящихся въ сѣверной части полуострова.

Цѣны на лисьи мѣха слѣдующія: красная отъ 4—5 рублей, сиводушка отъ 30—75 рублей, бѣлаго песца-5 рублей. До 1883 г. промыселъ лисицъ былъ восьма значителенъ, но въ томъ-же и послѣдующемъ, 1884 году, вслѣдствіе употребленія для промысла лисицъ стрихнина, звѣрь этотъ почти совершонно исчезъ. Въ настоящее время стрихнинъ безусловно воспрещенъ. Въ послѣдніе годы число добываемыхъ лисицъ возрасло и ежегодно добываютъ ихъ до 1500 штукъ.

Въ рѣкахъ округи выдра водится Въ среднемъ, ежегодно добывается, преимущественно капканами, около 400 штукъ выдръ. Цѣна за шкуру выдры 8—15 рублей. Охота за лисицею, песцомъ—и выдрою и другимъ мелкимъ пушнымъ звѣремъ не составляетъ для камчатскаго промышленника особаго, требующаго какихъ-либо затратъ, промысла. Добыча этихъ звѣрей производится, такъ сказать, попутно. Кромѣ перечисленныхъ звѣрей, въ Камчаткѣ добываютъ: горныхъ барановъ, россомахъ, и волковъ. Количество этихъ звѣрей не велико и они не имѣютъ особаго значенія въ экономической жизни Камчатки.

Торговля въ городѣ Петропавловскѣ и въ Петропавловской округѣ, за малымъ обращеніемъ у населенія денегъ, главнымъ образомъ, мѣновая. Ведется торговля способомъ, по которому инородецъ всегда находится въ неоплатномъ долгу у торговца. Цѣны на предметы первой необходимости камчатскаго населенія, благодаря увеличивающимся рейсамъ пароходовъ, съ каждымъ годомъ все уменьшаются. Петропавловскіе купцы выписываютъ себѣ товары, частью, изъ Владивостока, а частью изъ Одессы. Въ настоящее время въ Петропавловской округѣ имѣется слѣдующее количество торговцевъ: 1 й

гильдіи—три, 2-й гильдіи—14, торгующихъ въ округѣ по свидѣтельствамъ на мелочный торгъ—16, на развозный торгъ товарами—41. Какъ сказано выше, торговля ведется въ долгъ. Это имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что камчадальское населеніе привыкло не подводить итоговъ своимъ долгамъ, не спрашивать, что стоитъ вещь, а брать ее потому только, что она пригодна для хозяйства. Средніе торговцы, получая свои товары въ кредитъ отъ владивостокскихъ купцовъ, оплачиваютъ на слѣдующій годъ свои кредиты вывезенной ими изъ Петропавловска пушниной, получаемой ими въ обмѣнъ товаровъ.

За послѣднее время число среднихъ торговцевъ съ каждымъ годомъ все увеличивается. Въ Петропавловскѣ появились даже китайскія лавки. Возникающая между ними конкуренція способствуетъ удешевленію привозныхъ товаровъ и вздорожанію пушнины, спросъ на которую значительно увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ соболь стоилъ не ниже 15 рублей, въ настоящее же время не ниже 25—45 рублей. Вообще, цѣны на пушнину, существующія въ настоящее время въ Петропавловской округѣ, должны бы были считаться очень высокими и не приносящими купцу никакихъ барышей, Но, принимая во вниманіе, что камчатская торговля. исключительно, мѣновая и что купцы, при покупкѣ соболей, уплачиваютъ деньгами не болѣе 3 рублей за шкуру, а остальную сумму оплачиваютъ товаромъ, необходимымъ инородцу, можно положительно сказать, что торговля въ Камчаткѣ не такъ убыточна, какъ разсказываютъ объ этомъ сами торгующіе, неубыточна она потому, что купецъ получаетъ свои товары изъ Владивостока съ ничтожнымъ фрах-

томъ, а продаетъ товаръ въ Камчаткѣ по цѣнамъ вдвое и болѣе высшимъ, что и даетъ ему возможность, не принося своимъ дѣламъ никакого ущерба, возвышать цѣну на пушнину. Выгодность торговли съ инородцами привлекаетъ все большее и большее число торговцевъ средней руки, желающихъ поживиться за счетъ инородца. Задолживаніе до сихъ поръ велось при посредствѣ спаиванія, такъ какъ инородецъ питаетъ великую страсть къ спиртнымъ напиткамъ.

Конкуренція между торговцами и изгнаніе при торговыхъ сдѣлкахъ спирта даетъ надежду на установленіе нормальныхъ цѣнъ, какъ на привозные товары, такъ и на нормальное оплачиваніе пушнины.

Изъ предписаній бывшихъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири и губернаторовъ Приморской области видно, что, не смотря на категорическое запрещеніе ввоза въ Петропавловскую округу спиртныхъ напитковъ, снабженіе ими инородцевъ, хотя-бы подъ видомъ угощенія, ввозъ спирта, до 1890 года, проктиковался въ широкихъ размѣрахъ. Торгующіе въ округѣ купцы и мелкіе торговцы вывозили сюда спитръ, какъ бы для собственнаго употребленія, цѣлыми 4-хъ ведерными боченками. Ввезенный спиртъ, частью, выпивался самими торговцами, но, большею частью, шелъ въ незаконную продажу и на угощеніе камчадаловъ, при выѣздѣ ихъ съ промысла. Всѣ, ѣдушіе въ округу за какимъ либо дѣламъ, неизмѣнно везли съ собой спиртъ.

Спаиваемые камчадалы не только за безцѣнокъ отдаютъ торговцамъ продукты своего промысла, но, подъ вліяніемъ развивающагося между ними пьянства, они, случается, упускаютъ даже время промысла.

Въ 1890 г. начали примѣняться къ дѣлу всѣ быв-

щія предписанія о ввозѣ въ округу спирта, имѣвшія единственною цѣлью оградить инородческое население отъ спаиванія и получающихся отсюда печальныхъ послѣдствій. Не имѣя возможности сразу прекратить ввозъ спирта, окружная администрація объявила торгующимъ и всему камчатскому населенію, что лица и общества, желающія вывозить, для собственнаго употребленія, крѣпкіе напитки, должны каждый разъ испрашивать особое разрѣшеніе окружнаго управленія. Было объявлено также, что бутылки и посуда, въ которыхъ будутъ помѣщаться разрѣщенные администраціей къ вывозу напитки, будутъ опечатываться печатью окружнаго управленія и, кромѣ того, будутъ выдаваться удостовѣренія, какое количество разрѣшено вывезти, кому и куда. Старосты селеній должны были осматривать разрѣшенныя къ вывозу бутылки и найденныя не опечатанными печатью окружнаго управленія должны были быть конфискуемы. Опечатываніе напитковъ было необходимо въ виду того, что не запечатанныя бутылки могли быть распиваемы въ попутныхъ селеніяхъ. Дабы распоряженіе о не вывозѣ въ округу спирта не было только на бумагѣ, администрація распорядилась, чтобы всѣ нарты, выходящія изъ города, тщательно осматривались. Лица, виновныя въ вывозѣ спирта безъ разрѣшенія, подвергались взысканіямъ. Для предупрежденія ввоза спирта въ Тигиль, Усть-Камчатскъ и распространенія его оттуда по округѣ, окружная администрація обратилась къ командирамъ пароходовъ, посѣщающихъ камчатскіе порты, съ просьбой не сгружать напитковъ, адресованныхъ въ Тигиль или Усть-Камчатскъ, въ пунктахъ адресованія, а по возможности, доставлять таковые въ Петропавловскъ.

Какъ ни хороши въ теоріи эти распоряженія и мѣры борьбы администраціи съ торговлей спиртомъ, но на практикѣ они сводятся къ нулю. Путешествуя, лѣтомъ 1901 года, по сѣвернымъ округамъ, я, между прочимъ, во всѣхъ портахъ просматривалъ пароходные коносаменты и я не видѣлъ ни одного коносамента, гдѣ въ числѣ товаровъ видное мѣсто не занимали-бы спиртные напитки.

Говорить здѣсь о томъ, кому и сколько было доставлено въ прошлую навигацію спирта я не буду, потому что сыскная часть меня не касается, хотя вопросъ о торговлѣ спиртомъ въ сѣверныхъ округахъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія начальства.

По моему мнѣнію, слѣдуетъ разрѣшить свободную торговлю спиртомъ: запретный плодъ не такъ сладокъ, цѣна спирта упадетъ, и спиртъ не будетъ уже служить средствомъ къ грабежу нашихъ сѣверянъ. Пусть пьетъ инородецъ спиртъ, но пусть его, одурманеннаго, не грабятъ, пусть не расхищаютъ его достоянія, пріобрѣтеннаго дорогою цѣною, потому что жизнь сѣвернаго промышленника сопряжена съ постоянными опасностями: деретъ промышленника медвѣдь, тонетъ онъ въ морѣ, гоняясь за морскимъ звѣрямъ, замерзаетъ онъ въ тундрѣ, застигнутый пургой. Надо защитить сѣверянина отъ грабителей, отъ разбойниковъ, вооруженныхъ не кистенемъ и ножомъ, а бутылкою спирта, и нападающихъ на сѣверянина не въ темномъ бору, а въ его собственной юртѣ... съ глазами ласковыми, радушно предлагающими своей жертвѣ стаканъ спирту...

О торговыхъ оборотахъ Петропавловской округи можно судить изъ таблицы, приложенной въ концѣ книги.—Ярмарокъ въ округѣ нѣтъ. Устроенныхъ путей со-

общенія тоже нѣтъ. Сообщеніе производится—лѣтомъ верхомъ на лошадяхъ—по протоптаннымъ тропинкамъ и по рѣкамъ на батахъ, а въ зимнее время—на собакахъ и оленяхъ. Перевозка грузовъ для торговли совершается, главнымъ образомъ, на собакахъ, запряженныхъ въ нарты и повозки, по 7 и 20 штукъ, а иногда и болѣе. Собаки, въ приспособленной для нихъ сбруѣ (алыкъ), привязываются по двѣ въ рядъ на длинныхъ, толстыхъ ремняхъ, прикрѣпляемыхъ къ передку нарты или повозки. Нарты дѣлаются въ видѣ дровенъ, но длиннѣе ихъ, уже въ ходу и значительно легче. Всѣ части нарты скрѣпляются ремнями, чтобы получить нѣкоторую гибкость, необходимую при встрѣчающихся неровностяхъ дороги, рытвинахъ и раскатахъ. Впереди запряженныхъ въ нарту собакъ запрягаются одна или двѣ собаки, обученныя нѣсколькимъ звукамъ, указывающимъ переднимъ собакамъ, въ какомъ направленіи онѣ должны бѣжать. Для болѣе же скорой ѣзды употребляются разнообразные слова и звуки. Задерживаютъ нарту подъ гору, на раскатахъ и останавливаютъ при ѣздѣ такъ называемымъ „оштоломъ", т. е., березовой или рябиновой, толщиною съ вершокъ, немного загнутой, палкой, съ острымъ насаженнымъ на нее желѣзнымъ наконечникомъ. Пропуская „оштолъ" между копыльями нарты въ снѣгъ, задерживаютъ ходъ нарты и удерживаютъ собакъ. Ходъ нарты дѣлается всегда одной мѣры и это дѣлается для облегченія собакъ. Послѣ выпавшаго снѣга дорога бываетъ, обыкновенно, занесена имъ настолько, что она незамѣтна. Первая прошедшая нарта, продавливая полозьями снѣгъ, дѣлаетъ дорогу, слѣдующая нарта, попадая своими полозьями въ накатъ, идетъ уже значительно легче. 12 собакъ, запряженныхъ въ нарту

съ положеннымъ на нее грузомъ, отъ 10—15 пудовъ, проходитъ разстояніе отъ Петропавловска до с. Тигильскаго, въ количествѣ 800 верстъ, не болѣе, чѣмъ въ 20 и не менѣе, чѣмъ въ 10 сутокъ. При перемѣнахъ же въ каждомъ селеніи собакъ, средняя скорость ѣзды по готовой дорогѣ равняется 8 верстамъ въ часъ. Въ лѣтнее же время перевозка необходимыхъ для торгующихъ товаровъ совершается вьюкомъ, на лошади. Вьюкъ не болѣе 5 пудовъ.

Батъ, на которомъ производится сообщеніе по рѣкамъ Камчатки, есть ничто иное, какъ длинное, съ высокими краями и узкими концами корыто, выдолбленное изъ толстаго ствола тополеваго дерева. Лодокъ и другихъ плавучихъ приспособленій въ Петропавловской округѣ нѣтъ. Плывя по теченію рѣки, двое сидящихъ по концамъ бата, приводятъ его въ движеніе двумя небольшими веслами, съ короткими ручками. Для плаванія-же вверхъ по рѣкамъ сидящіе на концахъ бата имѣютъ шесты и упираются ими въ дно рѣки, обыкновенно, неглубокое у береговъ; они быстро двигаютъ батъ съ находящимся на немъ грузомъ и пассажирами; проходятъ такимъ образомъ по 50 верстъ въ день. Самый большой камчатскій батъ можетъ поднять груза до 30 пудовъ. Обыкновенный же батъ до 10 пудовъ.

Въ зимнее время часто случается пурга. Дорога, занесенная снѣгомъ, въ ночное время угрожаетъ путнику возможностью сбиться съ пути. Съ давняго времени во всей округѣ практикуется обычай обставлять дорогу вѣхами. Но при громадныхъ между селеніями разстояніяхъ, ежегодное „провѣшиваніе" дороги трудно и тяжело для населенія.

ГЛАВА VII.

Очеркъ Гижигинскаго края.

3-го августа вернулся съ р. Анадыра пароходъ „Гиринъ". Этотъ пароходъ, возвращаясь во Владивостокъ, долженъ былъ обойти слѣдующіе порты Охотскаго моря: Гижигу, Олу, Охотскъ и Аянъ. Имѣя порученіе начальства побывать въ этихъ портахъ, 7-го августа, въ 8 часовъ утра, я выѣхалъ на „Гиринъ" изъ Петропавловска.

Командиръ „Гирина" разсчитывалъ пройти въ Охотское море 1-мъ Курильскимъ проливомъ, но это, благодаря туману, не удалось. 8-го августа „Гиринъ" взялъ курсъ на 4-й проливъ; по разсчету, мы должны были проходить 4-й проливъ 9-го августа, утромъ, но въ этотъ день стоялъ туманъ, и „Гиринъ", съ 10 часовъ утра, взялъ малый ходъ, двигаясь то впередъ, то назадъ. Часа въ 4 дня туманъ разсѣялся, „Гиринъ" опредѣлился и пошелъ въ проливъ. Мы вышли изъ пролива около 7-ми часовъ вечера и взяли курсъ на сѣверъ, на Гижигу. Наше плаваніе до Гижиги совершалось при такой тихой погодѣ, что мы шли, точно по рѣкѣ; качки ни малѣйшей. Видно много фонтановъ, выбрасываемыхъ китами.

13 августа, около 11 часовъ утра, въ 60 миляхъ отъ Гижиги, мы встрѣтили пароходъ восточной китайской желѣзной дороги „Сунгари".

Видны оба противоположныхъ берега; на нихъ уже нѣтъ зеленаго покрова; берега желтые, безжизненные. Въ 2 часа дня показался берегъ и съ носа „Ги-

рина"; мы, значитъ, достигли самой сѣверной части Охотскаго моря и скоро бросимъ якорь. Идемъ осторожно, малымъ ходомъ, все время бросая лотъ. Но вотъ глубина уже 5 саженъ и идти дальше нельзя. Гиринъ отдалъ якорь. Съ палубы корабля не видно ни малѣйшихъ признаковъ существованія на берегахъ человѣка; однѣ голые горы, гдѣ песчаныя, гдѣ скалистыя. Справа отъ парохода, миляхъ въ четырехъ, заливъ, окруженный отдѣльно стоящими камнями, на разстояніи другъ отъ друга миля—двѣ; этотъ заливъ—Чайбуха; онъ, говорятъ, удобенъ для якорной стоянки; въ Чайбуху впадаетъ и рѣчка, а вверхъ по этой рѣчкѣ растетъ хорошій тополевый лѣсъ.

Когда „Гиринъ" отдалъ якорь, немедленно стали разводить пары въ катерѣ, чтобы идти искать Гижигу, которая не видна съ палубы парохода, въ которой никто изъ прибывшихъ на пароходѣ никогда не бывалъ, но въ которую на нашемъ пароходѣ шло 1300 мѣстъ груза, всего на сумму до 100 т. руб. Черезъ часъ катеръ былъ готовъ; взяли на катеръ и меня. Мы отвалили отъ парохода въ 5 часовъ вечера. Погода была великолѣпная. Съ катера идетъ учащенная пальба по лахтакамъ, нерпамъ, ларгамъ, акибамъ и бѣлухамъ, головы которыхъ поминутно показываются то тамъ, то сямъ. Морскихъ звѣрей здѣсь—видимо невидимо. Мы шли на катерѣ со скоростью 8 миль въ часъ; часа черезъ два вмѣсто „Гирина" мы видимъ уже на рейдѣ какой то силуетъ, съ длиннымъ чернымъ хвостомъ, подымавшимся отъ его трубы къ небу, а съ 8 часовъ вечера, т. е., черезъ три часа ходу, мы видѣли какую то точку, а затѣмъ и точка скрылась: такъ далеко остановился „Гиринъ"!

„Гиринъ„ скрывается изъ вида, но за то берега видны все

болѣе и болѣе отчетливо. На горѣ, замыкающей у рѣчки Гижиги морской заливъ, стала различаться какая-то сѣрая масса. Это гижигинскій маякъ. На немъ никогда никто не живетъ, никакихъ сигналовъ съ него никогда не подавали, но онъ стоитъ на горѣ уже третій десятокъ лѣтъ, стоитъ и разрушается самъ собою. Маякъ этотъ никому здѣсь не нуженъ и его никто не ремонтируетъ.

Вошли въ устье р. Гижиги; мелко, не болѣе 5 футовъ; на обоихъ берегахъ устья огромныя отмели, видимо, болотистыя. Тучи чаекъ, утокъ, гагаръ и проч. морской птицы носятся надъ этими отмелями, то садясь на нихъ, то улетая съ нихъ. Въ то время, когда мы входили въ устье р. Гижиги, вода шла на убыль, оставляя на отмеляхъ морскія ракушки и проч., и птицы кормились. Прошли устьемъ милю—двѣ; идемъ ощупью, то ткнемся въ мель, то ткнемся въ карчагу, лежащую на днѣ. Вечерѣло. Миляхъ въ трехъ видны постройки, но нигдѣ невидно ни людей, ни лодки. Идти дальше нельзя. Бросили якорь. Часовъ около девяти завидѣли лодку. То шелъ лоцманъ.

Уже было совсѣмъ темно, когда лодка подошла къ катеру. Оказалось, что теперь нельзя подойти къ берегу; вода идетъ на убыль и катеръ скоро совсѣмъ обсохнетъ. Лоцманъ посовѣтовалъ катеру идти обратно на пароходъ, а завтра, къ тремъ часамъ ночи, буксировать сюда уже товары. Катеръ принялъ лоцмана и пошелъ назадъ, а я перешелъ на лодку.

Казаки, что сидѣли на лодкѣ, вполнѣ гармонировали съ этими угрюмыми, безжизненными мѣстами. Гребутъ молча; не слышно ни шутки, ни какого-бы то ни было слова.

— Держи, паря, право-о-о! „Здѣсь мелко—о-о-о, гово-

ритъ рулевой гребцамъ, но говоритъ эту фразу заунывно, тоскливо, безжизнено.

Наша лодка поминутно садится на мель; въ иныхъ мѣстахъ ее приходится перетаскивать шаговъ на 10—15. Горятъ фонари, указывающіе фарватеръ, но горятъ зря, безъ толку. Въ прибылую воду здѣсь можно идти и безъ фонарей, ибо вода доходитъ до 15—20 футовъ, а въ убыль воды—на фарватерѣ нѣтъ ея совсѣмъ, и куда не ткнись—не больше 2—3-хъ вершковъ. Часовъ около 11 вечера лодка подошла, наконецъ, къ берегу, гдѣ построена „Кушка".

Кушка построена по фантазіи одного изъ гижигинскихъ окружныхъ начальниковъ добраго стараго времени; на ея постройку израсходовано казенныхъ денегъ до 15 т. рублей, но зачѣмъ строили Кушку, кому она нужна—этого никто не скажетъ. Сказать, что Кушка ближе де къ морю, чѣмъ мѣстечко Гижига, нельзя, ибо нельзя-же сказать, что пароходъ, останавливаясь въ 35 верстахъ отъ этой Кушки, на совершенно открытомъ рейдѣ, близокъ къ ней. А что касается гижигинскихъ казаковъ, то Кушка является для нихъ бичомъ Божіимъ.

Каждый день, въ теченіе уже свыше тридцати лѣтъ, ходятъ на Кушку изъ Гижиги по 6—8 казаковъ. Ходятъ казаки и лѣтомъ, ходятъ и зимой; ни морозы ни пурги, ни разлитіе р. Гижиги, ни иныя стихійныя явленія не препятствуютъ этому хожденію. Тяжелымъ бременемъ легла Кушка на гижигинскихъ казаковъ.

На Кушкѣ расположены казенные склады, тутъ и резиденція окружнаго начальства. Зданія на Кушкѣ пришли въ полную ветхость; они уже разваливаются, и нужно пожелать только, чтобы на ихъ ремонтъ не было отпущено ни одной копѣйки.

Съ саморазрушеніемъ сказанныхъ зданій на Кушкѣ связанъ вопросъ о переносѣ резиденціи окружнаго начальника и состоящаго въ его вѣдѣніи окружнаго управленія.

Куда бы не была переведена эта резиденція, въ Гижигу ли, или на Чайбуху—казакамъ будетъ легче, ибо тогда казаки не будутъ ходить за 25 верстъ въ караулы и на дежурства.

Кушка состоитъ изъ слѣдующихъ построекъ: дома для окружнаго начальника, площадью 24 арш. × 12 арш., высотою 4 арш.; домъ состоитъ изъ 4-хъ свѣтлыхъ и просторныхъ комнатъ, но жить въ этомъ домѣ опасно лѣтомъ, а зимою безусловно нельзя жить; полы погнулись, и площадь пола каждой комнаты лежитъ въ особой плоскости, подъ угломъ къ сосѣдней, такъ что въ одной комнатѣ полы имѣютъ наклонъ въ одну сторону, въ другой въ другую, въ третьей въ третью; полы трещатъ подъ ногой, такъ вотъ и кажется, что сейчасъ провалишься. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о потолкѣ; онъ тоже погнулся и имѣетъ выпуклую форму. Вопросъ во времени, но потолокъ непремѣнно рушится, ибо всѣ его балки погнулись и имѣютъ дугообразную форму. Печи разваливаются, трубы разваливаются. Словомъ, жить въ домѣ, занимаемомъ начальникомъ Гижигинской округи, рѣшительно опасно: того и гляди рушится потолокъ или провалится полъ, а зимою, кромѣ того, незьзя топить печей, и нынѣшній окружный начальникъ текущую зиму собирался проводить въ помѣщеніи окружнаго управленія, также ветхаго и холоднаго зимою; но то помѣщеніе можетъ быть отапливаемо, а затѣмъ г. Веденскій намѣренъ былъ все помѣщеніе управленія обить звѣриными шкурами, и даже

снаружи. Будетъ, пожалуй, тепло, но какъ скажется эта обивка шкурами всего помѣщенія на здоровьи начальника округи и его семьи—другой вопросъ.

Помѣщеніе помощника окружнаго начальника, хотя и небольшое, 12 арш.×9 арш., вполнѣ пригодно для жилья; оно новенькое; зимою, говорятъ, въ немъ тепло.

На Кушкѣ имѣется казарма для караула и казаковъ, приходящихъ сюда изъ Гижиги по разнымъ дѣламъ; казарма такъ ветха, что въ зимнее время она укрываетъ казаковъ лишь отъ вѣтра и пурги, но температура казармы ничѣмъ не разнится отъ температуры наружнаго воздуха.

Склады для казенныхъ припасовъ великолѣпные: такихъ складовъ нѣтъ ни въ одной изъ сѣверныхъ округъ. Лѣсъ новый, лиственничный, не менѣе 5 вершковъ въ отрубѣ; пороховой погребъ тоже хорошъ. Въ виду того, что окружнымъ начальникомъ уже испрашивается кредитъ на поправку казенныхъ зданій на Кушкѣ, главнымъ образомъ, дома окружнаго начальника,—своевременно возбудить вопросъ объ упраздненіи Кушки. Ея существованіе рѣшительно ничѣмъ не оправдывается и, бросая Кушку, только и жалко будетъ зданій для складовъ и, частію, дома помощника окружнаго начальника, а что касается дома окружнаго начальника, то тамъ могутъ быть годными въ дѣло только бревна, а все остальное можно сжечь.

При рѣшеніи вопроса о переносѣ резиденціи окружнаго начальника, слѣдуетъ принять во вниманіе заливъ Чайбуху, противъ котораго останавливаются пароходы и въ который, какъ говорятъ, они могутъ входить и подходить къ берегу чуть-ли не вплотную. Тогда вопросъ о разгрузкѣ судовъ упростится, а те-

перь разгрузить судно на гижигинскомъ рейдѣ дѣло очень трудное. Даже маленькій вѣтеръ разводитъ на этомъ рейдѣ такую волну, что она, заливая катеръ, можетъ залить и его топку, что, при волненіи, довольно опасно.

Выше я сказалъ, что „Гиринъ“ привезъ для Гижиги 1300 мѣстъ груза; при хорошихъ разгрузочныхъ средствахъ этого парохода (два баркаса, подымающихъ по тысячѣ пудовъ груза, и паровой катеръ для ихъ буксированія) и при хорошей погодѣ, сгрузить эти 1300 мѣстъ можно-бы въ 3, много въ 4 дня, но вѣтры и доступность устья Гижиги для пароваго катера и баркаса только въ полую воду задержали „Гиринъ“ въ Гижигѣ 17 сутокъ. ибо въ иные дни нечего было и думать пускать катеръ на Кушку.

Если резиденція окружнаго начальника будетъ перенесена на Чайбуху, то разгрузка пароходовъ въ Гижигѣ будетъ также удобна, какъ и въ Петропавловскѣ и въ Аянѣ, но тогда явится вопросъ о перевозкѣ груза въ Гижигу, на разстояніе почти 60 верстъ.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ и о переносѣ на Чайбуху и мѣстечка Гижиги. Вопросъ старый, подымавшійся еще при графѣ Сперанскомъ, но ничего, кромѣ убытковъ казнѣ, не давшій.

Предрѣшать вопросъ о мѣстонахожденіи Кушки крайне трудно, ибо съ этимъ вопросомъ связывается и вопросъ о переносѣ Гижиги, построенной прямо на тундрѣ и не имѣющей на своемъ нынѣшнемъ мѣстѣ ровно никакихъ удобствъ и, въ тоже время, подверженной бѣдствіямъ отъ разлитія рѣки Гижиги. Вопросъ этотъ очень сложенъ и для его сколько нибудь основательнаго рѣшенія необходимо пожить въ Гижигѣ, а не про-

ѣхать, такъ сказать, мимоходомъ. Этотъ вопросъ, какъ я выше замѣтилъ, будетъ поднятъ окружной администраціей и я обязываюсь высказать здѣсь, что, какъ-бы не рѣшался сей вопросъ, но Кушку, во имя человѣколюбія, слѣдуетъ упразднить. Кушка является тяжелымъ бременемъ для гижигинскихъ казаковъ. По моему мнѣнію, Гижига ничего не потеряетъ, если переселится на заливъ Чайбуху: тамъ есть рѣчка, можно, слѣдовательно, ловить рыбу; къ берегу этого залива могутъ подходить пароходы, а затѣмъ облегчится промыселъ морскихъ звѣрей, составляющій въ обиходѣ гижигинца видную статью его хозяйства. Я, впрочемъ, отнюдь не настаиваю на заливѣ Чайбухѣ, ибо за 17 дней своего пребыванія въ Гижигѣ я не могъ ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ условіями гижигинской жизни. На Кушкѣ живетъ только гижигинское начальство да проводятъ дни нарядовъ казаки, а центромъ жизни Гижигинскаго края является мѣстечко Гижига.

Это мѣстечко, расположенное на лѣвой сторонѣ рѣчки Гижиги, имѣетъ видъ крайне жалкій и бѣдный, особенно теперь, когда населеніе этого мѣстечка, въ зиму 1899—1900 года, перенесло страшное бѣдствіе.

Въ эту зиму, съ конца декабря 1899 года и по апрѣль 1900 года, Гижигинскій край посѣтила эпидемія кори; эта эпидемія, завезенная изъ Камчатки торгующимъ Федоромъ Косыгинымъ, не страшная въ городахъ, гдѣ есть и врачи, и аптеки, и возможность соблюдать различныя предписанія врачей относительно діеты и гигіены вообще, приняла въ далекой Гижигѣ угрожающіе размѣры, и картина бѣдствія населенія отъ кори, въ общемъ, такова.

Зима 1899—1900 года была въ Гижигѣ лютая, хо-

лодная; пурга свистѣла недѣлями; снѣгу была такая масса, что всю Гижигу, можно сказать, засыпало снѣгомъ, изъ подъ котораго торчали лишь крыши домовъ, а передъ дверями, занесенными сугробами, вырывались въ снѣгу тонели, которые служили для входа и выхода людей.

Болѣзнь началась 27-го декабря 1899 г., причемъ первымъ заболѣлъ зауряд—сотникъ Егоръ Падеринъ, который второго января 1900 года, вслѣдствіе осложненій кори, отдалъ Богу душу.

Ко дню смерти Падерина, т. е. ко 2-му января, изъ 600 жителей Гижиги уже заболѣло до 100 человѣкъ, а въ серединѣ января болѣзнь приняла такіе размѣры, что изъ всѣхъ жителей Гижиги здоровыхъ было только 18 человѣкъ, а остальные всѣ поголовно заболѣли; болѣли цѣлыя семьи, такъ что дома оставались неотапливаемыми, ибо некому было сходить за дровами и истопить каминокъ. Смертность приняла такіе размѣры, что, 12-го января 1900 года, въ одинъ день умерло 14 человѣкъ, а затѣмъ не проходило того дня, чтобы не было въ Гижигѣ 4—8 смертей. О похоронахъ покойниковъ не могло быть и рѣчи, ибо некому было копать могилъ, и трупы умершихъ сносились въ два отдѣльные дома, гдѣ и складывались въ кучу, причемъ, къ 9-му марта, когда болѣзнь пріутихла, въ трехъ домахъ, обитатели которыхъ вымерли поголовно, было сложено 157 труповъ. Изъ этихъ 157 покойниковъ не всѣ, однако, умерли отъ кори, а многіе, особенно дѣти, замерзли живыми; такъ, напр., въ семьѣ гижигинскаго казака Бѣломойнова, 10-го января, умеръ глава семьи, самъ Бѣломойновъ; вечеромъ того-же дня его жена стала мучиться родами и ей Богъ далъ сына, но только появился

на свѣтъ новый гижигинецъ, какъ его мать, ослабленная родами, заболѣла корью, нашедшей для себя на столько благопріятную почву, что, 11-го января, къ вечеру, родильница умерла, а новорожденный такъ и не дождался слѣдующаго дня; онъ замерзъ въ ночь съ 10-го на 11-е января; племянникъ Бѣломойнова, также больной, 11-го января, въ полдень, пытался затопить каминокъ, но онъ съ лучинкой въ рукахъ такъ и свалился у каминка, не успѣвши его затопить.

И вотъ картина, когда здоровые заглянули въ домъ Бѣломойнова: племянникъ, съ лучинкой въ рукахъ, лежитъ мертвымъ при входѣ, у каминка; немного дальше лежитъ мертвый глава семейства, казакъ Бѣломойновъ; а на кровати лежитъ мертвая его жена, а съ нею рядомъ, кое какъ завернутый въ кухлянку, лежитъ новорожденный. Но не вся семья вымерла; на другой кровати маялся безъ сознанія мальчикъ, 11 лѣтъ; его голова горитъ, а ноги отмерзли *).

Такая картина, какъ описанная, имѣла мѣсто во многихъ семьяхъ, ибо теперь въ Гижигѣ 7 домовъ, обитатели которыхъ вымерли поголовно, а про Бѣломойнова я разсказалъ не въ видѣ исключенія, а для иллюстраціи картины бѣдствія, постигшаго Гижигу въ зиму 1899—1900 г.

Вотъ при такихъ то тяжелыхъ условіяхъ самоотверженно послужили бѣдствующему населенію два лица: помощникъ начальника Гижигинской округи Анкудиновъ**),

*) Впослѣдствіи этотъ мальчикъ всетаки умеръ, причемъ причину его смерти гижигинцы объясняютъ тѣмъ, что отмороженныя ноги, не будучи во время ампутированы, повлекли за собою дальнѣйшія поврежденія организма, окончившіяся смертью мальчика.

**) Бывшій начальникъ округи, с. с. Пржевалинскій, также заболѣлъ корью; онъ, положимъ, оправился отъ этой болѣзни, но, лѣтомъ 1900 года, всетаки умеръ, причемъ причина его смерти, какъ мы слышали, имѣетъ большую связь съ корью.

бывшій помощникомъ Н. Л. Гондатти въ Анадырскомъ краѣ, и г. Янковскій, сынъ нашего коннозаводчика.

Эти два лица, будучи въ числѣ 18, которыхъ пощадила эпидемія, поработали съ конца декабря 1899 года по апрѣль 1900 года такъ, какъ могутъ работать люди возлюбившіе ближняго больше самого себя и готовые отдать ему душу не на словахъ, а на дѣлѣ. Они раздѣлили Гижигу на участки и привлекли всѣхъ здоровыхъ къ уходу за больными, а уходъ былъ нуженъ вотъ какой.

Корь, постигшая Гижигинскій край, осложнялась чрезвычайнымъ разстройствомъ желудка, и вотъ здоровый, подавая помощь больной семьѣ, прежде всего, долженъ былъ вынести въ покойницкую трупы, затѣмъ обмыть больныхъ отъ экскрементовъ, затѣмъ принести дровъ, затопить каминокъ, сварить какую нибудь ѣду, а затѣмъ уже ухаживать, собственно, за больнымъ: ставить ему клизмы, компрессы, давать лѣкарства и проч.

А какъ много было больныхъ, какъ много приходилось выносить труповъ, обмывать прикованнаго къ смертному одру больного необычайнымъ поносомъ, какъ, вообще, трудно приходилось здоровымъ и, главнымъ образомъ, Анкудинову и Янковскому, про то говорятъ цыфры, которыя мы вновь повторимъ: населенія 600 душъ, изъ нихъ здоровыхъ, въ самый разгаръ болѣзни, 18 человѣкъ; число смертей, главнымъ образомъ, за январь 160 челов.

Помощи извнѣ ждать было нечего, и гижигинцы обратились къ взаимопомощи; между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1300 рублей, причемъ купецъ Брагинъ, лежа на смертномъ одрѣ, нацарапалъ на подписномъ листѣ „зертвую 1000 руб.“,

а другіе—кто сто, кто 10 (меньшей суммы нѣтъ); могли подписать что либо всего 9 человѣкъ, и они подписали щедро; собранные 1300 рублей пошли на дѣло призрѣнія сиротъ, которыхъ эпидемія лишила родителей и, вообще, тѣхъ, которые кормили ихъ.

Эпидемія стала ослабѣвать съ середины февраля, а въ мартѣ уже стали выпадать по два дня подрядъ, обходившіеся безъ случаевъ смерти, а къ концу марта многіе повыздоровѣли и общими силами были выкопаны двѣ братскихъ могилы, въ которыя и были перенесены 157 *) покойниковъ и похоронены, конечно, безъ гробовъ.

Въ наружномъ видѣ Гижигѣ остались слѣды описаннаго бѣдствія: навѣсы изъ подъ рыбныхъ вѣшалъ остались безъ крышъ, ибо таковыя употреблены на топку каминковъ, да 7 домовъ стоятъ заколоченными: ихъ обитатели умерли всѣ до единаго и покоятся въ общей братской могилѣ... Много осталось сиротъ, много такихъ, у которыхъ въ нетопленной нѣсколько дней подъ рядъ хатѣ, при температурѣ до—48°R, отмерзли ноги, руки, носъ...

Слѣды эпидеміи, словомъ, были замѣтны и въ мою бытность въ Гижигѣ, спустя полтора года. Много лѣтъ пройдетъ, когда гижигинцы станутъ забывать постигшее ихъ бѣдствіе, но, полагаемъ, не забудутъ они Анкудинова, Янковскаго и другихъ гижигинцевъ, которые, въ дни бѣдствія, поработали, какъ истинные христіане.

Свирѣпствовала корь и среди гижигинскихъ, анадырскихъ и, частію, охотскихъ инородцевъ; много ихъ умерло, но сколько именно и какъ, вообще, протекала эпидемія въ инородчекихъ стойбищахъ—про то знаетъ одинъ лишь Всевѣдущій Богъ.

*) Первые три покойника, умершіе въ декабрѣ, тогда же и похоронены.

Въ Гижигѣ есть храмъ, обладающій капиталомъ до 8 т. рублей, составленнымъ изъ пожертвованій богатаго гижигинскаго купечества. При храмѣ служитъ священникъ Верещагинъ, гижигинскій старожилъ, живущій здѣсь свыше 20 лѣтъ. Въ Гижигѣ же живетъ и миссіонеръ корякскаго народа, іеромонахъ Валентинъ, бывшій артиллерійскій офицеръ, человѣкъ еще молодой, видимо, преданный своему дѣлу и весьма энергичный. Кромѣ духовенства, въ Гижигѣ живетъ окружный врачъ, статскій совѣтникъ Любимовъ, прослужившій въ сѣверныхъ округахъ свыше 20 лѣтъ, главнымъ образомъ, въ округѣ Гижигинской. Въ составъ Гижигинскаго общества входитъ также и мѣстное купечество: Брагины, Молодовы и Замошниковъ; кромѣ этихъ патентованныхъ торгующихъ, занимается торговлей и фельдшеръ Мироновъ.

Обороты гижигинской торговли, если судить по количеству товаровъ, привезенныхъ въ 1901 году на „Гиринѣ“, довольно значительны, а если судить по обстановкѣ жизни торгующихъ и по количеству числящихся у нихъ капиталовъ, прибыльны. Въ то время, когда въ домахъ гижигинскихъ казаковъ и мѣщанъ всюду просвѣчиваетъ крайняя бѣдность, дома торгующихъ, красивые на видъ, обширные, имѣющіе погреба, сараи и всякаго рода хозяйственныя пристройки, обставлены даже роскошно. Полы домовъ торгующихъ покрыты коврами, выдѣланными изъ оленьихъ шкуръ, съ затѣйливыми рисунками изъ бѣлаго мѣха, съ бобровой оторочкой; мебель у торгующихъ мягкая, въ большинствѣ, изъ краснаго дерева; у купчихи Брагиной хорошее піанино. Гармонируетъ съ меблировкой и чайная, и столовая сервировка, въ которую входитъ множество серебряныхъ

вещей. Въ то время, когда мѣщане и казаки ѣдятъ юкалу да нерпу, торгующіе не отказываютъ себѣ ни въ паштетахъ, ни въ прочихъ дорогихъ деликатесахъ; найдется, при случаѣ, и бутылка—другая лучшаго шампанскаго, стараго портвейна, заграничнаго ликера и т. п.

Въ Гижигѣ очень любятъ и угощать, и угощаться: „это наше единственное утѣшеніе“, говорятъ тамъ.

И праздники, а равно всякаго рода семейныя „торжества проводятся гижигинцами весело и, главное, сыто.

16 августа въ Гижигѣ престольный праздникъ; я былъ на этомъ праздникѣ и скажу о немъ нѣсколько словъ.

Обѣдня служилась соборне приходскимъ священникомъ и миссіонеромъ Валентиномъ; на клиросѣ пѣли человѣкъ 15 гижигинцевъ, преимущественно, фальцетомъ—басъ голосъ грубый и въ Гижигѣ не одобряется, и тамъ ражій дѣтина, любитель попѣть, напрягаетъ всѣ усилія, дабы пѣть „тоненько“. Войдя въ церковь, я думалъ, что поютъ женщины; оказалось, поютъ бородатые мужчины. За обѣдней присутствовала вся Гижига, и церковь была биткомъ набита. Къ правой сторонѣ церкви становятся мужчины, къ лѣвой женщины. У всѣхъ волосы блестятъ,—они намазаны нерпичьимъ жиромъ. Женщины въ шелковыхъ платьяхъ; дѣвушки въ шелковыхъ косынкахъ, замужнія и вдовы въ шелковыхъ кокошникахъ; мужчины въ пинджакахъ московской работы. Стоятъ въ церкви благолѣпно; истово крестятся, отбиваютъ усердные поклоны, вздыхаютъ, а мужчины фальцетомъ подтягиваютъ пѣвчимъ.

Послѣ службы всѣ гижигинцы, не мѣщане и не простые казаки, отправились въ домъ священника поздравить съ праздникомъ; гостей встрѣчаетъ на крыльцѣ

матушка, которая тутъ же благодаритъ каждаго „за посѣщеніе“ и проситъ пожаловать „въ горницу“. Насъ пришло человѣкъ 20; въ ожиданіи батюшки, мы чинно разсѣлись въ залѣ. Всѣ гости въ парадномъ одѣяніи: купчихи въ шелкахъ, купцы въ бѣлыхъ галустукахъ, служащіе въ мундирахъ.

Пришелъ батюшка въ эпитрахили, съ крестомъ; пройдя къ святому углу, онъ началъ праздничное молебствіе. Всѣ подошли къ святому кресту и были окроплены св. водою. Окончивши церковный обрядъ, священникъ сталъ здороваться съ гостями, лобызаясь съ мужчинами и пожимая руку женщинамъ. Въ это время дочери священника вносили въ залу два огромныхъ подноса со стаканами и чашками чаю, подносы съ тарелками, на которыхъ красовались булки, пирожки, абрикосовское печенье, московскіе сухари. Барышни, подойдя къ гостю, кланялись; гость вставалъ, кланялся также, а затѣмъ бралъ стаканъ чаю, а когда онъ накладывалъ въ стаканъ сахаръ, то барышни упрашивали гостя класть сахару побольше, не жалѣть, „потому теперь большой праздникъ“. Пили чай имѣя стаканъ въ рукахъ, ибо столъ стоялъ по близости только трехъ—четырехъ, а народу было человѣкъ 25. Дамы пили чай съ ложечекъ, а мужчины, какъ менѣе чувствительные къ кипятку, пили прямо со стакана. Церемонія чаепитія, сопровождаемая разговорами о погодѣ, а то и о возможности войны съ Германіей, продолжалась больше часу. Когда кончилось чаепитіе, матушка и ея дочери стали вносить въ залу кушанья: пироги, жареныхъ дикихъ гусей, и свѣжихъ, и соленыхъ, жареную и разварную рыбу, отварные оленьи языки; соленую разварную оленину, разныя закуски, въ томъ числѣ и сардины, и расторгуев-

скую паюсную икру, и кусокъ сыру, и разное прочее. Столъ былъ уставленъ обильною ѣдою и выпивкою, въ числѣ которой видное мѣсто занималъ разбавленный водою спиртъ, а для дамъ сладкая наливка, настоянная на морошкѣ или княженикѣ; стояли и бутылки съ дешевенькимъ портвейномъ. Завтракъ былъ a la fourchette; всѣ по очередно подходили къ столу, причемъ дамы, по гижигинскому этикету, брали себѣ микроскопическій кусочекъ какой либо одной снѣди, но хозяйка тутъ-же обижалась на гостью и, вырывая тарелку изъ ея рукъ, накладывала ей, какъ можно больше, но гостья энергично сопротивлялась; одинъ край тарелки въ рукахъ хозяйки, а другой въ рукахъ гостьи; руки и хозяйки, и гостьи заняты, а дочери хозяйки, пользуясь этимъ моментомъ, клали на тарелку огромный кусокъ пирога.

У всѣхъ на тарелкахъ и пироги, и прочія яства, но никто не начинаетъ ѣсть; матушка ставитъ на подносъ множество рюмокъ; на другой подносъ дочь матушки ставитъ бутылки и начинается церемонія обнесенія гостей виномъ; процессію сопровождаетъ и самъ хозяинъ; подходятъ къ каждому и каждому кланяются и всѣ отказываются, и чѣмъ энергичнѣе гости отказываются, тѣмъ поклоны ниже, тѣмъ чаще повторяется: „не обидьте, не обезсудьте, пожалуйте"! Но вотъ рюмка взята; прикоснулись къ ней губами и ставятъ ее обратно на подносъ, и опять поклоны, и опять просьбы, пока гость или гостья не выпьетъ все до дна.

Глубокою стариною вѣетъ отъ этихъ милыхъ, истинно русскихъ обычаевъ. Едва ли они сохранились гдѣ, но, сидя у батюшки во время поздравленія его гижигинцами съ престольнымъ праздникомъ, я мысленно переносился въ 17-й вѣкъ; передо мною точно демонстрировали

старинно-русскіе обычаи, отъ которыхъ теперь, увы, осталось лишь воспоминаніе, да и то въ книжкахъ, въ родѣ Забѣлина.

Отъ батюшки пошли уже по всей Гижигѣ, причемъ тѣ изъ визитеровъ, домъ которыхъ былъ на очереди, уходили изъ предшествовавшаго дома и встрѣчали у своихъ сѣней всю ватагу визитеровъ съ тѣми же низкими поклонами, съ тѣми же церемоніями, съ какими встрѣчала насъ и матушка. Чѣмъ больше дѣлали мы визитовъ, тѣмъ больше знакомились другъ съ другомъ, тѣмъ больше наша компанія оживлялась и веселѣла. Послѣднимъ визитомъ былъ визитъ къ купчихѣ Брагиной, гдѣ есть піанино. Угощеніе обильное, комнаты просторныя, хозяйка привѣтливая, а тутъ и на піанино забренчали...

Отмѣнно хорошо провелъ я престольный праздникъ въ Гижигѣ, да и гдѣ можно себя чувствовать такъ, какъ въ гостяхъ у состоятельнаго гижигинца, который прямо не знаетъ, куда васъ посадить, чѣмъ угостить?! Тутъ гостепріимство неподдѣльное, чуждое какихъ либо условностей и разсчетовъ. Здѣсь принимаютъ гостя потому, что любятъ гостя и сами любятъ гостить.

Состоятельные гижигинцы, къ чести ихъ будь сказано, очень отзывчивы къ нуждѣ и горю, зачастую постигающимъ мѣщанское и казачье населеніе Гижиги, причемъ, помогая нуждающимся, гижигинцы помагаютъ широко. Подписка всегда производится на листахъ, имѣющихъ слѣдующую стеоритипную надпись: „мы, нижеподписавшіеся, сколько у кого противъ фамиліи обозначено, обязуемся мы всѣ, подписавшіеся, или наши наслѣдники, уплатить для такой то цѣли. И да поможетъ намъ Господь Богъ“. Суммы собираются солидныя; такъ, послѣ эпидеміи кори, въ пользу остав-

шихся сиротъ пожертвовали: купецъ Василій Брагинъ 1000 руб., помощникъ начальника округи Анкудиновъ 100 руб., начальникъ округи, покойный Пржевалинскій 100 руб., торгующій Замошниковъ 100 руб., священникъ Черныхъ 20 руб., врачъ Любимовъ 100 руб., Янковскій 100 руб., купецъ Молодыхъ 100 руб., купчиха Брагина 100 руб.; затѣмъ идутъ болѣе мелкія суммы.

Въ зиму 1897—1899 г. г., по случаю недохода рыбы, была голодовка, и подписка между состоятельными гижигинцами дала въ пользу нуждающихся 940 рублей 10 коп. Кромѣ такихъ нуждъ, какъ голодовка или эпидемія, гижигинцы не прочь жертвовать и на такія дѣла, какъ покупка миссіонерскаго дома, на что было собрано 500 рублей.

Нужно сказать, что гижигинцы, вообще, отзывчивы ко всякой нуждѣ, и подписки тамъ обычное явленіе, ибо надѣяться тамъ на какую бы то ни было помощь извнѣ не приходится.

Населеніе Гижиги, какъ я выше замѣтилъ, живетъ бѣдно, и такой бѣдноты, какъ въ Гижигѣ, я нигдѣ не видѣлъ. Вся жизнь гижигинца зависитъ отъ хорошаго хода рыбы да удачливаго промысла морскаго звѣря. А что касается земноводныхъ звѣрей, то гижигинцы, за неимѣніемъ оружія, почти совершенно не занимаются промысломъ.

Русское населеніе гижигинскаго края, находясь въ полной зависимости отъ стихійныхъ явленій, каковы: ранній ледоходъ, споръ льда у устья рѣки, вѣтры во время хода рыбы и проч. т. п., бѣдствуетъ и тогда, когда его сосѣди, коряки, тунгусы и ламуты, сыты, ибо у нихъ есть и ружье, хотя и фитильное, у нихъ есть и стадо оленей. У русскихъ же есть только сѣтки для

ловли рыбы, да дырявый баркасъ, на которомъ нельзя промышленнику выйти въ море. Гижигинцы, собственно говоря, ѣдятъ только то, что само идетъ къ нимъ въ руки; они совершенно чужды духа какой бы то ни было предпріимчивости. Гижигинское купечество очень мало торгуетъ, собственно, съ гижигинцами, ибо у послѣднихъ нѣтъ ни пушнины, ни денегъ, а торгуютъ купцы съ инородцами и, главнымъ образомъ, съ богатыми оленными чукчами Анадырскаго края, и этотъ торгъ гижигинскихъ торгующихъ съ чукчами является подспорьемъ для населенія Гижиги, которое поголовно занимается доставкой купеческихъ товаровъ на ярмарки, какъ въ Гижигинской округѣ, такъ и въ округѣ Анадырской. Зимній извозъ даетъ гижигинцамъ средства къ покупкѣ чаю, сахару, табаку, муки, одежды, словомъ, всего того, что имъ необходимо и что продаютъ торгующіе.

Такимъ образомъ, жизнь гижигинца составляется: изъ рыбнаго промысла во время хода рыбы, изъ промысла морскаго звѣря, причемъ послѣдняго стараются укараулить обсохшимъ на берегу, а затѣмъ изъ зимняго извоза на собакахъ. Есть, правда, нѣсколько жителей, у которыхъ есть ружья и которые уже пробовали ходить за медвѣдемъ, но это единичные случаи.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня въ гижигинскій заливъ идетъ несмѣтное количество рыбы, называемой „уекъ". Эта рыба и видомъ, и вкусомъ напоминаетъ ревельскую кильку, но килька-ли она, или другая какая рыба—я не могу сказать. Уекъ идетъ такою массою, что берега гижигинскаго залива, въ двадцатыхъ числахъ іюня, на десятки верстъ покрываются слоемъ уйковъ, выбрасываемыхъ на берегъ морскимъ прибоемъ, свыше 2 аршинъ въ вышину и до 15 аршинъ въ ширину. Слой

уйковъ, б. можетъ, тянется и на сотни верстъ, да дальше 40 верстъ отъ устья Гижиги никто не ѣздилъ и не хаживалъ; на протяженіи 40 верстъ видали слой уйковъ, но что дѣлается дальше, того никто не знаетъ. Кромѣ уйковъ, идетъ въ этихъ мѣстахъ селедка, и тоже огромными массами, но и селедку никто изъ гижигинцевъ не ловитъ, и только чайки пируютъ во время хода селедки; онѣ не ѣдятъ уже тогда рыбьяго мяса, а проклевываютъ у селедокъ только одинъ мозгъ.

Гижига частенько голодаетъ и будетъ она голодать до тѣхъ поръ, пока ея населеніе будетъ оставаться въ той кромѣшной умственной тьмѣ, въ каковой оно находится нынѣ. Гижигинецъ чрезвычайно апатиченъ ко всему. Онъ не слышалъ о чемъ либо лучшемъ, чѣмъ безлюдная холодная тундра его родины, и Богъ одинъ вѣдаетъ, когда умственный кругозоръ гижигинца расширится настолько, что онъ пожелаетъ извлечь пользу и изъ уйковъ, и изъ селедки, и изъ массы морскихъ звѣрей, водящихся въ морѣ.

Во всякомъ же случаѣ, слѣдуетъ возможно скорѣе вооружить казвковъ, а вооружая, научить ихъ обращаться съ оружіемъ, ибо теперь они не умѣютъ взять берданку и въ руки. Тогда, быть можетъ, гижигинцы не оставятъ безъ вниманія ни медвѣдей, ни великолѣпныхъ гижигинскихъ красныхъ лисицъ, ни бѣлокъ. Вся пушнина, что идетъ съ Гижиги, добыта не русскими, а исключительно инородцами. Нужно, чтобы и русскіе промышляли пушного звѣря, а для этого надо дать ружья, хотя бы однимъ казакамъ.

Въ Гижигѣ занимаются немного и огородничествомъ, и скотоводствомъ, но въ крайне незначительныхъ размѣрахъ. На огородахъ сѣютъ, главнымъ

образомъ, рѣпу, которая служитъ единственнымъ десертомъ гижигинца, подаваемымъ на столъ въ качествѣ нашихъ яблокъ, винограда и т. п.

Въ Гижигѣ имѣется 39 коровъ; молока гижигинскіе коровы даютъ мало и молока еле хватаетъ дѣтямъ. Собакъ въ Гижигѣ 600 штукъ; въ Гижигѣ собакъ не привязываютъ, какъ въ Петропавловскѣ, а онѣ круглое лѣто бѣгаютъ на волѣ, промышляя въ рѣчкахъ и озерахъ рыбу, причемъ собаки ѣдятъ лѣтомъ только рыбьи головки, и лѣтомъ всѣ ближашіе къ Гижигѣ берега рѣчекъ усѣяны рыбою безъ головъ.

Есть въ Гижигѣ и 35 лошадей, но лошади здѣсь не имѣютъ экономическаго значенія; онѣ служатъ лишь для поѣздки иной разъ верхомъ на Кушку, да на наяханскую ярмарку,въ 300 верстахъ отъ Гижиги, начинающуюся 29 го іюня, а кончающуюся 10 іюля. На эту ярмарку прикочевываютъ тунгусы, привозя добытую за зиму пушнину: бѣлку, медвѣдя, лисицу и проч., а торгующіе привозятъ изъ Гижиги: чай, сахаръ, табакъ, чайники и проч. металлическія издѣлія. На лошадь грузятъ вьюкъ до 7 пудовъ, причемъ съ каждаго пуда берется по 4 рубля.

Гижигинскому краю нельзя особенно обижаться на природу: тамъ могутъ водиться и лошади, и коровы, можетъ произрастать рѣпа и картофель, много тамъ рыбы, звѣрей, но русское населеніе этого края, крайне неразвитое и апатичное, пока пользуется только ходовою рыбою лососевыхъ породъ, да немного морскимъ звѣремъ, а что касается домашнихъ животныхъ, то тамъ и пользуется вниманіемъ одна лишь ѣздовая собака, а лошадей, если нѣкоторые и имѣютъ, то все-же считаютъ ихъ не стоющими вниманія, ибо, въ зимнее

время, при глубокихъ гижигинскихъ снѣгахъ, лошади не могутъ тамъ не только перевозить грузъ, но онѣ и сами, даже безъ сѣдока, не могутъ двигаться по тундрѣ, занесенной глубокими снѣгами; лошади, случается, проваливаются съ головою, тогда какъ легкая собака свободно идетъ по такимъ снѣгамъ и тащитъ за собою груженую нарту. Собака да ходовая рыба, въ общемъ, даютъ такъ мало мѣстному населенію что оно живетъ въ жалкой бѣдности.

По моему мнѣнію, единственное, что можетъ поднять захудалый Гижигинскій край, это хоть маленькій лучъ просвѣщенія, рука котораго совершенно не касается Гижиги вотъ уже третій вѣкъ.

По мѣрѣ возможности, я сдѣлалъ попытку къ просвѣщенію Гижигинскаго края. При посредствѣ „Приамурскихъ Вѣдомостей", мнѣ удалось собрать 618 руб. добровольныхъ пожертвованій на покупку для того края волшебнаго фонаря и соотвѣтствующихъ чтеній. Московская фирма Трындина уже исполнила заказъ, и на пароходѣ восточной китайской ж. д. „Сунгари", который, по разсчету, придетъ въ Гижигу въ серединѣ іюня с. г., гижигинцы получатъ хорошій фонарь и чтенія со свѣтовыми картинками, всего на сумму 600 руб. На оставшуюся сумму имѣется въ виду выписать книги для чтенія.

Въ Гижинскомъ краѣ, суровомъ, далекомъ и труднодоступномъ, никогда не было и не будетъ мѣстнаго образованнаго человѣка, который отнесся бы къ его населенію съ тою сердечностью и любовію, какихъ заслуживаетъ это, хотя и захудалое, но высоко нравственное населеніе, среди котораго нѣтъ не только воровъ, мошенниковъ и пр., но нѣтъ даже простыхъ

лжецовъ. Гижигинскіе чиновники, не въ обиду будь имъ сказанно, за весьма небольшими исключеніями, больше пекутся о формальной сторонѣ дѣла, о надлежащей отпискѣ съ областными властями, а собственно, бытъ населенія, дѣйствительная жизнь гижигинца едвали интересовала когда гижигинское чиновничество. Гижигинская интеллигенція и гижигинское простонародье это два отдѣльныхъ міра, другъ друга не знающихъ и другъ другомъ не интересующихся, исключая развѣ случаевъ народныхъ бѣдствій, когда имущіе протягиваютъ руку помощи неимущимъ. Этого едвали достаточно...

Я позволилъ себѣ взять изъ Гижиги, на свою личную отвѣтственность, мальчика, казачьяго сына Ивана Падерина, 11 лѣтъ, дабы выработать изъ этого мальчика будущаго интеллигента Гижиги, которому были-бы дороги интересы его далекой и бѣдствующей родины. Этого мальчика мнѣ удалось опредѣлить въ приготовительный классъ хабаровскаго реальнаго училиша. Падеринъ учится не дурно, хотя, конечно, и не блестяще, ибо онъ, до пріѣзда въ Хабаровскъ, кромѣ тундры, да пустыннаго гористаго взморья его далекой родины, ничего не видалъ, и даже тѣ многія понятія, которыя упоминаются въ дѣтскихъ книжкахъ для чтенія, Падерину совершенно неизвѣстны.

Вывозя Падерина изъ Гижиги, я далекъ былъ отъ мысли благодѣтельствовать этого мальчика, но я считалъ и считаю его тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго, съ теченіемъ времени, можно будетъ воздѣйствовать на бытъ и экономическое благосостояніе Гижигинскаго края.

Падеринъ, по моему мнѣнію, имѣетъ право на благотворительность правительства: его дѣдъ и отецъ, природ-

ные гижигинскіе казаки, непрерывно прослужили Великому Государю 102 года, прослужили вѣрой и правдой, получая за свою службу всего 36 р въ годъ, да солдатскій паекъ!

Исходя изъ этого положенія, я разсчитываю, что начальство хабаровскаго реальнаго училища окажетъ свою милость и вывезенному мною изъ Гижиги малолѣтнему казаку наряду съ тѣми учениками, которые пользуются щедротами правительства за службу ихъ отцовъ.

ГЛАВА VIII.

Очеркъ Охотскаго края.

Разгрузка „Гирина" въ Гижигѣ, задерживаемая погодою, затянулась на двѣ недѣли; только 27-го авсуста, къ вечеру, были окончены разсчеты пароходной администраціи съ гижигинскими торгующими и гижигинской администраціей, и окончательный отходъ катера съ Кушки былъ назначенъ въ 9 часовъ вечера этого дня.

Было уже совсѣмъ темно, когда нашъ катеръ отвалилъ отъ берега; мы быстро прошли устье рѣки; выйдя въ море, мы попали и въ туманъ, и въ довольно сильную носовую зыбь; катеръ велъ на буксирѣ два баркаса. Мы шли не болѣе 3-хъ миль въ часъ. Было холодно, а къ тому же насъ поминутно обдавало брызгами волнъ. Было 3 часа ночи, когда мы, иззябшіе, измокшіе, подошли къ „Гирину". Около 5 часовъ утра были подняты на пароходъ и катеръ, и баркасы, и мы снялись съ гижигинскаго рейда и взяли курсъ на Олу.

Переходя къ Охотскому краю, я долженъ бы сдѣлать описаніе физическихъ свойствъ этого края, а равно и быта его населенія. Но я не буду сего дѣлать, такъ какъ я былъ въ Охотскомъ краѣ всего 4 дня, и за эти четыре дня я не могъ составить сколько нибудь яснаго понятія объ общемъ характерѣ Охотской округи, а повторять литературу объ этомъ краѣ—не входитъ въ мою задачу

и я, поэтому, отмѣчу въ настоящемъ очеркѣ лишь то, что наблюдалъ лично.

Снявшись съ гижигинскаго рейда утромъ 28 сентября, 29, около 12 часовъ дня, мы подошли къ с. Олѣ. Лишь „Гиринъ" бросилъ якорь, какъ отъ берега отвалила шлюпка, на которой прибылъ на пароходъ казакъ, завѣдывающій ольскимъ продовольственнымъ магазиномъ. Нашъ пароходъ привезъ въ Олу до 800 мѣстъ груга; грузъ Олу съ каждымъ годомъ увеличивается, и Ола, съ 1894 года, съ окрытіемъ тракта на Колыму, пріобрѣтаетъ значеніе торговаго пункта.

Селеніе это расположено въ $1^1/_2$ верстахъ отъ берега моря, на рѣкѣ того же имени; мѣстность очень красивая. Самое селеніе построено на морской отмели, поросшей густою сочной травою, а за селеніемъ, не болѣе какъ въ верстѣ, начинаются лѣса, которые уходятъ въ горы, обступившія Олу со всѣхъ сторонъ. Въ Олѣ 16 дворовъ; постройки, въ большинствѣ, исправныя, ибо по близости много строеваго лѣсу. Ола состоитъ какъ бы изъ двухъ селеній: лѣтняго и зимняго; первое, лѣтникъ, стоитъ на берегу рѣчки, а второе въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. На лѣтникъ ольцы уходятъ съ началомъ хода рыбы, что бываетъ въ первой половинѣ іюня, и живутъ тамъ до заморозковъ, что бываетъ въ концѣ сентября. На лѣтникѣ дома построены изъ толстыхъ бревенъ и они разнятся отъ зимняго жилья только тѣмъ, что у нихъ нѣтъ потолка, а въ крышѣ, въ самой ея серединѣ, продѣлано дымовое отверстіе, какъ разъ надъ очагомъ, который непрерывно дымится и коптитъ рыбу, подвѣшанную подъ крышей; рыба подвѣшивается на жердяхъ и заполняетъ собою все внутреннее пространство между срубомъ дома и плоскостью крыши; ольскіе

лѣтники существенно отличаются отъ лѣтниковъ камчатскихъ, ибо тѣ скорѣе напоминаютъ курныя бани, тогда какъ ольскіе лѣтники—это хорошіе дома, до 12 арш. × 9, только не имѣющіе потолка и печи.

На вѣшалахъ лѣтниковъ, кромѣ рыбы, видное мѣсто занимаетъ юкала изъ турпановъ. Турпаній промыселъ имѣетъ весьма важное значеніе для Олы. Въ іюлѣ мѣсяцѣ эта морская птица, линяя, собирается въ несмѣтномъ количествѣ къ ольскимъ морскимъ берегамъ; турпанъ, потерявшій во время линьки свои перья, уже не можетъ летать и этимъ пользуются жители Олы.

Турпаны, начиная линять, держатся стадами, штукъ по 50—100, миляхъ въ 10 отъ берега, а затѣмъ морскія теченія все болѣе и болѣе прибиваютъ ихъ къ берегу, и когда турпаны уже подошли къ берегу версты на 2—3, жители, выждавъ хорошую погоду, всѣ поголовно выѣзжаютъ на лодкахъ въ море, причемъ лодки идутъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы обойти турпанье стадо, которое уже исчисляется въ это время десятками тысячъ птицъ, а затѣмъ, отрѣзавши турпанамъ всякій путь въ море, лодки сближаются, постепенно съуживаютъ кругъ, а затѣмъ уже гребутъ прямо на турпанье стадо и гонятъ его къ берегу. Когда глубина не выше пояса, жители выскакиваютъ изъ лодокъ, хватаютъ турпановъ прямо руками и давятъ ихъ, кто веревочкой, а кто и прямо руками. Избіеніе турпановъ длится долго, пока въ пространствѣ залива, отрѣзаннаго отъ моря лодками, не остается ни одного живого турпана, а всѣ они, или, удушенные, погружены на лодки, или успѣли бѣжать. Каждый человѣкъ, выѣхавшій на такой промыселъ, добываетъ не менѣе сотни—двухъ турпановъ,

а на семью въ иной разъ приходится по тысячѣ и болѣе турпановъ.

Разбѣжавшіеся турпаны, примѣрно черезъ недѣлю, опять сбиваются въ стадо и тогда жители Олы такимъ же порядкомъ вновь подгоняютъ ихъ къ берегу и вновь душатъ, хотя второе избіеніе турпановъ и значительно менѣе добычливо, чѣмъ первое.

Во всякомъ же случаѣ, жители Олы добываютъ столько турпановъ, что ихъ хватаетъ и для собственнаго продовольствія, и для ѣздовыхъ собакъ.

Когда турпановъ привозятъ на лодкахъ домой, то, прежде всего, чистятъ ихъ отъ перьевъ, причемъ перо бросается, какъ никому и ни для чего не нужное, а затѣмъ, очистивши отъ перьевъ, срѣзаютъ мягкія части турпана и круто солятъ ихъ, а остовъ турпана, куда входятъ внутренности, кости, ноги и даже голова, вѣшается для сушки и дается затѣмъ собакамъ, какъ юкала.

Вѣшала, конечно, безъ крышъ, а потому и успѣшность сушки турпаньей юкалы зависитъ отъ состоянія погоды: хороша погода и обильное продовольствіе собакъ обезпечено, пошли дожди—турпанья юкала загниваетъ, валится съ вѣшалъ и пропадаетъ, и тогда надежда на рыбу.

Рыба въ Олѣ, какъ и всюду въ сѣверныхъ селеніяхъ, непремѣнно расположенныхъ на берегу такихъ рѣчекъ, по которымъ идетъ ходовая рыба, всегда много, но тоже плохое устройство вѣшалъ служитъ иногда причиной недохватки юкалы, какъ для людей, такъ и для собакъ.

Помимо турпановъ и рыбы, большее значеніе въ продовольствіи ольцевъ имѣетъ скотъ; коровы есть въ каждомъ домѣ, такъ что молочная провизія входитъ въ

постоянный обиходъ ольца. Насколько въ Олѣ доста-дочно молочной провизіи, неимѣющей, конечно, ровно никакого сбыта, видно изъ того, что въ Олѣ гостю не подадутъ простого молока, а подадутъ непремѣнно сливки, да такія густыя, что ихъ можно принять за сметану.

За скотомъ въ Олѣ, какъ и въ другихъ пунктахъ сѣверной окраины Приморской области, нѣтъ ухода, хотя у каждаго дома и есть „стайка" для защиты коровы отъ особо сильной пурги или мороза, когда коровамъ даютъ даже сѣно, тогда какъ въ тихіе зимніе дни коровы добываютъ себѣ кормъ сами, выкапывая его изъ подъ снѣга.

Въ настоящее время Ола, благодаря новому колымскому тракту, имѣетъ нѣкоторый и денежный заработокъ, ибо сюда въ половинѣ августа приходятъ транспорты колымскихъ якутовъ, во главѣ съ якутскимъ казакомъ Калинкинымъ. Вьючный трактъ отъ Колыма до Олы, на протяженіи 600 верстъ, по словамъ якутовъ, очень удобенъ: на всемъ протяженіи этого тракта не встрѣчается ни крутыхъ подъемовъ, ни болотъ, ни болѣе или менѣе значительныхъ рѣчекъ, затруднительныхъ для переправы вбродъ, и колымскій транспортъ, благодаря удобствамъ сказаннаго тракта, выйдя 8-го августа 1901 года съ Колымы, 21 августа прибылъ въ Олу, т. е., въ теченіе 13 дней сдѣлалъ 600 верстъ, въ среднемъ, почти 50 верстъ въ сутки.

Грузъ, который доставляется пароходами для камчатскаго края въ Олу, по разгрузкѣ его съ парохода, хранится въ особыхъ складахъ, выстроенныхъ на берегу лимана р. Олы, въ такомъ его мѣстѣ, куда въ прибылую воду могутъ ходить пароходные катера и баркасы, съ осадкою до 5½ футовъ. Склады устро-

ены капитально, хотя крыши, крытыя корьемъ, немного протекаютъ. Товары, погруженные въ эти склады, частію вывозятся въ Колымскій край лѣтнимъ трактомъ, на лошадяхъ, частію, зимою, на собакахъ и на оленяхъ. За пудъ груза платятъ 3 рубля; на лошадь навьючиваютъ до 7-ми пудовъ груза, на оленью нарту до 12-ти пудовъ, а на собачью до 15-ти пудовъ и даже до 20.

Оленью нарту везутъ два оленя, а въ собачью грузовую нарту запрягаютъ отъ 16 до 24 собакъ. Когда везутъ грузъ олени, то тогда впереди обоза идутъ два наиболѣе сильныхъ оленя, которые разминаютъ глубокій снѣгъ и тѣмъ прокладываютъ дорогу оленямъ, запряженнымъ въ нарты.

Грузовъ въ Олу приходитъ уже такъ много, что въ перевозкѣ ихъ въ Колымскій край принимаютъ нѣкоторое участіе, хотя пока и незначительное, и жители Олы, но, нѣтъ сомнѣнія, что, по мѣрѣ развитія торговли Колымскаго края съ Владивостокомъ и Одессой, жители Олы будутъ принимать все большее и большее участіе въ доставкѣ грузовъ на Колыму, и извозный промыселъ составитъ для Олы видную статью дохода.

Въ 1901 году въ Олу на пароходахъ восточной китайской ж. д. доставлено слѣдующее количество грузовъ: „Сунгари"—5790 пудовъ; тотъ-же пароходъ во второй рейсъ привезъ въ Олу 7000 пудовъ; „Гиринъ"—1100 пудовъ и „Шилка"—4000 пудовъ, а всего въ Олу доставлено пароходами китайской восточной ж. д. 17840 пудовъ груза; это уже такое солидное количество груза, что въ его перевозкѣ въ Колымскій край примутъ участіе и жители Олы. Независимо пароходовъ китайской восточной ж. д., доставляютъ въ Олу грузъ и другіе пароходы, какъ, напр., „Котикъ", „Прогрессъ",

„Байкалъ“, принадлежащіе частнымъ лицамъ. На этихъ пароходахъ, въ навигацію 1901 года, ожидалось свыше 10 т. пудовъ разныхъ товаровъ.

Въ 1894 году, когда открыло въ Олѣ свои операціи приамурское торговое товарищество, оно построило здѣсь обширное деревянное зданіе, въ два сруба; въ этомъ зданіи, за разстройствомъ дѣлъ товарищества, не пришлось никому жить, и зданіе осталось недостроеннымъ и въ немъ, вѣроятно, никто не будетъ жить, такъ какъ Ола сама по себѣ и не имѣетъ значенія торговаго пункта, а является ни болѣе, какъ перегрузочнымъ пунктомъ, причемъ отвѣтственность за сохраненіе и цѣлость товаровъ, идущихъ для колымскихъ купцовъ, всецѣло принимается артелями вощиковъ или подрядчикомъ Калинкинымъ.

По мѣрѣ развитія товарнаго движенія по ольскому тракту, оживаетъ Ола; но это селеніе, дѣлаясь все болѣе зажиточнымъ, не обнаруживаетъ никакихъ заботъ объ образованіи подрастающаго поколѣнія, и школьное дѣло находится въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ: пріѣдетъ въ Олу священникъ (школа здѣсь церковно-приходская, находящаяся въ вѣдѣніи якутскаго епархіальнаго начальства), любящій учить ребятъ, и школа такъ или иначе дѣйствуетъ; нѣтъ такого священника или нѣтъ его вовсе, какъ это имѣло мѣсто въ лѣто 1901 года, ибо священникъ хотя и былъ назначенъ въ Олу, но къ мѣсту служенія еще не прибылъ, школа бездѣйствуетъ, и дѣти школьнаго возраста остаются безъ всякаго обученія, ибо въ этихъ мѣстахъ нѣтъ даже грамотѣевъ изъ запасныхъ солдатъ, функціонирующихъ, напр., въ Южно-Уссурійскомъ краѣ въ качествѣ народныхъ учителей. Школьнаго зданія также нѣтъ,

и дѣти, когда есть учитель священникъ, собираютъ въ часовню, гдѣ имѣется и классная мебель, и шкафъ съ книгами и тетрадями. Въ ольской часовнѣ, въ зимнее время, очень холодно, ибо стѣны не проконопачены, окна ординарныя, полы тоже, печь полуразвалившаяся. Надѣяться на постройку ольцами спеціальнаго школьнаго зданія, конечно, нельзя, ибо у ольцевъ не хватитъ на это средствъ.

По моему мнѣнію, если бы обратиться къ владѣльцу зданія, недостроеннаго приамурскимъ торговымъ товариществомъ съ просьбою подарить его*) для школы, то эта просьба была-бы разрѣшена въ положительномъ смыслѣ.

Обращаетъ на себя вниманіе крайне жалкое положеніе въ Олѣ сифилитиковъ; я видѣлъ въ трехъ семьяхъ больныхъ этой болѣзнью, и въ такой ужасной формѣ, что сердце надрывается отъ жалости, тѣмъ болѣе, что ольскимъ сифилитикамъ никогда не подавали и не подаютъ медицинской помощи. У Алексѣя Бѣляева, по его словамъ,—невыносимо, безъ всякой передышки, вотъ уже 2-й годъ, болитъ голова, и онъ все время, что есть силы, сжимаетъ ее руками; шестилѣтній сынъ Алексѣя Бѣляева, зараженный сифилисомъ еще въ утробѣ матери, тоже страдаетъ головными болями, а на его тѣлѣ появились язвы; больная Марія Бѣляева—вся въ язвахъ и также жалуется на головную боль.

Говорятъ, что въ Олѣ рѣдкій житель не зараженъ сифилисомъ; я не могу утверждать, что всѣ поименованныя лица страдаютъ именно сифилисомъ; быть можетъ, это другая какая болѣзнь, проказа или еще что нибудь

*) Зданіе это находится въ ближайшемъ вѣдѣніи гижигинскаго торгующаго, Владиміра Александровича Замошникова.

да родъ болѣзни, ея названіе—едвали-ли имѣютъ какое значеніе. Я утверждаю лишь, что все населеніе Олы болѣе или менѣе заражено какою то тяжкою болѣзнью; слышалъ, что таже зараза наблюдается и въ другихъ селеніяхъ по берегу Охотскаго моря, отъ Гижиги до Аяна включительно, а потому, казалось бы, необходимо провѣрить мое сообщеніе, а затѣмъ и принять какія либо мѣры помощи болящему населенію охотскаго взморья.

Въ мою бытность въ Гижигѣ и въ Олѣ, я посѣтилъ, между прочимъ, стойбища коряковъ. Народъ этотъ стоитъ на самой первой ступени человѣческаго развитія и, по справедливости, можетъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе первобытныхъ дикарей земнаго шара. Я посѣтилъ два стойбища коряковъ: одно въ 25-ти верстахъ отъ Гижиги, а другое въ 4 верстахъ отъ Олы.

Среди видѣнныхъ мною коряковъ также распространена болѣзнь, видимо, сифилисъ; я видѣлъ старухъ корячекъ, у которыхъ все лицо покрыто зіяющими язвами; такія больныя сидятъ, обыкновенно, при входѣ въ юрту и строгаютъ тальниковыя палки; стружки тальника, тонкія, какъ корпія, вкладываются ими въ язвы, подобно тому, какъ наши врачи вкладываютъ въ раны гигроскопическую вату. Имѣетъ ли тальникъ какое цѣлебное свойство, я не знаю, но инородцы, видимо, признаютъ за этимъ деревомъ извѣстную цѣлебную силу, да къ тому же другихъ какихъ либо средствъ они никогда ни отъ кого и не получали. По моему мнѣнію, сифилисъ, въ самой ужасной его формѣ, съѣдаетъ все населеніе восточнаго берега Охотскаго моря, и необходимо хоть чѣмъ нибуть помочь ему. Изъ селеній этого побережья, какъ на наиболѣе зараженное сифилисомъ, указываютъ на Ямское; у этого селенія, лѣтъ 7 тому

назадъ, стояла американская парусная шхуна, команда которой и заразила многихъ явинскихъ женщинъ, отъ которыхъ сифилисъ широко распространился по всему побережью.

Иностранцы и теперь посѣщаютъ охотское побережье, причемъ въ августѣ мѣсяцѣ 1901 года, въ Олу приходилъ пароходъ „Прогрессъ", принадлежащій владивостокскому купцу Бринеру и зафрахтованный одной американской компаніей для рейса къ охотскимъ берегамъ для покупки живыхъ оленей. Въ Олѣ американцы купили 475 живыхъ оленей, по 11 руб. за оленя, считая по этой цѣнѣ всякаго оленя, какъ ѣзжалаго, такъ и молодого. Американцы, по увѣренію жителей Олы, совсѣмъ не умѣютъ обращаться съ оленемъ. Нагружая оленей на пароходъ, они заказывали мѣстнымъ жителямъ собирать оленій мохъ, причемъ платили за небольшой мѣшокъ моху по 20 коп.—цѣна хорошая и ольцы заработали на сборѣ моха хорошія деньги, такъ какъ ими доставлено на „Прогрессъ" до 10 т. мѣшковъ моху. Для оленей въ трюмѣ парохода былъ сдѣланъ желобъ для воды, но желобъ, сдѣланный неумѣло, протекалъ и, кромѣ того, на пароходѣ, вообще, не могъ быть запасъ воды, достаточный для 475 оленей на весь путь отъ Олы до Америки, и американцы додумались: воды оленямъ не давать, а давать лишь мохъ, смоченный водою, но эта выдумка американцевъ обошлась имъ дорого, такъ какъ олени, не поенные, начали пропадать, и 7-го августа, въ день отхода „Прогресса" съ ольскаго рейда, пало 16 оленей. Нужно думать, что на пути въ Америку пропало много оленей, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ у меня нѣтъ.

Покупка американцами живыхъ оленей не желатель-

на и объ этомъ уже есть соотвѣтствующее распоряже- приморской областной администраціи.

Вблизи Олы проживаетъ много оленныхъ инородцевъ и среди нихъ есть оленеводы, считающіе свои стада въ десятокъ и болѣе тысячъ головъ, какъ, напримѣръ, оленный тунгусъ Гаврила Гавриловъ.

Оленеводство на сѣверѣ Приморской области служитъ нынѣ лишь къ удовлетворенію насущныхъ потребностей оленеводовъ, доставляя имъ матеріалъ для постройки юртъ, одежды и служа, въ тоже время, главнымъ ихъ продовольствіемъ. Торговли оленьими продуктами нѣтъ, не говоря уже о выдѣлкѣ оленьихъ шкуръ. Современемъ, быть можетъ, обратятъ вниманіе на оленя, какъ на животное, которое, не требуя за собою никакого ухода, можетъ не только возитъ, одѣвать и кормить своего владѣльца, но и служить средствомъ къ его обогащенію. Выдѣланная оленья шкура стоитъ большихъ денегъ, и спросъ на оленьи шкуры уже начинается.

Въ навигацію 1901 года ѣздилъ по сѣвернымъ портамъ Приморской области крупный архангельскій фабрикантъ, къ сожалѣнію, еврей, который покупалъ оленьи не выдѣланныя шкуры и знакомился съ мѣстными условіями на тотъ предметъ, чтобы завести въ одномъ изъ пунктовъ сѣверныхъ округъ фабрику, спеціально для выдѣлки оленьихъ кожъ, подобную архангельской. Это обстоятельство указываетъ, что оленоводство Приморской области уже обратило на себя вниманіе промышленнаго міра, и администраціи сѣверныхъ округъ нужно слѣдить теперь затѣмъ, чтобы темные инородцы—оленеводы не были-бы обманываемы пронырливыми сынами Израиля, но чтобы они извлекали изъ этого, уже почти единственнаго въ мірѣ,

богатства, ту пользу, которую оно можетъ и должно дать. Американцы не даромъ покупаютъ нашихъ оленей. Всемірный рынокъ, видимо, требуетъ оленью кожу, а она и есть только у насъ, въ Приморской области.

Въ Олѣ я пробылъ ровно сутки; хотѣлось-бы побольше побыть, да пароходы восточной китайской ж. д., совершая свои рейсы въ сѣверныя округи не торопясь въ ходу, торопятся въ портахъ и, случается, приходятъ въ тотъ или другой портъ только затѣмъ, чтобы дать свистокъ и взять удостовѣреніе о бытности, тогда какъ время стоянки парохода въ порту опредѣляется временемъ, потребнымъ для разгрузки и выгрузки судна, но, во всякомъ случаѣ, *не менѣе трехъ сутокъ*.

Этотъ пунктъ контракта, по мѣстнымъ условіямъ, имѣетъ прямо жизненное значеніе, и пунктъ сей подлежитъ къ безусловному исполненію.

Дѣло въ томъ, что всѣ якорныя стоянки въ сѣверныхъ портахъ, за исключеніемъ таковыхъ въ Петропавловскѣ, Аянѣ и на устье рѣки Анадыра, находятся въ открытомъ морѣ и успѣшность разгрузки и выгрузки судна зависитъ отъ состоянія погоды: случается, что въ иномъ порту судно сгружается въ двое сутокъ, а въ иномъ равное количество груза задерживаетъ пароходъ на 10-14 дней, и командиры пароходовъ, затративъ, за погодою, въ томъ или другомъ порту много времени, относятъ эту потерю за счетъ слѣдующаго порта и стараются уйти изъ него, какъ можно скорѣе, иногда черезъ нѣсколько часовъ, а это обстоятельство имѣетъ то значеніе, что жители не успѣваютъ не только сдать свой грузъ на пароходъ, но даже не успѣваютъ предъявить его къ нагрузкѣ.

Пароходная администрація, по моему наблюденію,

считаетъ свою миссію исполненной, если товаръ, погруженный во Владивостокѣ, сданъ въ тотъ или другой сѣверный портъ; что же касается пріема грузовъ, то пароходы, подъ всякими предлогами, отклоняютъ отъ себя эту непріятную и хлопотливую миссію.

Къ чему ведетъ такая поспѣшность пароходовъ и какъ она отзывается на интересахъ населенія сѣверныхъ округъ, видно изъ слѣдующаго.

Весною 1898 года, въ Охотскъ, черезъ Якутскъ, проникли 4 семьи минусинскихъ переселенцевъ: Сергѣя Выгузова, Гавріила Фролова, Алексѣя Пѣтухова и Еремѣя Девягина; эти четыре семьи осѣли на берегу моря, въ 7 верстахъ отъ Охотска, въ такъ называемомъ Старомъ Порту, причемъ въ лѣто 1899 года изъ наноснаго лѣса ими построены исправные дома со всѣми хозяйственными службами, заведены всякія рыболовныя принадлежности, собаки и до 30-ти головъ рогатаго скота.

Новоселы дружно принялись за свое хозяйство, причемъ они не безпокоили начальство никакими просьбами о ссудахъ и разнаго рода льготахъ.

„Въ Охотскѣ жить привольно, говорили они мнѣ, рыбы, луговъ—сколько хочешь". Охотская же рыба, такъ называется нярка, отличается особыми вкусовыми качествами, и охотскіе нерячьи копченые балыки находятъ себѣ настолько хорошій сбытъ, что сказанные новоселы, за два года проживанія въ Охотскѣ, устроились хорошо, и даже стали зазывать своихъ родичей, и родичи, въ весну 1901 г. непремѣнно пришли бы, если бы не пароходъ в. к. ж. д. „Мукденъ". Этотъ пароходъ, придя въ 1900 году на охотскій рейдъ, получилъ требованіе на пріемку крестьянскихъ балыковъ въ день прихода, а на

другой день погода была свѣжая и довезти грузъ на пароходъ не позволилъ баръ, а на третьи сутки „вышелъ срокъ“ стоянки парохода, и онъ ушелъ, оставивши у перечисленныхъ выше крестьянъ копченыхъ балыковъ на сумму до 2000 рублей.

Эти балыки, простоявши годъ въ плохо сбитыхъ ящикахъ, никакими брезентами не покрытыхъ, конечно, испортились, а въ 1901 году крестьяне, опасаясь, что балыки вновь не будутъ приняты на пароходъ, сократили ихъ производство, пріуныли, а три ходока, пришедшіе, по ихъ письмамъ, осматривать охотскія мѣста, пошли обратно, говоря, что промышлять въ Охотскѣ балыки— дѣло невѣрное: возмутъ балыки на пароходъ—хорошо, а не возмутъ—пропалъ.

Въ навигацію 1901 г. пароходъ „Гиринъ“ отказалъ принять въ Охотскѣ собакъ до Аяна; собаки—это жизнь сѣверянина, и собачья нарта есть мѣрило благосостоянія тамошняго жителя. Я не знаю мотивовъ отказа, но констатирую лишь фактъ отказа.

Отказъ парохода „Мукденъ“ принять балыки и отказъ парохода „Гиринъ“ принять нарту собакъ, имѣютъ крайне серьезное значеніе для сѣверянъ, особенно теперь, когда сѣверная окраина Приморской области мало по малу пробуждается отъ своего двухвѣковаго оцѣпенѣнія и проявляетъ несомнѣнные признаки нѣкотораго оживленія.

Въ Охотскъ, напр., пришли новоселы, хотя всего четыре семьи, но важно то, что они пришли сюда по собственному почину.

Природа Охотскаго края, хотя и сурова, но она, тѣмъ не менѣе, даетъ человѣку возможность заниматься въ широкихъ размѣрахъ скотоводствомъ, ибо въ этомъ краѣ

травы обильныя, тучныя и питательныя; рыбы и морскихъ звѣрей много, какъ и вездѣ въ сѣверныхъ округахъ; много хорошаго строеваго лѣса, много звѣрей въ лѣсахъ. Семьи, что поселились вблизи Охотска, въ Старомъ Порту, устроились хорошо; слѣдуетъ, чтобы въ будущемъ пароходы относились съ большимъ вниманіемъ къ крестьянскому грузу, и тогда труды крестьянъ по промыслу рыбы и ея заготовленію въ прокъ дадутъ имъ настолько хорошій заработокъ, что къ нимъ приселятся и ихъ родичи, а тамъ пойдутъ въ Охотскій край и другіе крестьяне. Малолюдье—главный недостатокъ сѣверныхъ округъ, и малолюдье служитъ, между прочимъ, причиною того, что въ Охотскомъ краѣ, равно какъ и въ Камчаткѣ, сравнительно слабо развито скотоводство, тогда какъ тамъ такія же почти условія для скотоводческаго хозяйства, какъ и на Сѣверной Двинѣ, въ Холмогорскомъ краѣ.

Нашъ сѣверянинъ больше всего думаетъ о рыбѣ, а рыба идетъ именно въ то время, когда надо косить сѣно, а рыба предпочитается сѣну, и потому въ сѣверныхъ округахъ, несмотря на хорошія условія для скотоводства, имѣютъ скота самое ограниченное количество, и только потому, что наличное количество рабочихъ рукъ недостаточно для одновременной косьбы сѣна и промысла рыбы. Всякій лишній работникъ въ сѣверномъ краѣ имѣетъ огромное значеніе, и необходимость увеличить населеніе сѣверной окраины Приморской области сознана еще графомъ Сперанскимъ, хотя, къ сожалѣнію, тѣ мѣры въ отношеніи увеличенія населенія Охотскаго края, какія приняты были высшимъ правительствомъ по представленію графа Сперанскаго, не привели ни къ какимъ результатамъ, ибо мѣстные чи-

новники сумѣли расхитить всѣ отпущенныя для сего средства и свести начинанія Сперанскаго къ нулю. Увеличить населеніе сѣверныхъ округъ Приморской области хотѣлъ и графъ Муравьевъ-Амурскій, но и его мѣропріятія постигла таже участь, что и мѣропріятія графа Сперанскаго.

Мѣстные чиновники, почти безконтрольные, то по несытой алчбѣ корысти, то по недомыслію, вотъ уже два вѣка тормозятъ большинство начинаній высшаго правительства, направленныхъ къ подъему благосостоянія сѣвернаго края.

Безплодность мѣръ, въ разное время принимавшихся высшимъ правительствомъ для улучшенія быта Охотско-Камчатскаго края, непроизводительность расходовъ на этотъ предметъ государственнаго казначейства привели къ тому, что сѣверныя округи уже мало интересуютъ высшее правительство, а переносъ порта изъ Петропавловска въ Николаевскъ, а затѣмъ во Владивостокъ, послѣднія политическія событія на дальнемъ востокѣ совершенно отвлекли его вниманіе къ крайнему сѣверо-востоку Азіи.

Этотъ уголокъ, заброшенный, предоставленный самому себѣ, живетъ своеобразною жизнью; жизнь въ немъ не бьетъ ключомъ, какъ въ южныхъ частяхъ Приамурскаго края, а тлѣетъ, и никто не заботится, что будетъ изъ этой не угасшей, но предоставленной угаснуть, искры. И искра жизни на крайнемъ сѣверѣ-востокѣ Россіи не гаснетъ и не погаснетъ никогда, ибо сѣверная окраина Приморской области жизнеспособна.

Жизнь Россіи, все болѣе и болѣе развиваясь, коснулась и сѣверо-востока Азіи, ибо на этотъ край обратили вниманіе и промышленный міръ, и, частію, русское

крестьянство, ищущее земли и простора. На Камчаткѣ зародилось крупное промышленное дѣло, а въ Охотскомъ краѣ сама собою возникаетъ крестьянская жизнь.

Отказъ „Мукдена" принять балыки въ корнѣ подрѣзывалъ благополучіе новоселовъ, а охотскій окружный начальникъ даже пальцемъ не шевельнулъ, чтобы заставить пароходъ взять эти балыки.

Это тѣмъ болѣе печально, что неудачная, хотя и серьезная, попытка крестьянъ вывозить охотскіе балыки во Владивостокъ откладываетъ на болѣе или менѣе долгій срокъ развитіе въ Охотскомъ краѣ раціональнаго рыбнаго промысла, хотя таковой и можетъ поднять на ноги весь этотъ край.

Высшее правительство, чтобы развить въ Охотскомъ краѣ раціональный рыбный промыселъ, четыре года тому назадъ, выдало мѣщанину Колмакову безпроцентную ссуду въ 15/т. рублей, срокомъ на 15 лѣтъ. Къ сожалѣнію, Колмаковъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія. Колмакову выдана ссуда на развитіе рыбнаго промысла, но Колмаковъ не столько занялся рыбнымъ промысломъ, сколько торговлею съ Якутскимъ краемъ. Будучи въ Охотскѣ, я ознакомился съ предпріятіемъ Колмакова и свидѣтельствую, что въ отношеніи „раціональнаго рыбнаго промысла" имъ не сдѣлано ровно ничего, если, впрочемъ, не считать скупки у охотскихъ жителей небольшого количества копченыхъ балыковъ и продажи ихъ затѣмъ во Владивостокѣ, что можно было сдѣлать и безъ правительственной ссуды.

Въ бытность мою въ Охотскѣ у Колмакова было на складѣ товаровъ на сумму до 24 т. рублей; уже тогда было видно, что Колмаковъ не имѣетъ намѣренія платить слѣдующій съ него годовой взносъ на погашеніе

ссуды, что я, между прочимъ, и высказалъ начальнику округи, и мои предположенія оправдались, ибо въ концѣ ноября 1901 г. я получилъ отъ начальника округи письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что Колмаковъ отказался погашать данную ему ссуду и уѣхалъ въ Якутскъ.

Если удастся взыскать съ Колмакова казенныя деньги, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ возбудить ходатайства не объ обращеніи ихъ въ казну, а объ образованіи на эти средства рыбопромышленной артели изъ домовитыхъ охотскихъ жителей и минусинскихъ новоселовъ, за ихъ круговою другъ за друга порукой. Слѣдуетъ сдѣлать энергичную попытку къ экспорту охотской рыбы. Капиталъ въ 15 т. рублей въ рукахъ артели дастъ Охотскому краю несомнѣнную пользу и даже оживитъ этотъ край.

Въ Охотскѣ заслуживаетъ вниманія казенная лавка, въ которой продаются по заготовительной цѣнѣ, съ надбавкой 10%, различные предметы первой необходимости; эта лавка—нормируетъ цѣны на привозные товары и, какъ говорятъ, способствуетъ процвѣтанію населенія. Къ сожалѣнію, я не могу высказать своего взгляда на казенную лавку; что лавка—дѣло въ высшей степени полезное—не можетъ быть сомнѣнія, но принципъ дѣла и его практическое осуществленіе—вещи различныя. Я пробылъ въ Охотскѣ всего двое сутокъ, а потому и не могъ ознакомиться съ организаціей казенной лавки.

Изъ Охотска „Гиринъ" вышелъ 5-го сентября, а 7-го сентября, въ 7 часовъ утра, онъ пришелъ въ Аянъ. Аянъ, возникшій благодаря своей превосходной бухтѣ, единственной въ Охотскомъ морѣ, лѣтъ 40 тому назадъ, когда на сѣверѣ еще оперировала россійско-американ-

ская компанія, если и не процвѣталъ, то все же въ немъ было больше жизни, чѣмъ теперь. Нынѣ въ Аянѣ живетъ всего 17 человѣкъ, считая въ томъ числѣ трехъ казаковъ и ихъ дѣтей, и это населеніе размѣщается въ роскошныхъ зданіяхъ россійско-американской компаніи, сооруженныхъ Филиппеусомъ, съ затратой большихъ капиталовъ, ибо этотъ дѣятель нашего сѣвера стремился сдѣлать Аянъ главнымъ торговымъ пунктомъ охотскаго побережья.

Мечты Филиппеуса пока не осуществились, хотя въ Аянѣ и превосходная якорная стоянка, и болѣе мягкій климатъ, чѣмъ, напр., въ Охотскѣ, Гижигѣ, Олѣ, и большія удобства для скотоводства; въ Аянѣ обильные рыбные и звѣриные промыслы, а за всѣмъ этимъ Аянскій край богатъ прекраснымъ лиственничнымъ лѣсомъ, годнымъ даже для судостроенія. Аяну, несомнѣнно, предстоитъ будущность, да и теперь торговая дѣятельность Аяна доказываетъ, что мысль Филиппеуса относительно Аяна, въ общемъ, правильна.

Нынѣ черезъ Аянъ идутъ на р. Маю чайные грузы, причемъ, въ послѣдніе три года, черезъ Аянъ проходило ежегодно, въ среднемъ, до 10 т. ящиковъ кирпичнаго чаю.

Переотправкою чая въ Якутскій край вѣдаютъ два довѣренныхъ: приамурскаго торговаго товарищества Поповъ и русскаго товарищества котиковыхъ промысловъ Бушуевъ. Чаи приходятъ въ Аянъ, обыкновенно, въ концѣ августа и сгружаются въ прекрасные склады, построенные Филиппеусомъ, гдѣ и хранятся до декабря, а съ первыхъ чиселъ этого мѣсяца и до конца марта идетъ перевозка чаевъ на оленяхъ въ Нельканъ. Въ Нельканъ транспорты приходятъ, обыкновенно, на 15-й

день; изъ Нелькана грузъ сплавляется по рѣкѣ Маѣ въ Якутскъ; отъ Нелькана до устья Маи разстояніе 600 верстъ, внизъ по теченію, вслѣдствіе чего это разстояніе проходится въ три-четыре дня, а затѣмъ грузы идутъ по р. Алдану, на разстояніи 1000 верстъ, также внизъ по теченію, а отъ устья Алдана до Якутска, на разстояніи 280 верстъ, грузы плавятся вверхъ по теченію. Весь путь водою, до 2000 верстъ, проходится въ 25—28 дней.

Тунгусы-возчики берутъ за доставку ящика чаю изъ Аяна въ Нельканъ по 6 руб., т. е., приблизительно, по 1 руб. 50 коп. за пудъ

Въ самомъ Аянѣ оленные тунгусы не живутъ, а они прикочевываютъ сюда въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда начинается извозъ. Аянъ во многихъ отношеніяхъ интересный пунктъ, но нашъ пароходъ простоялъ тамъ всего 18 часовъ, да и то только потому, что ему надо было запастись прѣсной водой. 18 часовъ—это такой короткій срокъ, что собрать какія либо болѣе подробныя свѣдѣнія объ Аянѣ я не могъ.

Въ Аянѣ обращаютъ на себя вниманіе двѣ ненормальности: тамъ есть казачья команда, но для команды нѣтъ казеннаго зданія, и казаки живутъ, какъ бы изъ милости, въ домѣ котиковой компаніи.

Затѣмъ, бывшая охотско-камчатская экспедиція Богдановича, еще въ іюнѣ 1897 года, оставила на попеченіи управляющаго аянской казачьей командой слѣдующіе товары: 30 боченковъ солонины, 6 боченковъ неизвѣстнаго товара, 4 ящика свинца, 1 тюкъ веревокъ, 3 мѣшка гречневой крупы, 2 мѣшка гороху, 2 поперечныя пилы и 13 ящиковъ неизвѣстнаго товара. Эти товары, сложенные въ складахъ, принадлежащихъ котиковому товариществу, вотъ уже болѣе 5-ти лѣтъ охраняются

казаками, составляя для нихъ тяжелое бремя, а затѣмъ котиковая компанія имѣетъ къ Богдановичу денежную претензію за многолѣтнее храненіе имущества его экспедиціи въ складахъ товарищества.

Въ Аянѣ нѣтъ склада для казенныхъ припасовъ и таковые помѣщаются въ складахъ товарищества, а что касается соли, то она прямо сложена подъ поломъ одного изъ амбаровъ товарищества, при чемъ въ дождливое время соль подмокаетъ.

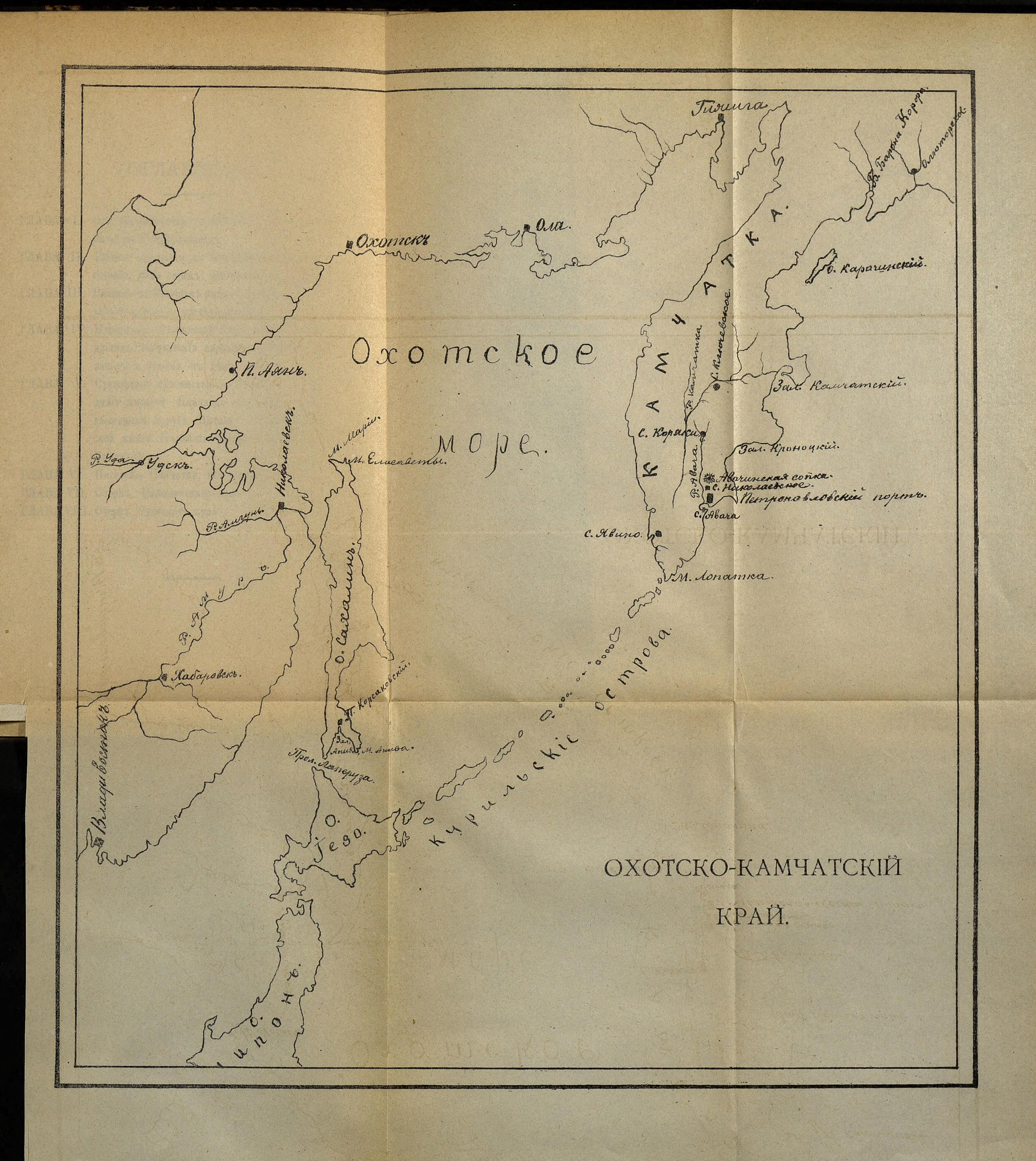
Вопросъ о постройкѣ въ Аянѣ складовъ для казенныхъ припасовъ возбуждался чиновниками особыхъ порученій при приамурскомъ генералъ-губернаторѣ Орловымъ и Савримовичемъ, а также и д. с. с. Маргаритовымъ, но вопросъ сей до сихъ поръ остается открытымъ. Во всякомъ же случаѣ, до тѣхъ поръ, пока въ Аянѣ не будетъ хорошихъ складовъ для казенныхъ припасовъ, туда безусловно не слѣдуетъ посылать соли, ибо таковая все равно испортится.

А. Сильницкій.

Таблица статистическихъ свѣдѣній по Петропавловской округѣ.

Названіе селеній.	Общее число.		Число скота.				Снято овощей.						Звѣрей.									
	Мужеск. пола.	Женск. пола.	Лошадей.	Рогатаго.	Оленей.	Собакъ.	Конопли.	Ячменя.	Картофеля.	Рѣпы.	Рѣдьки.	Капусты.	Медвѣдей.	Лисицъ.	Выдръ.	Росомахъ.	Волковъ.	Барановъ.	Оленей.	Нерпъ.	Лахтаковъ.	Горностаевъ.
Авачинское	39	40	3	23	—	193			412	—			2	8						38	—	—
Николаевское	103	81	23	181	—	301			451	—			62	13	17	—	—	12	—	8	—	—
Корякское	60	47	23	73	—	228			480	—			—	3	9	—	1	28	—	—	—	4
Начикинское	28	23	8	22	—	—			300	—			32	4	2	—	—	14	7	—	—	—
Малкинское	60	47	22	77	—	200			300	30			60	5	7	—	—	4	5	—	—	30
Ганальское	32	44	20	30	—	140			345	—			16	3	3	—	1	7	—	—	—	19
Пущинское	10	11	6	4	—	52			170	—		17 вед.	15	3	2	—	1	1	—	—	—	2
Шеромское	17	18	4	14	—	101			260	—			30	13	3	1	—	3	—	—	—	2
Верхне-Камчатское	39	32	16	36	—	225			660	30		16 п.	38	12	7	—	—	7	2	—	—	—
Мильковское	149	140	77	147	—	740			4160	170	10	149 вед.	64	34	26	2	3	14	28	—	—	17
Кирганикское	31	29	9	26	—	120			900	400		45 „	7	11	5	1	—	2	14	—	—	—
Машурское	44	37	13	42	—	220			325	22		8 п.	17	8	17	—	1	3	6	—	—	8
Щапинское	27	16	2	17	—	102			300	—			10	10	6	—	—	1	2	—	—	9
Толбачикское	32	33	25	27	—	146			700	—			5	2	3	1	—	25	18	—	—	7
Козыревское	29	24	9	14	—	128		4 п.	360	55		1 п.	3	5	6	—	1	8	6	—	—	2
Ушковское	20	22	2	12	—	108			143	40			7	3	7	—	—	2	15	—	—	
Крестовское	33	38	10	18	—	120	4 п.	—	350	51			6	21	1	4	1	—	17	—	—	4
Ключевское	139	118	46	79	—	—	59	834	2142	70		33 вед.	19	20	3	2	2	6	8	5	—	2
Камакинское	36	32	5	27	—	193			670	100			9	2	4	1	—	—	7	2	—	—
Нижне-Камчатское	39	37	3	46	—	200	5	—	770	5			26	9	2	2	—	—	1	7	—	—
Усть-Камчатское	53	58	23	62	—	320			775	—			26	12	1	1	—	—	3	36	—	—
Харчинское	22	23	—	—	—	126			197	—			5	1	3	3	—	3	—	—	—	9
Еловкинское	25	24	7	6	—	64			—	—			15	5	5	1	—	2	2	—	—	—
Озерновское	20	25	2	8	—	62			87	6			7	—	—	—	—	—	3	26	—	2
Уканское	7	8	3	3	—	36			7	—			4	1	2	—	—	—	5	16	—	—
Холюлинское	10	11	3	2	—	46			15	—			13	—	—	5	—	—	2	10	—	—
Ивашкинское	14	16	3	3	—	30			20	—			3	1	2	—	—	—	—	20	—	—
Дранкинское	27	29	8	21	—	80			50	10 п.			14	1	—	—	—	—	1	20	—	—
Карагинское	78	66	4	11	—	120			13	—			4	28						20	—	3
Лѣсновское	109	115	36	11	2500	129			—	—			9	12		2	1	7	11	33	—	9
Кинкильское	57	54	13	18	—	154			—	—			9	16	2	1				47	—	50
Паланкинское	70	80	5	16	—	160			1	20			5	29		3	1			56	—	45
Кахтанинское	89	79	5	12	—	153			—	—			2	20		2	59			—	13	—
Воямпольское	55	45	4	11	—	95			—	—			4	2	2					50	—	10
Аманинское	30	33	11	15	—	109			—	—			—	—	3					10	—	—
Сѣданкинское	49	47	7	41	—	184			128	17 п.			16	11	5					—	—	1
Тигиль	160	149	68	117	—	706			1635	104 „			13	22	5	1	1		3	97	—	10
Напанкинское	31	28	12	30	—	105			—				5	1						40	8	6
Ухтолокское	42	37	4	11	—	125			—				7					1		100	—	—
Ковранское	46	35	14	18	—	190			—				5				1			50	—	—
Харьюзовское	127	140	22	48	—	466			314	37 „			7	10	6	1				139	—	6
Бѣлоголовское	18	18	—	5	—	50			4	56										20	—	—
Морошечное	57	56	5	57	—	198			491	30					4					79	—	—
Сопочное	38	49	6	30	—	80			100	10			2	2	7				7	58	—	12
Ичинское	34	31	4	21	—	140			29	20			6	2	11	1				24	—	15
Облуковинское	62	59	12	66	-	210			158	50			2	1	2		1		2	7	—	20
Крутогорское	34	37	7	68	—	161			—				21	5	12				7	5	—	—
Колпаковское	33	49	5	36	—	239			210	60			19	4	22	1			4	79	—	—
Воровское	66	64	17	92	—	287			362				38	5	27				14	48	—	—
Коловское	32	26	16	50	—	158			355				40	4	14				20	2	—	—
Кахчикинское	40	38	29	48	—	212			280				65	6	4	1		4	15	19	—	1
Уткинское	16	14	6	20	—	69			190				8	5			2		7	9	—	8
Большерѣцкое	42	32	21	104	—	260			500				32	9	20				7	49	—	—
Апачинское	59	61	21	108	—	275			1400				38	2	28		1	3	12	8	—	—
Явинское	27	18	2	43	—	98			80				109	28	12		4	15	9	15	—	1
Голыгинское	21	21	2	20	—	93			43				41	9	8			3	23	10	—	—
ВСЕГО	2667	2544	733	2147	2500	9507	68	838	21642	1383	10	269 вед.	1022	443	330	37	82	175	293	1262	21	314

ОХОТСКО-КАМЧАТСКІЙ
КРАЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
ГЛАВА I.	Отъ Владивостока до Петропавловска.—Прибытіе въ Петропавловскъ	1
ГЛАВА II.	Рыбные промыслы на Камчаткѣ и способы заготовки рыбы впрокъ жителями этой страны .	14
ГЛАВА III.	Развитіе на Камчаткѣ рыбнаго промысла.—Русскіе и японскіе предприниматели	23
ГЛАВА IV.	Изверженіе Авачинской сопки. Агафія Карандашиха. Камчатскій паровой рыбообдѣлочный заводъ и условія его дѣятельности	70
ГЛАВА V.	Сухопутное путешествіе по Камчаткѣ. Наблюденіе жителей Камчатки надъ жизнью рыбъ лососевыхъ породъ. Бытовая сторона камчатской жизни. Положеніе больныхъ проказою на Камчаткѣ	95
ГЛАВА VI.	Населеніе Камчатки, его промыслы и бытъ .	118
ГЛАВА VII.	Очеркъ Гижигинскаго края	141
ГЛАВА VIII.	Очеркъ Охотскаго края	165